

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник материалов
Международной молодежной научной школы

5–6 сентября 2012 г.

Том 3

Казань
Издательство КНИТУ
2013

УДК 930
ББК 63.3
И 90

*Печатается по рекомендации Ученого Совета факультета
социотехнических систем Казанского национального
исследовательского технологического университета*

И90 Историческая память и диалог культур : сборник материалов
Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т.
Т. 3; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Ка-
зань : Изд-во КНИТУ, 2013. – 220 с.

ISBN 978-5-7882-1352-1

ISBN 978-5-7882-1355-2 (т. 3)

Сборник содержит статьи участников Международной моло-
дежной научной школы «Историческая память и диалог культур», со-
стоявшейся в Казани в 2012 г.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам и
студентам, а также всем интересующимся проблемами изучения, со-
хранения и интерпретации исторической и коллективной памяти в
контексте диалога культур.

Проведение конференции и издание сборника осуществлены
при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
(ГК от 22 мая 2012 г. № 12.741.11.0090)

Редакционная коллегия:

О.Н. Коршунова, доктор исторических наук

Р.А. Набиев, доктор исторических наук

С.А. Сергеев, доктор политических наук

А.Ю. Суслов, кандидат исторических наук

А.В. Карпов, кандидат исторических наук

ISBN 978-5-7882-1355-2 (т. 3)
ISBN 978-5-7882-1352-1

© Казанский национальный исследовательский
технологический университет, 2013

СЕКЦИЯ 3

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Р.О. Абилова

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ И РОДА

В настоящее время стало традицией соотносить фотографию с феноменом памяти¹. Семейный фотоальбом помогает его владельцу поддержать память о прошлом семьи. В семейных фотоальбомах хранятся фотографии, приуроченные к праздникам, ритуалам, необычным событиям, помогающими сложить личную биографическую историю². По мнению Т.А. Власовой, если события были сфотографированы, то фотография может быть и самостоятельным напоминанием. Тогда семейный альбом оказывается набором мемориальных пунктов, позволяющим восстановить содержание и контекст воспоминаний, структурирующих биографическое повествование³. То есть семейные фотоальбомы являются визуальными хранителями истории семьи, источниками исторической памяти.

Важно отметить, что семейный фотоальбом – чаще всего принадлежность городской культуры. В сельской местности ситуация была несколько другой - семейные альбомы были большой редкостью. Фотография входила в жизнь сельского населения постепенно. Поэтому наибольший интерес для исследователя представляют собой семейные фотоальбомы сельчан. Обратимся к фотоальбомам жителей деревни Верхний Шемордан Кукморского района и и села Столбище

¹ Власова Т.А. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация, содержания семейных фотоальбом [Электронный ресурс] / Т.А. Власова. - Режим доступа: <http://art.photo-element.ru/analysis/narrativ/narrativ.html>, свободный. - Проверено 10.06.2012.

² Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома / В.Л. Круткин // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2005. - Т. 8, № 1. - С. 173.

³ Власова Т.А. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация, содержания семейных фотоальбом [Электронный ресурс] / Т.А. Власова. - Режим доступа: <http://art.photo-element.ru/analysis/narrativ/narrativ.html>, свободный. - Проверено 10.06.2012.

Лаишевского района Республики Татарстан. Выбор географических рамок непосредственным образом связан с особенностями национального и религиозного состава населения, а также с социально-экономическим развитием населенных пунктов.

Первые семейные фотоальбомы в деревне Верхний Шемордан появились во второй половине XX века. Существовало несколько путей появления первых фотоальбомов:

- покупка альбома в районном центре или в крупном городе членами семьи;
- фотоальбом как ценный подарок;
- альбом с места прохождения армейской службы («дембельский альбом»).

В ходе исследования было выявлено всего 111 семейных фотоальбомов, в которые включено около 10 000 фотографий¹. В среднем, в каждой из опрошенных семей деревни Верхний Шемордан сохранилось по три альбома: из них два советского периода и один современного. На основе выявленных фотоальбомов была составлена авторская классификация (тематическая) альбомов: 1) семейный альбом 2) дембельский альбом 3) свадебный альбом 4) детский альбом 5) производственный альбом.

Первые семейные фотографии чаще всего становились достоянием «настенных фотоальбомов», которые во многих семьях предшествовали самодельным и типографским альбомам. Это объясняется тем, что в большинстве семей до второй половины XX века альбомов еще не было, их роль выполняли самодельные деревянные рамки, которые крепились на стене. И сейчас еще встречаются дома, где традиционно на стенах висят в рамках за стеклом семейные фотографии нескольких поколений, так называемый «иконостас»². По мере увеличения количества фотографий «настенный фотоальбом» превращался в «своеобразное хранилище памяти». Интересно, что во время проведения исследования практика создания «настенных альбомов» была встречена как в русских, так и в татарских деревнях. В основном это черно-белые или «цветные» портреты, раскрашенные традиционными

¹ На момент проведения исследования (2011-2012 гг.) население Верхнего Шемордана насчитывало 265 человек.

² Стигнеев В.Т. Век фотографии. 1894-1994 / В.Т. Стигнеев. - М.: Ком-Книга, 2005. - С. 252.

розовыми и голубыми анилиновыми красками. Постепенно к ним добавлялись и любительские фотографии, выполненные родственниками-горожанами или присланные из армии, а с появлением собственного фотоаппарата - выполненные членами семьи.

Пик своего распространения «настенные фотоальбомы» получили в 1960 годы, когда в деревнях стали появляться выездные фотографы из городских и районных фотоателье. Они собирали семейные портреты, переснимали их, ретушировали и раскрашивали, а затем возвращали владельцам, которые размещали их на стене комнаты.

«Настенные» фотоальбомы начали утрачивать свою популярность в селе Столбище в конце 1970-х гг., а в деревне Верхний Шемордан в начале 1990-х гг. Интересно, что респонденты разных населенных пунктов объяснили причину спада популярности по-разному: жители Столбищ стали отказываться от таких альбом из-за выхода их из моды и доступности фабричных фотоальбомов, а жители Верхнего Шемордана - по религиозным причинам (запрет по канонам ислама). Тем не менее, несмотря на выше перечисленные факторы, в некоторых русских семьях (30%) «настенные фотоальбомы» по-прежнему занимают свое почетное место, а среди татарских семей в ходе исследования «настенный фотоальбом» был обнаружен только в одной семье (3%). С распространением семейных фотоальбомов семейная фотолетопись переместилась в альбомы, изготовленные типографским способом.

Если альбом — это комплекс фотографий, то источниковой единицей анализа является фотография¹. Каждая фотография семейного альбома — это момент из жизни семьи. При исследовании семейного фотоснимка важно учитывать, что он несет в себе множество функций, среди которых коммуникативная, актуализирующая, объек-

¹ Для фотографий, выявленных в ходе исследования, можно использовать классификацию, предложенную О. Ю. Бойцовой (см.: Любительская фотография в городской культуре России конца XX в. (визуально-антропологический анализ), с небольшой корректировкой, основанной на конкретно-практическом опыте: 1) профессиональные и любительские портреты; 2) фотографии в домашнем интерьере (бытовое фото); 3) детские фотографии; 4) студенческие фотографии; 5) фотографии обрядов жизненного цикла (свадебные фотографии и фотографии похорон); 6) фотографии календарных праздников; 7) армейские фотографии; 8) туристские фотографии; 9) производственные фотографии.

тивирующая, экспрессивно-катарсическая, функция отражения динамики изменений и другие. Именно поэтому фотографию, как своего рода фиксатора истории, следует «проинтерпретировать» для извлечения ценной информации¹, «которая закодирована в изображении посредством символов»².

Методика анализа визуального источника заключается в переводе визуальной информации в текст. Для этого необходимо сочетать различные подходы интерпретации западных и отечественных теоретиков (Р.Барт³, С.Зонтаг⁴, В.Флюссер⁵ и другие).

Появление первых фотографий в деревне Верхний Шемордан запоздало больше чем на полвека⁶. Самая ранняя сохранившаяся фотография в татарской деревне относится к 1914 году⁷. К сожалению, историю появления данной фотографии установить не удалось. Это подтверждает необходимость оценивания фотографии с точки зрения визуального источника, используя вспомогательное значение текстового ряда.

В качестве дополнительных источников для исследовательской работы были привлечены устные источники — воспоминания

¹ Черняховский С.Ф. История - это самоидентификация [Электронный ресурс] /С.Ф.Черняховский. - Режим доступа: <http://file-rf.ru/analitics/129>, свободный. - Проверено 10.06.2012.

² Семейная и любительская фотография [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://jirafa.ru/stat_foto/semeynoe_foto/, свободный. - Проверено 21.04.2012.

³ Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт; пер. с фр. М.Д. Рыклина. - М.: Ad Marginem, 1997. - 272 с.

⁴ Зонтаг С. Взгляд на фотографию [Электронный ресурс] / С. Зонтаг. - Режим доступа: <http://www.photographer.ru/cult/theory/401.htm>, свободный. - Проверено 10.06.2012.

⁵ Флюссер В. За философию фотографии / В.Флюссер. - СПб.: Санкт-Петербургская унта, 2008. - 146 с.

⁶ Фотография - получение и сохранение статичного изображения на светочувствительном материале (фотоплёнке или фотографической матрице) при помощи фотокамеры. Первой в истории фотографией считается снимок «вид из окна», полученный Ньепсом в 1826 году с помощью камеры-обскуры на оловянной пластинке.

⁷ Фотоальбом Нуриева И.Г. - дер. Верхний Шемордан Кукморского района.

членов семьи. Они были получены в результате 50 интервью с сельскими жителями деревни Верхний Шемордан и села Столбище, взятых автором в 2011-2012 гг. Интервью проходило по заранее подготовленному перечню вопросов в домашней обстановке. Сначала респондент рассказывал об истории своей семьи, а затем дополнял ее новыми сведениями, которые возникали в при просмотре семейных фотоальбомов

Целесообразно начать изучение проблемы с вопроса об истории рода. В современной литературе, посвященной составлению генеалогического древа, принято оперировать понятием «поколение»¹. В нашем случае под поколением понимается общность членов семей по времени рождения, запечатленных в семейных фотоальбомах. В ходе исследования были определены следующие хронологические рамки поколений: первое поколение — 1980-1990-е годы рождения; второе — 1960-1970-е гг.; третье — 1940-1950-е гг.; четвертое — 1920-1930-е гг.; пятое — 1900-1910-е гг.; шестое — 1880-1890-е гг.

Итоги устной беседы позволили выявить следующую картину: из 32 опрошенных семей деревни Верхний Шемордан знание истории рода не простирается глубже третьего поколения — около 70%; четвертого - 24%; пятого — 3%; шестого — 3%. Таким образом, самая ранняя приблизительная дата - 1880-е годы. Следовательно, история семьи начинается с последней четверти XIX века. Историей эти знания назвать сложно, так как в большинстве случаев речь идет о знании только имени (шестое поколение), имени и фамилии (пятое поколение). Сведения о четвертом поколении ограничиваются фамилией и именем родственников, местом рождения. Информация о третьем поколении значительно расширяется: становится известно об образовании и роде деятельности. Чаще всего, сведения сохранились о родственниках по мужской линии. В ходе исследования была выявлена следующая особенность: в семьях респондентов с. Столбище сведения об истории родословной простираются значительно глубже: 64% семей обладают сведениями об истории рода вплоть до пятого поколения, 16% - до шестого.

¹ Поколение - объективно складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени (М.П.Глотов).

Таким образом, знание истории своего рода простирается до шестого колена, представленность же истории рода визуальными источниками (в данном случае – фотографиями), как правило, охватывает только три последних поколения, в единичных случаях – четыре.

Если рассмотреть вопрос о том, насколько равномерно в семейных фотоальбомах представлены различные периоды истории рода и семьи, то картина будет выглядеть следующим образом. Сохранилась только одна фотография дореволюционного периода (июль 1914 года); 1920-е годы в фотоальбомах не представлены; единично представлены семейные портреты 1930-х годов и фотографии военных лет. Семейные фотоальбомы содержат более 98% фотографий послевоенного периода: 1950-е годы — менее 3%, 1960-е — 17%, 1970-е — 8%, 1980-е — 40%, 1990-2000-е — 32%.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что семейная история в период первой мировой войны, гражданской войны, голода в Поволжье, процесса раскулачивания не нашла своего визуального отражения. Только в одной семье фотография 1930 года позволила респонденту воскресить в памяти историю семьи в период Гражданской войны и голода в Поволжье 1921 г.

Военный период (1941-1945 гг.) в памяти семей представлен отрывочно, хотя исследования социологов показывают, что наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для российского народа сегодня имеет историческая память о Великой Отечественной войне как память о Победе¹. В ходе исследования было выявлено всего 12 фотографий военных лет. При просмотре военных фотографий большинство респондентов деревни Верхний Шемордан приводили только общие сведения. Возможно, это связано с тем, что жители деревни меньше интересовались историей своей семьи, их больше волновало то, что связано непосредственно с «их жизнью»: некоторые респонденты признавались, что «отец что-то рассказывал о войне, но в то время не интересно было слушать»². В селе Столбище было выявлено значительно меньше фотографий военных лет, но в

¹ Соколова М.В. Что такое историческая память [Электронный ресурс] / М.В. Соколова. - Режим доступа:<http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>, свободный. - Проверено 19.08.2012.

² Интервью с Емельяновой Л.А. 5 апреля 2012 г. - архив автора.

результате применения метода Р. Барта¹ было получено больше информации. Респонденты рассказывали не только о запечатленных на фотографиях родственниках, но и о жизни в военные годы. Кроме этого, просмотр фотографий провоцировал появление более поздних воспоминаний у интервьюеров.

Послевоенная история жизни семей была уточнена преимущественно с помощью армейских фотографий, которые были сделаны в годы «Пражской весны», Венгерского восстания, советско-китайского пограничного конфликта. Дальнейшая семейная история второй половины XX века нашла свое отражение уже в семейных фотографиях, которые позволяют значительно расширить представление об образе жизни сельчан.

Наибольший пласт фотографий представляют собой детские фотоснимки, с помощью которых можно выявить особенности детского мира советского ребенка, проживающего в сельской семье. Детские портреты с игрушками начали получать свое распространение в 1970-е годы, что является показателем недоступности детских игрушек для сельских жителей.

Материальное обустройство детского пространства долгое время обходилось без детских кроваток и фабричных колясок: их появление приходится на 1980-е годы. Это объяснялось отсутствием в их необходимости. Схожая ситуация происходила и с детским садом в Верхнем Шемордане. Первые фотографии сельских детей в «детсадовском» возрасте появились только в 1989 году, в год его открытия. Следующий этап детства - школьные годы, отмечены преимущественно групповыми портретами в день 1 сентября и в день последнего звонка. На основе выявленных фотографий удалось проследить эволюцию школьной формы в советские годы. К сожалению, сформировать четкого представления внутреннего убранства школьных кабинетов не удалось. Внеклассная жизнь сельских школьников также не нашла своего отражения на фотографиях. Исключение составляют несколько фотографий лыжных соревнований и игры в хоккей.

Семейный быт сельских жителей удалось восстановить благодаря семейным портретам на фоне домов, ворот, заборов, которые до-

¹ Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт; пер. с фр. М.Д. Рыклина. - М.: Ad Marginem, 1997. - 272 с.

полнялись возникающим при просмотре фотографий ассоциативным рядом респондентов.

Кроме того, фотографии из семейного фотоальбома позволяют выявить следующие исторические факты и события, которые в сочетании с «устной историей» позволяли конкретизировать и «оживить» историю фотографий: праздничная культура жителей села в целом и национальные праздники и элементы национальной одежды; производственная деятельность сельчан в различные периоды истории, обряды жизненных циклов (свадьбы, похороны), армейский быт, отдых и спорт и др.

Рассматривая фотографии семейных фотоальбомов, респонденты уточняли место и время съемок, и тем самым реанимировали историю семьи и рода. Фотография позволила обеспечить доступ к тем автобиографическим воспоминаниям, которые не могут быть извлечены из памяти произвольно¹. К сожалению, история семей деревни Верхний Шемордан носит отрывочный характер. Это связано с тем, что круг носителей исторической памяти сужается: «историческая память «конечна», она «умирает» с естественным уходом тех групп, которые являлись ее носителями»². Следовательно, источники исторической памяти (семейные фотоальбомы) без «носителей» для многих семей уже представляют собой тайну, так как интерес к формированию и просмотру фотоальбомов среди сельчан резко сократился.

Получив свое распространение во второй половине XX века семейные фотоальбомы способствовали сохранению исторической памяти истории семьи и рода через визуальный ряд, но утрата интереса к фотоальбомам в начале XXI века может привести к тому, что семейные фотографии станут безмолвным источником исторической памяти истории семьи и рода.

¹ Нуркова В.В. Фотография как «техника себя»: анализ с позиций культурно-деятельностной психологии / В.В. Нуркова // Культурно-историческая психология: современное состояние и перспективы развития. - М.: ООО «Алвиан», 2007. - С. 78.

² Соколова М.В. Что такое историческая память [Электронный ресурс] / М.В. Соколова. - Режим доступа: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>, свободный. - Проверено 19.08.2012.

ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ИСКУССТВО
КАК ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ИНОЗЕМНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Доминирующее значение для анализа проблемы имеет парадигмальный метод, представленный А. Дугиным. Исследователь выделяет три глобальные парадигмы: Премодерн, Модерн и Постмодерн, которым соответствуют: парадигмы истории – традиционное общество; Новое время XVI – XX вв.; современный западный мир конца XX – начала XXI века; типы обществ и производств – аграрное преиндустриальное общество и сельское хозяйство; индустриальное общество и промышленное производство; постиндустриальное общество и услуги, высокие технологии, информационная экономика; способы познания – сакральное и миф; реальное, наука и рационализм; виртуальное, игра, ирония, пародия, цитирование; основные формы гносеонтологии – религия, философия, постфилософия¹.

Рассмотрим, как изменяются структура и характер художественного произведения, положение художника и зрителя в пространстве выделенных парадигм.

В парадигме Премодерна пространство искусства слито с бытовой жизнью, художественная деятельность имеет ремесленный и прикладной характер, но она, как и весь мир, одухотворена и полна сакрального смысла. «Китайские мастера, никогда не ставившие своей задачей воспроизведение неких идеальных форм, не имели другого предмета изображения, помимо физического мира, но их верность природным образцам была лишь способом как можно утонченнее сообщить, намекнуть о присутствии символической реальности ... Китайская традиция не знала ни свойственной европейскому романтизму антитезы низости обыденного существования и величия творческого вдохновения, ни характерного для модернистского искусства Запада сведения творчества к псевдоремесленной «выделке» художественного произведения» Художественная деятельность Премодерна неотделима от быта и бытия, как пребывания с божественным. «Между не-

¹ Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009; Дугин А. Г. Лекции курса «Постфилософия» // <http://konservatizm.org/>

бесным и человеческим в действительности нет зазора, на реальность нельзя «смотреть»¹.

«Смотреть на реальность» начинают в парадигме Модерна. Именно тогда и возникает само слово «реальность», означающее не вещный, как «говорящий» с Богом, мир, а некоторую совокупность бездушных материальных предметов. Смысл новоевропейского представления о сущем лучше всего выражает слово репрезентация (представление). В парадигме Модерна художественная деятельность рационально вычленяется из потока жизни и заключается в школы, студии и институты. Происходит интеллектуализация и институализация художественного ремесла, формируется особый визуальный и эстетичный язык искусства, противопоставляющий себя ремесленному и машинному производству. Происходит расслоение на профессионалов и дилетантов, подлинных интеллектуалов художников-творцов и ремесленников народного (массового) творчества.

Что происходит в парадигме Постмодерна? Пережив опыт мировых войн и разочаровавшись в возможностях разума, художественная элита критикует традиции школ и институтов и обращается к формам народного творчества. «Художественные школы с любой системой обучения рисованию и живописи теряют смысл»², в центр внимания выходят маргинальные практики и искусство меньшинств. Искусство стремится всепроникнуть в реальную повседневную жизнь и предельно расширяет свои границы: от традиционного хенд-мэйда и классических жанров до инсталляций и энвайронментов, хепенингов и перформансов, дегитального искусства и видео-арта.

Что касается позиции художника, то в традиционном обществе Модерна художник всецело слит с Творцом и является неотъемлемой частью сакрального, непрерывного, творящего потока жизни. Независимо от того творит художник Премодерна бога-идола или деревянную ложку, он уподобляется Божеству, творящему Вселенную. Парадигма Модерна наделяет художника позицией единственного и

¹ Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб., 1999. С.26-27.

² Рассохина И.Б. Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века // Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Серия «Symposium». Вып.16.СПб., 2001/http://anthropology.ru/ru/texts/rassohina/aestip_10.html

уникального автора-изобретателя. Новое время ориентируется на ценности творческой активности личности, многосторонности деятельности, неповторимой индивидуальности, ценит непрерывную активность, коренные преобразования, скорость перемен. Подобно Богу в креационистской модели, который, дистанцируясь, творит человека из Ничто (как глиняный горшок или машину¹, художник Модерна пронизан духом изобретательства и преследует цель изобретения новых техники и приемов, своеобразного и уникального языка.

В парадигме Постмодерна художник теряет свою почетную исключительную позицию демиурга-изобретателя и выступает в роли сценариста, скриптора, аналитика. Сегодня, когда фото-техника и компьютер стали доступны большинству. Границы официального искусства существенно расширились, художником может быть каждый. Постмодернистский мир искусства ценит в художнике не способность изобретать и выдумывать (как в Модерне), а способность отбирать и комбинировать. Постмодернистское творчество – это постановка игры с заданными культурными текстами и кодами, контекстом. Парадигма Постмодерна отводит художнику роль исследователя, который ищет идеи, ценности, стереотипы, изучает их, играет с ними и предлагает зрителю. Художник не является первотворцом, так как не имеет дело с чистым материалом, он подобно сценаристу работает с готовым и культурно освоенным.

В Постмодерне субъективная мысль автора перестает иметь прежнее значение, фигура автора устраняется, ведутся дискуссии о «смерти автора» (Барт Р.). Собирая произведение из готового, автор-изобретатель исчезает, его индивидуальность стирается. По Эко, автор должен замолчать, дистанцироваться, умереть, чтобы освободить поле для интерпретации и тем самым обнажить идею, что художественное творчество не сиюминутный акт, а результат длительной, кропотливой работы.

О характере и структуре художественного произведения. В Премодерне художественные изделия имели религиозный, магический смысл, результатом работы творца были предметы-обереги, хранители и талисманы. Произведение художника Премодерна – это его откровение, след от момента соединения с божественным. «Эффект произведения искусства и его истинное основание — открывать бес-

¹ Дугин А. Г. Лекции курса «Постфилософия» // <http://konservatizm.org/>

конечное в конечном, тайну вечности прекрасного», - отмечает В. М. Дианова, описывая труд художника китайской традиции¹.

Парадигма Модерна возвела принцип конструирования и проектирования уникального художественного произведения до определенных правил («правильная» перспектива, «правильный» свет, тени и рефлексy, «правила» золотого сечения и сочетания цветов и т.д.). Художник-изобретатель «производит произведение». Основополагающей в мировоззрении художника оказывается концепция мимесиса². Поскольку природа подчинена скрытым закономерностям и красота и гармония доступны количественному измерению и могут быть выражены математически, художественное произведение представляет собой единение логической структуры и поэтической формы.

Постмодерн разрушает ясные модернистские правила построения произведения искусства и превращает произведение в гипертекст³, «открытое произведение»⁴, мозаику культурных образов и значений, свободно интерпретируемую зрителем. «Если произведение можно определить как то, что сказал автор, то текст – это то, что сказалось в произведении независимо от авторской воли, а зачастую и от авторского сознания, сказалось именно в той мере, в какой любой индивид погружен в атмосферу определенных смыслов и вынужден в результате этого читать и усваивать ту книгу культуры, которую ему предложили эпоха, среда, социальное происхождение, система воспитания и образования». «Текст – это нечто большее, это потенциал, который может быть реализован только частично и только через скрипт (Эспен Арес)»⁵. В основе постмодернистского произведения «философия игрового очищения и ожидания», а не «назидательная и информативная, как в классической традиции». Через игру.

¹ Дианова В.М. Указ.соч. С.30.

² Несмотря на то, что этимология слова «mimesis» до сих пор неясна, синонимы и переводы существуют: имитация, копирование (средние века и Новое время); подражание, воспроизведение, отражение (Россия); репрезентация, представление (Франция).

³ Гипертекст – представление информации в виде связанной сети гнезд, где читатель свободно нелинейно прокладывает свой путь.

⁴ Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004.

⁵ Цит.по: Усовская Э. А. Постмодернизм: учеб. пособие. Мн., 2006. С.135, 143.

Структура постмодернистского художественного произведения (гипертекста) – многослойное пространство, в котором пересекаются, накладываются друг на друга различные виды письма. Это динамичная самоорганизующаяся структура, сотканная из отборных цитат. Если произведение Модерна пропитано новизной, то произведение Постмодерна не первично, его содержание «ни в коем случае не ново. Постмодерн означает скорее не новизну, а плюрализм»¹. Постмодернистский текст – не готовое произведение, а живой процесс взаимодействия писателя с текстом и зрителем, ведущий к рождению текста здесь и сейчас. Произведение превращается в текст только тогда, когда зритель понимает цитаты и начинает сам творить смысл произведения (интерпретировать).

Время в парадигме Премодерна вечно и циклично. Поэтому следование традициям искусства, передача опыта наделялись значением вечного. Прибывая в творческом потоке сущего художник Премодерна передает мгновенное, но это мгновение – проекция вечности, в результате этого мгновения художник достиг прозрения, просветления и приблизился к истине мира. «Сосредоточенная «праздность» художника была творчеством, растянутым до вечности, его творческое «безделье» — сплюсненной до мгновения «праздностью»»².

Искусство Модерна оперирует понятием «современность»³. «Стремление быть современным присуще человеку в Новейшее время»⁴, отмечает А. Бойко. В период Премодерна в истории разных народов так не ценили достижения и не придавали современности столь высокого статуса. Лишь с формированием идеи социального прогресса (XVIII – XIX вв.) в дне сегодняшнем стали видеть самостоятельно ценное время истории. У художника «возникает страх оказаться несо-

¹ Дианова В.М. Указ.соч. С.30, 5.

² Там же. С.26.

³ Слово «современный» применительно к исторической ситуации впервые стали использовать на закате Римской империи в V в., чтобы отличить только что завершившуюся эпоху язычества от наступившего господства христианства. См.: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. №4. С. 12.

⁴ Бойко А. Г. Современное искусство – это интересно! Опыт интерпретации художественных образов XX века: музейно-пед. пособие. СПб., 2010. С.30.

временным... Исходить надо любой ценой из сегодняшнего дня»¹. Поэтому произведение парадигмы Модерна отражает темы современности, среди которых важное место занимает повседневная жизнь.

В искусстве Постмодерна появляется понятие актуальное искусство. И современное, и актуальное искусство цепляются за современность. Но современное искусство подразумевает новотехнологичное и экспериментальное, а актуальное – «злободневное»², проблемное и не нашедшее своего решения «здесь и сейчас»³. Если современное искусство преследует цель отразить новое в быстро меняющемся настоящем, то актуальное искусство – то, что отсутствует в настоящем.

На смену современности приходит «постсовременность». Постсовременность – это не будущее, которое следует за современностью, это настоящее, которое присутствует здесь и сейчас, но в котором утрачена современность. Все относительно – доверия современности нет, есть только фантазии о будущем и отголоски прошлого. Отношение к «сейчас» может сформироваться только относительно прошлого и будущего.

Художники актуального искусства выделяют не только экспериментальный характер творчества (что свойственно Модерну), но и непосредственную связь искусства с постиндустриальным временем, признаки которого: интерактивность и медийность, недолговечность и событийность. Событийность и само понятие «событие» становится одним из ведущих в постмодернистском искусстве. Именно оно позволяет обнаружить неповторимость, неопределенность и одновременно представленность реальности. В событии время и пространство едины. Это одновременно и становящееся и ставшее, исчезающее и появляющееся. По словам М. Бланшо событие – это провал настоящего, время без настоящего, в нем «Я» не умирает, Я утрачивает способность умереть... в этом провале вечно умирается, но никогда не удается умереть.

О позиция зрителя. В парадигме Премодерна зритель – активный созерцатель знаков и символов. В Модерне – сторонний наблюдатель, он пассивен. «...зритель должен рассматривать искусство в благо-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С.12

² Андреева Е. Постмодернизм. СПб., 2007. С.392.

³ Бойко А.Г. Указ.соч. С.42.

говейном молчании, поместив его на фоне нейтральной белой галерейной стены и полностью отрешившись от социального окружения и даже от своего тела и половой принадлежности, - и все это для того, чтобы усилить воздействие произведения, усилить его эстетическую ценность»¹, – отмечает Б. Тейлор, комментируя принципы модернистского искусства.

Парадигма Постмодерна дает зрителю роль соавтора и фигуры-персонажа произведения. Пространства энвараментов и хеппиенгов превращают зрителя в активного соучастника, а возможность многочисленных интерпретаций открытого произведения делает его причастным к процессу творения.

Таким образом, ряд парадигмальных соответствий цепочки Премодерн- Модерн- Постмодерн можно дополнить:

Художественная деятельность - бытие, творчество и ремесло; репрезентация (представление), проектирование и искусство; арт-практики и постискусство;

Позиция художника - творец; изобретатель; сценарист;

Характер и структура художественного произведения – открытие, оберег; произведение, репрезентант; открытое произведение, культурный гипертекст;

– символическое; эстетическое; игровое;

Время в искусстве – вечное; современное; постсовременное и актуальное;

Позиция зрителя – созерцатель; зритель, наблюдатель; соавтор и фигура- персонаж произведения.

В попытках обнажить и преодолеть разрушительность субъективистского рационализма Нового времени, искусство Постмодерна обращается к опыту традиционных культур, предельно расширяя границы искусства. Эта позиция таит в себе опасность нивелирования статуса художника и его деятельности как уникального тонкого труда, подвластного не каждому, и одновременно возможность выработки новых современных ценностей и художественного языка, адекватных состоянию культуры. Идея самоорганизующейся разрастающейся поверхности, лишенной измерений глубины и высоты - ответ Постмодернистского искусства разрешить противоречие между логосом и

¹ Тейлор Б. Art Today. Актуальное искусство, 1970-2005 / пер. с англ. Э. Д. Меленевской. М., 2006. С.10.

мифосом, социальным и бессознательным. Постмодернистское произведение – носитель потенциала, оно подобно миру виртуальных возможностей. Как европейская культура воспользуется этим потенциалом, покажет время. В заключение лишь отметим, что цепочка Премодерн-Модерн-Постмодерн действительна только применительно к западным развитым обществам (Европа, США, Канада, Австралия и т.д.) и мы имеем уникальную возможность оценить художественный опыт европейских стран, этой логоцентричной цивилизации в освоении иноземных культурных традиций.

Э.Р. Беглиев

**ТУРКМЕНИЯ И ЕЕ КУЛЬТУРА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
(ЧАРДЖОУСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

Туркестан вошел в состав России в середине XIX в. К тому моменту история края насчитывала столетия. До н.э. это был центр высокоразвитой культуры. Новая страница началась с принятием ислама – основы культуры и государственности. Другим фактором развития было нахождение ряда населенных пунктов вдоль шелкового пути. По нему двигались караваны купцов из разных стран, в том числе Китая.

Чарджоуская область – административная единица на территории Туркменской ССР, существовавшая в 1939-1963 и 1970-1992 годах. В 1992 г. на территории области образован Лебапский велаят. Город Амуль возник в I-IV веках нашей эры. В конце XV – начале XVI вв. город известен как Чарджуй. История города уходит своими корнями вглубь веков. Прошлое города с самого его рождения в начале новой эры обязано «Великому Шёлковому пути», проложенному из Китая через Центральную Азию в Средиземноморье в III веке. Одним из важных пунктов, надёжным пристанищем на этой знаменитой дороге и был город Амуль — это первое название Туркменабада. Позже оно было перенесено и на реку Окс. Она стала именоваться Амударья, что означает Аму-река.

Значение Амуля определялось его месторасположением. Здесь была устроена переправа через своенравную и широкую Амударью. Тут сходились торговые дороги, причем отсюда помимо «шелкового пути» они вели в Иран, Индию, Восточную Европу. Вместе с торговлей развивались и ремёсла. В городище Амуль на окраине города ар-

хеологи находили медные монеты Кушанского рабовладельческого государства, относящиеся к I—IX векам нашей эры. Амуль входил в это государство, а после его гибели приобрёл самостоятельность.

Позже город вошёл в состав арабского халифата. Арабские историки сообщают, что Амуль представлял собой значительный культурный центр. Есть свидетельства, что «Из Амуля вышло много ученых...». В XI в. сельджукские туркмены полностью покорили Центральную Азию. После этого Амуль переходит в подчинение туркменского царя Чагры-бека. В первой половине XIII в. Амуль за оказание сильного сопротивления войскам Чингиз-хана был полностью разрушен монголо-татарами. Это произошло в 1221 г.

Знаменитый восточный поэт и полководец Бабур в 1511 г. со своим многочисленным войском проходил около руин древнего Амуля и остановился недалеко от берега реки. Возле его стоянки оказалось 4 арыка. В своём знаменитом произведении «Бабурнамэ» он называет это место «Чахарджуй», что означает «четыре русла».

В XIII веке город входил в Хивинское ханство, а с начала XIX и до гражданской войны силой был подчинён Бухарскому эмирату. Освободительная борьба того времени нашла свое отражение в творчестве великого туркменского классика литературы, поэта и патриота Сейитназара Сейди. И в то же время Бухарский эмират сам являлся протекторатом России и проводил насильственную политику русского царизма. Во второй половине XIX века в Чарджев были переселены уральские казаки. В 1877 г. из Турткуля в Чарджев приходит пароход под названием «Самарканд», что стало началом создания речного пароходства.

Чарджуй – городское поселение, образовавшееся около станции Аму-Дарья (1070 в. от Красноводска) Среднеазиатской железной дороги, на левом берегу реки Аму-Дарья, на земле, уступленной русскому правительству эмиром бухарским. Тогда, в начале XX в. жителей было 4068, в том числе русских 3501. Широкие прямые улицы, достаточно зелени, много лавок и магазинов, довольно оживленный базар. Чарджуй был важный торговый центр; товары, идущие в Бухару, Хиву и частью в Афганистан, перегружаются здесь на речные суда, а приходящие оттуда грузы поступают на железную дорогу. Имелась стоянка пароходов аму-дарьинской флотилии, поддерживающей сообщение между Патта-Гиссаром (Термез) на юге и Петро-Александровском (Хива) на севере. В городе располагались церкви

православная и армяно-грегорианская, 3 мечети, приходское, городское и железнодорожное, мужское и женское училища, Военное и общественное собрания, городской сад, питомник для надобностей железной дороги, а также пять хлопкоочистительных заводов, транспортные агентства. Городские доходы — 18330 р. У Чарждуя Средне-Азиатская железная дорога пересекает Аму-Дарью (см. Чарджуйский мост). В 16 верстах от Чарджуя лежит довольно крупный бухарский город Чарджуй туземный, центр Чарджуйского бекства с остатками стен и крепостью; жителей там было 15 тысяч.

Старый Чарджуй, что на Аму-Дарье, отличается оживленным торговым обменом. В 1900 году на станцию прибыло 1820244 пудов товара (воинские грузы, сахар, мануфактура, лесные строительный материал, железо, мука, чай, рис, керосин и т. п.); отправлено со станции Чарджуй в том же году 963382 пудов (изюм, кожи, ковры, овчины, семя хлопковое, хлопок — 516641 пудов., шерсть и пр.). Межнациональное общение не было интенсивным, местное население вело мусульманский, замкнутый образ жизни. Мечети составляли центр жизни. Но были и церкви. Конфликтов на почве религиозных различий не было.

Новый период истории начался с началом советского периода. Появилась национальная государственность: город входил в 1918-24 гг. в состав Туркестанской АССР, а с 1924 г. — в Туркменской ССР. Была создана Чарджоуская область (Указо Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1939 г.) В 1939 г. в области проживало 252,9 тыс. чел. В том числе туркмены — 57,7%; русские — 18,9%; узбеки — 14,3%; татары — 2,6%; украинцы — 1,7%; казахи — 1,4%. Более интенсивными стали межнациональные контакты. Получила развитие промышленность.

Были построены шёлковый комбинат, шерстяная, прядильно-ткацкая, ватная, трикотажная, швейная, обувная фабрики, каракулевый, хлопкоочистительный заводы; мясокомбинат, молочный, винодельческий, солодовый заводы; суперфосфатный, ремонтный заводы, мебельная фабрика, завод стройматериалов. Организованы университеты, в том числе в Чарджоу.

В 1987 г. население выросло до 698 тыс. чел., Чарджоуская область административно состояла из 12 районов и включала 2 города и 21 поселков городского типа. В советское время культура Туркмении получила новый импульс: организованы театр, музеи начальное и

среднее образование стало всеобщим. В Чарджоу имеется самый старый в Республике исторический музей. В музее фиксируется историческая память Республики, а затем суверенного государства.

М.А. Беляева

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОКРЕАЦИОННОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

На каждом этапе развития общества возникают новые специфические проблемы и новые способы их решения. Такой проблемой является глобализация с присущими ей стиранием этно-национальных особенностей, унификацией, стандартизацией повседневной жизни человека. Глобализацию можно оценивать положительно, как путь к долгожданному общечеловеческому единству или воспринимать как надвигающийся смерч, стирающий историческую память, затягивающий в свою воронку существующее культурное многообразие и лишаящий исходный культурный ландшафт привычных достопримечательностей. Есть и третья позиция – отрицание глобализации «по-американски», но поддержка глобализации, ориентированной на диалог культур и сохранение их жизнеспособности, несмотря на присутствие магистрального тренда гомогенизированной культуры.

Диалог культур можно рассматривать в синхроническом и диахроническом аспектах. Мы придерживаемся именно второго исследовательского ракурса, и под диалогом культур будем подразумевать диалог настоящего и прошлого культуры, причем именно русской культуры и ее проявлений в особой сфере жизнедеятельности личности и общества, связанной с продолжением рода – прокреационной сфере (от лат. *procreatio* – рождение, произведение на свет).

В этой сфере естественной реакцией на глобализацию является обращение к культурным истокам, чтобы понять, что же мы все-таки теряем и далее, либо расстаться с этим наследством без сожалений, либо сохранять его, встраивая в новую культурную реальность. В самом желании внести в будущее что-то из прошлого, нет ничего противоестественного. Вспомним слова Д.С. Лихачева: «История культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии»¹.

¹ Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. С. 26.

Среди существующих механизмов сохранения исторической памяти и включения прошлого в настоящее (музеи, искусство, фольклористика, СМИ, образование и др.) образование играет особую роль, поскольку является массовым и целенаправленным социокультурным институтом, обеспечивающим непрерывную социализацию и инкультурацию поколений. Насколько успешно оно справляется с этой функцией, мы в данном контексте не обсуждаем, нам важно подчеркнуть, что российская система образования в принципе никогда не предполагала (в силу сексофобии и ряда других причин) обеспечения культурной преемственности в рекреационной сфере, перекладывая эту миссию на семью и учреждения здравоохранения.

Но депопуляция, добавляя аргументы в поддержку пессимистических перспектив человечества, вступившего в «эпоху Вырождения», заставляет пересмотреть отношение системы образования к культуре репродуктивного поведения человека (репродуктивной культуре).

Данная культура, в нашем понимании, представляет собой динамическую ценностно-нормативную систему, предназначенную для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода. Репродуктивная культура является качественной характеристикой жизнедеятельности мужчин и женщин, основанной на общечеловеческой ценности деторождения как одного из показателей полноценной жизни человека¹. Без этой части общечеловеческой культуры невозможно само бытие человечества, а значит и существование культуры вообще.

На основании сравнительно-исторического анализа мы выделяем четыре основных типа культуры репродуктивного поведения: архаическая, аграрная, индустриальная и постиндустриальная (современная), в ходе эволюции которых наметились тенденции рационализации и десакрализации культуры репродуктивного поведения, сопровождающиеся нарастанием репрессивного отношения к способности продолжения рода, невротизацией и медикализацией репродуктивного поведения, его дифференциацией от сексуального поведения. В эпоху

¹ Подробнее см.: Беляева М.А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности. Екатеринбург, 2011.

постмодерна состояние культуры репродуктивного поведения человека определяется влиянием новых тенденций, таких как возрастание индивидуальной субъектности, деинтимизация и коммерциализация повседневных репродуктивных практик, а также профессионализация, универсализация, целенаправленная трансляция и сглаживание гендерной асимметрии рассматриваемой культуры. Под влиянием этих тенденций для современного типа культуры репродуктивного поведения, развивавшейся в условиях европейской цивилизации, характерна переоценка духовных оснований репродукции человека, выражающаяся в доминировании ценностей свободы и безопасности, девальвации ценностей родства, родительства и долга, что стимулирует развитие ее антинатальной и ограничивает пронатальную подсистему.

В настоящее время диахронический диалог культур (современной и традиционной) нарушен именно в пронатальной подсистеме (от лат. *natalis* – *относящийся к рождению*) репродуктивной культуры, регламентирующей действия, направленные на рождение детей. Тогда как, прошлое антинатальной подсистемы, отвечающей за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратной или необратимой инфертильности, как раз не было забыто в постмодернистскую эпоху, а наоборот, многие архаичные методы, подкрепленные новыми контрацептивными технологиями (например, хирургическая стерилизация, метод ВМС и др.) стали эффективными, относительно безопасными и массовыми спутниками сегодняшнего дня.

Что касается пронатальной подсистемы репродуктивной культуры, то она постепенно лишается национальных особенностей. Предметное окружение младенцев, беременных и кормящих женщин увеличивается, становится единообразным, подчиняясь всеобщим модным трендам, быстро завоевывающим потребительский рынок в разных странах, в том числе в России. Тенденции медиализации и невротизации репродуктивных процессов выхолащивают их духовное содержание, а ведь в русской культуре с миром материнства и детства (именно с его самым ранним – младенческим периодом) связано уникальное устное народное музыкально-поэтическое творчество: «За конкретными текстами, доносящими до нас уже во многом экзотические формы семейных обрядов родин и крестин, за своеобразием и мудростью народных примет в период зачатия и вынашивания ребенка, за прелестью колыбельных песен, детских пестушек, потешек и

прибауток, за чаровством и поэзией заговоров, простотой, рациональностью и особой эстетикой детских игрушек, одежды и утвари стоят не более или менее интересные частности ушедшего быта, а слагаемые народной души, народного характера, которые вырастают в семье, а затем творят историю отдельного человека, народа и в конечном счете, – человечества»¹. Объективная ценность педагогических и психотерапевтических возможностей данного социокультурного опыта убеждает в необходимости поиска форм его передачи через современные образовательные практики.

В постсоветский период в российском обществе получили развитие культурно-просветительские программы для будущих родителей, существенно отличающиеся по содержанию и принципам своей деятельности от официальных «школ матери», функционировавших на базе медицинских учреждений в советское время.

Социокультурную значимость программ дополнительного образования для будущих родителей трудно переоценить. Недаром подобные программы имеют многочисленные определения: просветительские, обучающие, психолого-педагогические, психопрофилактические, адаптационные, развивающие, оздоровительные, поскольку они решают разноплановые задачи, подчиненные одной цели: помочь семье встретить рождение ребенка в радости, воспринимая это событие как венец длительного творческого процесса, слияние природных, божественных, человеческих усилий и, в то же время, как начало другого куда более длинного и тернистого пути взаимного развития и совершенствования. В переводе на прагматичный язык науки эту цель можно обозначить как формирование готовности к материнству (родительству), его начальным и самым ответственным стадиям: родам и первым дням, недели жизни ребенка в семье.

В современной России рассматриваемые программы осуществляются на базе женских консультаций, центров помощи семье и детям, дворовых клубов, домов культуры, музеев, а также негосударственных коммерческих учреждений. Учитывая такую широту мест проведения и обозначенную выше полифункциональность этих программ, мы полагаем, что процесс подготовки к материнству (родительству) следует рассматривать не только как форму психоло-

¹ Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов / под ред. Г.М. Науменко. М., 1998.

гической и педагогической помощи населению, но и как особые культурные практики, предназначенные для освоения культуры репродуктивного поведения.

Понятие «культурные практики» отражает, с одной стороны, привычные способы и формы самоопределения человека, тесно связанные с экзистенциальным содержанием его бытия и со-бытия с другими людьми, а с другой, поиск и апробацию новых способов и форм деятельности и поведения в целях удовлетворения разнообразных познавательных и прагматических потребностей. К культурным практикам, с точки зрения Н.Б. Крыловой, можно отнести исследовательские, образовательные, коммуникативные, организационные, игровые, художественные способы и формы действий, в которых человек заинтересован, и в которые он включается в соответствии с собственными мотивами и интересами¹. Руководствуясь этими представлениями, образовательный процесс, осуществляемый в рамках программ подготовки к рождению и воспитанию ребенка, а также процесс оказания психологической помощи – это только отдельные компоненты целостного процесса, предназначенного для обретения физического, эмоционального, нравственного, прагматического и прочего опыта, соответствующего потребностям женщин (супругеских пар), готовящихся стать родителями.

Некоторые из программ для будущих родителей несут в себе и этно-национальный компонент, пропагандируя традиции народной культуры; знакомя с родильной обрядностью прошлого, песенным фольклором, вовлекая слушателей в процесс этно-национального творчества (изготовление кукол-оберегов, крестильной рубашки, игрушек и т.д.). Но в силу своей специфики (посещение занятий в свободное время, на добровольной и, часто, коммерческой основе) программы дополнительного образования взрослых не могут стать массовым механизмом сохранения исторической памяти, поддержания диалога настоящего и прошлого культуры.

Главный ресурс, на наш взгляд, представляет система профессионального образования, т.к. учащиеся имеют полный «пакет» репродуктивных прав и владеют общекультурной базой, позволяющей

¹ Новые ценности образования. Антропологический, деятельностный и культурологический подходы. Тезаурус / под ред. Н. Крыловой. М., 2005. № 5 (24). С. 68-69.

обеспечивать культурную преемственность в прокреационной сфере. Для реализации этой цели необходимо развивать особое направление образования, которое мы предлагаем назвать «прокреационным». Термин «репродуктивное образование», которое, например, использует А. П. Багирова, А. М. Илышев¹, в педагогическом контексте ассоциируется не с культурой репродуктивного поведения, а с репродуктивным уровнем усвоения знаний, т.е. действием по образцу. Кроме того, следует учитывать, что термин «репродуктивное» в приложении к репродуктивному поведению предполагает не только рождение детей, но и обратные усилия, направленные на сдерживание способности продолжения рода, тогда как в названии рассматриваемого направления образования необходимо подчеркнуть трансляцию именно пронатального вектора репродуктивной культуры. В этом смысле термин «прокреационный» более однозначен.

Цель прокреационного образования – формирование культуры репродуктивного поведения на микро- (личность) и макро- (общество) уровнях. Эта цель согласуется с более масштабной целью формирования свободной личности, способной к саморегуляции и самосовершенствованию, ответственной за последствия своей профессиональной и гражданской деятельности.

Субъектами прокреационного образования, с одной стороны, выступают различные социокультурные институты, существующие в обществе для сохранения исторической памяти и транспоколенной передачи культурного наследия, а с другой, каждая конкретная личность, проявляющая стремление к самообразованию и самовоспитанию в прокреационной области жизнедеятельности человека. Отправной точкой процесса формирования репродуктивной культуры является социальный заказ, подразумевающий потребности государства, общества, личности, связанные с реализацией репродуктивного поведения.

Для личности самореализация в репродуктивном поведении сопряжена с задачами сохранения здоровья, поддержания семейного благополучия, достижения профессиональной успешности и потому относится к базовым потребностям, актуальным для большинства людей репродуктивного возраста.

¹ Илышев А. М. Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека. М., 2010. С.185-221.

В российском обществе существует потребность в том, чтобы сознательное родительство как проявление индивидуальной субъектности в репродуктивном поведении стало социокультурной нормой. Потребность в сознательном родительстве продиктована прежде всего необходимостью снижения остроты такой проблемы, как детское социальное сиротство, т.е. сиротство при живых родителях, когда биологические матери и отцы отказываются от воспитания своих детей (отказничество), либо лишаются родительских прав в судебном порядке в силу асоциального образа жизни.

Социальный заказ государства отражен в таких документах, как «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», где подчеркивается необходимость повышения рождаемости для преодоления депопуляции и достижения простого типа воспроизводства населения, при котором процессы смертности и рождаемости компенсируют друг друга.

Для достижения обозначенного социального заказа прокреационное образование призвано решать целый ряд задач, в том числе и задачи прокреационного образования, в которые должно входить и сохранение национального наследия, связанного с миром материнства, отцовства, детства. В частности нами разработан и апробирован учебно-методический комплекс элективного курса «Репродуктивная культура молодежи», который может быть реализован в высших учебных заведениях независимо от профиля профессиональной подготовки¹.

Данное направление образования можно рассматривать как одно из проявлений культурологизации образования (А.С. Запесоцкий), подразумевающей «выстраивание многоуровневого универсума культуры: как сотворенной человеком духовной и материальной среды его обитания, ...как самопознания и самовыражения национально-культурной самобытности народа, ... как основы духовной безопасности общества»².

¹ Беляева М.А. Репродуктивное поведение человека: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2012.

² Запесоцкий А.С. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 76-87. С. 78.

Таким образом, дегуманизация и технократизация деторождения являются частью общего духовного кризиса, сопутствующего глобализации и депопуляции. Один из способов обеспечения исторической памяти в прокреационной сфере, подразумевающей по сути диахронический диалог культур в отношении современного и предшествующего социокультурного опыта – это развитие особого направления образования, которое мы назвали прокреационным, его миссия созвучна культурологической парадигме модернизации современной системы образования российского общества. Прокреационное образование, создавая условия для формирования культуры репродуктивного поведения молодежи, помимо прочих задач призвано сохранять национально-этническое своеобразие мира материнства, отцовства, детства в его самых начальных проявлениях (в периоды ожидания ребенка и первый год его жизни), обеспечивая культурную идентичность личности и самотождественность народа в его повседневных репродуктивных практиках.

В.Н. Блохин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МИГРАЦИИ

Одной из глобальных проблем международного сообщества в начале третьего тысячелетия является проблема миграции. По данным ООН, сегодня по всему миру насчитывается до 40 миллионов беженцев и других перемещенных лиц.

Основная обязанность принимающих обществ заключается в том, чтобы защищать права и благополучие мигрантов и попытаться найти долгосрочные решения. Несмотря на значительный прогресс в области защиты прав человека, решение задачи защиты мигрантов стало более сложным, нежели прежде делом, что требует применения инновационных подходов, сильной приверженности и вовлечения все большего числа участников.

Люди должны помнить о том, что зачастую мигранты оставляют свои семьи, дома и имущество не по своей воле, а в силу обстоятельств, которые они не могут контролировать (военные, этнические и религиозные конфликты; политические репрессии; неблагоприятная экологическая ситуация; голод и т.д.). Необходимо помнить и о том, что поиск убежища на чужой территории из страха перед насилием и

преследованием является одним из основных прав человека и что права беженцев – это права человека. Принятие и уважение мигрантов является обязанностью каждого человека, которая должна внедряться в сознание наших детей в процессе их воспитания.¹ Как отмечал в докладе к Саммиту тысячелетия Кофи Анан, ныне уже покинувший пост Генерального секретаря ООН, «люди должны уважать друг друга во всем многообразии своих вероисповеданий, своей культуры и своих языков. Различия внутри общества и между различными обществами не должны вызывать страхов и не должны подавляться – их следует лелеять»².

Таким образом, актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений. Проблема беженцев и миграции – одна из главных проблем современного мира. Многочисленные военные, религиозные конфликты, природные катастрофы, экономическая ситуация толкают людей на поиск лучшего места для жизни. Перемещения большого количества людей непременно создают массу сложностей: размещение на новом месте жительства, оформление необходимых документов, трудоустройство, обеспечение социальных гарантий, интеграция в новые социокультурные традиции. Все эти проблемы требуют решения. Республика Беларусь, в силу своего географического расположения, находится на пересечении путей миграции.

Высокий уровень общей и правовой культуры населения, благоприятная социальная обстановка, отсутствие напряженности – характерные черты белорусского общества и, тем не менее, остается ряд проблем, связанных с увеличением миграционных потоков³.

Беларусь всегда отличалась своей толерантностью. На территории страны исторически взаимодействовали представители различных культур. Можно сказать, что мультикультурализм является традицией для белорусского общества. Вместе с тем необходимо с боль-

¹ Селиванова Т. В. Всемирный день беженцев – 2009 в Беларуси // Журнал международного права и международных отношений. 2009. №2. С. 54.

² Канашевич Н.М. Беларусь в системе международных отношений. Могилев, 2002. С. 52.

³ Селиванов А.В. Роль белорусских средств массовой информации в формировании атмосферы толерантности в обществе (по материалам «круглого стола» 28 января 2009 г.) // Журнал международного права и международных отношений. 2009. №1. С. 69.

шим вниманием относиться даже к малейшим деструктивным проявлениям таких опасных явлений, как ксенофобия и агрессия. Такого рода преступления подрывают авторитет Беларуси в глазах соседей на мировой арене, уменьшают доверие со стороны других стран. Тема толерантности особенно актуальна в период, когда происходит интенсификация миграционных потоков. Процессы миграции захватывают все без исключения страны.

Беларусь сегодня классифицируется как страна транзита миграционных потоков. Возможно, проблема мигрантов в целом и беженцев в частности касается ее несколько меньше, чем другие государства. Однако по мере экономического роста, повышения уровня жизни народа Беларусь все в большей степени будет становиться страной, в которую будут стремиться попасть мигранты из более бедных государств. Поэтому необходимо готовить к этому общественное мнение. Должно совершенствоваться законодательство: оно призвано в большей степени соответствовать будущим вызовам.

Ключевую роль в обеспечении защиты лиц, ищущих убежища и беженцев, которые находятся на территории Беларуси, играет созданная Служба оказания юридической помощи беженцам.

Основными задачами и функциями Службы являются:

- информирование лиц, ищущих убежище, о том, как получить доступ к процедуре определения статуса беженца, осуществляемой правительством;
- оказание помощи лицам, ищущим убежища, в подаче апелляции на отрицательное решение, вынесенное миграционной службой;
- оказание помощи лицам, ищущим убежища, и беженцам при аресте, задержании или преследовании либо запугивании со стороны органов власти;
- оказание помощи лицам, ищущим убежища, в поиске решения тех правовых и социальных проблем, с которыми они сталкиваются.

Одним из видов сотрудничества представителей ООН с неправительственными организациями республики является обучение сотрудников общественных объединений. С этой целью проводятся семинары, «круглые столы» с приглашением представителей международных организаций, имеющих опыт работы с мигрантами.

За прошедшие годы в Беларуси была создана система национальных институтов и процедур, в том числе процедура определения статуса беженца.

Обеспечение защиты лиц, ищущих убежища, и беженцев включает:

- беспрепятственный доступ на территорию;
- мониторинг границ, выделение из миграционных потоков лиц, ищущих убежища, и беженцев;
- соответствующую политику, законодательство и методы работы;
- качественную и оперативную процедуру определения статуса беженца;
- систему защиты, учитывающую гендерные и возрастные особенности подопечных лиц;
- защиту против злоупотребления, сексуального и гендерного насилия, эксплуатации;
- внимание к лицам, не имеющим гражданства;
- развитие системы информирования о странах происхождения беженцев.

Миграция может иметь важное значение и для обеспечения экономического роста государства. Отметим опыт западных стран, в частности, Швеции, где вызывает беспокойство проблема старения населения (это актуально и для Беларуси). Одним из способов решения данной проблемы является увеличение численности рабочей силы, в том числе за счет ее привлечения из других стран. Так, в 1950-е гг. доля мигрантов в численности рабочей силы Швеции составляла около 3%, сейчас эта доля возросла до 13%. Как показывает опыт, ключевое значение в интеграции мигрантов имеет трудоустройство. Данный принцип предполагает, что рост занятости среди населения неуклонно ведет к росту занятости мигрантов¹.

Беларуси необходимо учитывать опыт европейских стран в обеспечении прав беженцев и их интеграции в общество. Видится нужным проведение реформирования и дальнейшее улучшение системы приема мигрантов; необходимо уделять больше внимания по-

¹ Матус, С.А., Тумашик, Т.В. Об опыте Швеции и Финляндии в области интеграции // Журнал международного права и международных отношений. 2009. №1. С. 57.

вышению качества образования для перемещенных лиц, особенно молодежи и детей. Именно качественное образование дает возможность найти достойную работу и реализовать свой потенциал в новых условиях проживания.

Представителям власти также не стоит забывать, что большую роль в решении этих вопросов играет позиция местного населения. Именно отношение коренных жителей к иностранным мигрантам создает имидж страны. Думается, что разъяснительная работа с населением, проявление толерантности, терпимости и уважения к представителям иных народов и культур, поможет беженцам быстрее интегрироваться в общество и приносить пользу государству. В деле развития принципов толерантного взаимодействия культур нужно акцентировать внимание на борьбе с проявлениями различного рода дискриминации по отношению к мигрантам. Это касается и языковых различий, которые зачастую становятся сложным барьером на пути интеграции.

Так, автор предлагает обратить на эту проблему пристальное внимание и по-возможности организовывать больше бесплатных и качественных языковых курсов для перемещенных лиц. По данным опроса 2008 г., только 23% беженцев сообщили, что они посещали языковые курсы. Вместе с тем среди тех, кто посещал такие курсы, не все положительно оценили качество преподавания и соответственно результативность курсов. 67% опрошенных беженцев сообщили, что им вообще не предлагалось посещать языковые курсы. А ведь именно свободное владение государственным языком позволит иностранцу понять и приобщиться к национальной культуре и традициям Беларуси.

Немаловажно и содействие в прохождении профессиональной подготовки и повышении квалификации (если она имеется). Ведь проблемы, связанные с занятостью, зачастую становятся причиной миграции населения, это особенно касается молодежи как наиболее активной и подвижной части общества. Владение государственным языком и наличие места работы является главным гарантом того, что беженец гармонично впишется в белорусское общество и не встанет на путь нарушения законов и устоев нашего государства.

Важным моментом является пропаганда толерантности и многообразия культур среди населения, особенно молодой его части. Встреча с беженцем или лицом без гражданства не должна вызывать

страха или неприязни. Молодежь должна быть заинтересована в создании не националистических группировок или деструктивных организаций, а в создании дружеской атмосферы, международных сообществ и товариществ. Это открывает путь к обмену опытом и культурными традициями, что в конечном итоге будет выгодно всем. До населения нашей страны необходимо донести четкое понимание того, что Беларусь, как и соседние страны, исторически является многонациональным и поликультурным государством, а основы толерантности были заложены нашими предками много веков назад¹.

Таким образом, лишь взаимодействие государственных структур, общественных организаций, СМИ и общества в целом поможет решить основные проблемы и трудности, с которыми неизбежно сталкиваются люди, не по своей вине покидающие родину.

Е.В. Буреева

ДЕКАДА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В многонациональной стране, которой Россия была всегда и коей является сегодня, проблема диалога культур стоит очень остро. Культура – это главный помощник государства в вопросе консолидации народов. В этом плане интересен советский опыт межкультурной коммуникации.

В 1930-х гг. началась практика проведения Дней культур, декад национальных искусств, вечеров поэтов, которые не только объединяли народы, но и воспитывали взаимопонимание и взаимоуважение, узнавая друг друга через культуру. В довоенный период прошло десять декад: 1936 г. – украинская и казахская, 1937 г. – грузинская и узбекская, 1938 г. – азербайджанская, 1939 г. – киргизская и армянская, 1940 г. – белорусская и бурят-монгольская, 1941 г. – таджикская. Следует отметить, что эти смотры в первую очередь были идеологически обоснованы. Произведения культуры были под тотальным контролем государства, так как именно они доносили основные установки партийно-государственного руководства страны, формировали со-

¹ Разработка рекомендаций по содействию местной интеграции беженцев в Республике Беларусь: материалы отчета о научно-исследовательской работе // Журнал международного права и международных отношений. 2008 №1. С. 66.

ветскую систему ценностей. Однако декады показывали становление и рост профессионального искусства народностей, и несомненно, способствовали взаимному обогащению культур народов Советского Союза.

Новый всплеск декадных смотров приходится на период «оттепели». С 1955 по 1959 гг. в Москве прошли декады национальных культур Башкирии, Марий-Эл, Татарстана, Грузии, Бурятии. Однако новая администрация Хрущева пошла дальше. Активно начали проходить дни различных культур и в самих республиках. Казань принимала деятелей культуры и искусства из Алма-Аты. Посредством культуры, через творчество и искусство население огромной страны словно знакомились друг с другом.

Следует отметить еще один аспект декадных мероприятий. Подготовка к декадам начиналась, как правило, заранее и активизировала творческую и культурную жизнь в республиках. Так, 7 декабря 1955 г. бюро обкома КПСС и Совет Министров ТАССР вынесли постановление о начале подготовки к декаде. Была создана Комиссия по подготовке и проведению декады, которую возглавил секретарь Татарского обкома КПСС С.Г. Батыев. В состав Комиссии вошли Министр культуры ТАССР Ю.Закиров, руководители четырех казанских театров, председатели Союзов писателей, композиторов и художников. 16 августа 1955 г. бюро Обкома и Совет Министров ТАССР утвердили перечень мероприятий по подготовке к декаде.¹

Подготовительная работа началась во всех культурно-просветительных учреждениях республики. К 1957 г. в республике насчитывается 2 426 клубов, 9 театров, 7 музеев, 2730 библиотек. При клубах, избах-читальнях республики работали 1110 хоровых, 716 танцевальных, 1747 драматических и других кружков. В подготовке к Декаде приняли участие как профессиональные, так и самодеятельные исполнители, причем последние даже с большим энтузиазмом. В библиотеках и домах культуры начались репетиции коллективов художественной самодеятельности, репертуар которой составили песни и танцы народов республики.²

¹ Центральный государственный архив историко-политической документации РТ (ЦГА ИПД РТ) Ф. 15. Оп. 32. Д. 92. Л.5-8.

² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. Р-7237. Оп.2. Д. 98. Л.10.

Подготовка к декаде обострила ряд проблем. Так, до конца 1956 г. в декадных репертуарах театров не было произведений на современные темы. Это было обусловлено рядом обстоятельств. В январе 1954 г. на заседании секретариата Татарского обкома КПСС пьесы Н. Исанбета и А. Файзи были объявлены «идеологически извращенными», а сами авторы подверглись жесткой критике. Чтобы не оказаться в подобной ситуации и не быть исключенными из творческого союза (что было равносильно творческой смерти), писатели заняли выжидательную позицию. Новая администрация Хрущева еще не успела поставить четких задач перед творческими работниками и понятие «современная тема» звучало слишком неконкретно. Выход был найден – специально к декаде были написаны произведения: «Юность Буревестника» М. Елизаровой о буревестнике революции А. М. Горьком, «Бессмертная песнь» Р. Ишмуратова о жизни татарского поэта М. Джалиля и «Неписанные законы» учителя мензелинской школы Ю. Минова о труде нефтяников¹.

Декадный репертуар утверждался на бюро обкома КПСС ТАССР. Каждый театр получил свой список произведений для постановок. Под влиянием решений XX съезда КПСС в составе областного комитета произошел раскол, в результате чего целый год шел выбор тематики декады. Предложений было много: постановка «Сабан – Туй», пьеса о дружбе русского, татарского и китайского народов, театрализованная постановка татарской золотой свадьбы, однако от этих идей пришлось отказаться. Так тема «Сабан – Туй» была ведущей на Декаде Башкирской АССР, а пьесу о татарско-китайской дружбе не разрешил ЦК КПСС, в связи с ухудшением советско-китайских отношений.

В качестве современной темы на бюро обкома КПСС Татарской АССР было принято решение в декадных произведениях «отразить жизнь тружеников советской Татарии», так «нефтяная тема» стала лейтмотивом декады и основной в творчестве писателей республики на несколько лет. В связи с этим в дни подготовки к декаде был специально организован молодой самодеятельный коллектив нефтяников под руководством композитора А. Латыпова, хормейстера П. Грекулова и балетмейстера Х. Гатиатуллина, состоявший из 80 человек. Написаны произведения, посвященные молодой нефтяной про-

¹ ЦГА ИПД РТ Ф. 15. Оп.6. Д.502. Л.12.

мышленности республики, такие как роман Ибрагима Гази «Обыкновенные люди» о тяжелом труде нефтяников, поэма ШайхиМаннура «Прекрасная дочь матери-земли». Свои произведения нефтяникам посвятили художники: А. Бурлай – «Нефтеразведчики», М.Семенов, М. Усманов, Э. Либкинд «Обмен творческим опытом между нефтяниками Татарии и Китая».

Комиссия по подготовке и проведению декады проделала огромную работу: было просмотрено 30 спектаклей, 40 концертов, более 600 художественных произведений. В декабре 1955 г. прошел заключительный смотр участников художественной самодеятельности рабочих и служащих, а в январе 1956 г. – смотр сельской художественной самодеятельности. Художественным руководителем сельской самодеятельности по декаде был назначен известный татарский композитор А. Ключарев. В смотре приняли участие представители всех районов республики, показавшие в общей сложности 51 номер. Лучшими стали 5 сельских самодеятельных коллективов: хоровой коллектив им. Кирова Атнинского района, хоровой коллектив колхоза «Ворман» Ципьинского района, коллективы Тумутукского районного дома культуры, Челнинского районного дома культуры, самодеятельность трудовых резервов. Среди профсоюзов лучшими были признаны коллективы: Дворца культуры им. X годовщины ТАССР, клуба им. Горбунова, клуба Мехового комбината, клуба им. Урицкого, клуба медсантруда. Показ и приемка готовых номеров проходили в Казани в феврале–марте 1957 г. Там же окончательно был утвержден состав всех самодеятельных коллективов¹.

Комиссия по подготовки и проведению Декады совместно с Татарским обкомом внимательно следила за подготовкой и «принимала меры по поднятию идейного и художественного уровня спектаклей, концертов и других декадных мероприятий», а так же, «значительно улучшила творческий и художественно-руководящий состав коллективов театров, филармонии и художественной самодеятельности». Так в Татарском Государственном академическом театре им. Г. Камала в результате «улучшения» из 4-х отобранных пьес, в трех было рекомендовано заменить исполнителей главных ролей, а в одной – главного режиссера. В татарском театре оперы и балета рекомендовано было «переделать оформление спектакля», «убрать из костюмов

¹ НА РТ Ф. Р-7237. Оп. 2. Д. 106. Л. 7-10.

элементы присущие быту китайского народа», «переписать вступление к опере». Замечания такого рода были в отношении всех театров¹.

В феврале 1957 г. на заседании бюро Татарского обкома КПСС был утвержден руководящий состав декады: художественный руководитель – народный артист РСФСР В. Целиковский, музыкальный руководитель – лауреат Сталинской премии, профессор Н. Г. Жиганов, главный художник – народный художник ТАССР П. Т. Сперанский, главный дирижер – заслуженный артист РСФСР И. Э. Шерман.

Активное участие в подготовке к Декаде приняли художники Татарстана, причем не только входившие в Союз советских художников ТАССР, который к 1957 г. насчитывал более 40 человек, но и самодельные.

В 1957 г. в музеях республики прошли презентации подготовленных к декаде работ. Так, 1 января 1957 г. в Государственном музее ТАССР открылась преддекадная выставка произведений художников ТАССР. Большой популярностью на выставке пользовались тематические картины заслуженных деятелей искусств ТАССР Х. Якупова, А. Фаттахова, художников М. Усманова, А. Бурлая, портреты, выполненные заслуженным деятелем искусств ТАССР В. Тимофеевым, художниками С. Ротницким, В. Куделькиным, пейзажи заслуженных деятелей искусств ТАССР К. Максимова, Н. Кузнецова, графические работы Альменова, сатирические работы заслуженного деятеля искусств Э. Гельмса.

С 14 по 28 января 1957 г. в Казанском доме-музее А. М. Горького прошла преддекадная книжная выставка. Она показывала творческий путь татарской советской литературы в целом и каждого писателя в отдельности. В экспозиции были представлены книги, рукописи и фотографии татарских писателей. В музее также прошли 12 литературных вечеров-концертов татарские писателей. В дни подготовки в московских издательствах было напечатано более 36 названий книг татарских писателей на русском языке.

Большое значение в подготовительной работе имела финансовая сторона. Министерство финансов СССР выделил на подготовку и проведение декады 6984,2 тыс. рублей. Из этой суммы большие отчисления были сделаны театрам на создание новых декораций и по-

¹ ЦГА ИПД РТ Ф. 15. Оп. 6А. Д. 528. Л. 23.

шив костюмов к спектаклям. Театр оперы и балета им. М. Джалиля получил для подготовки к декаде 500 тысяч рублей, Татарский государственный академический театр им. Г.Камала – 500 тысяч рублей, Казанский академический театр им. В. И. Качалова – 375 тысяч рублей, Татгосфилармония – 324 тысячи рублей¹.

В мае 1957 г. на заседании бюро Татарского обкома КПСС был окончательно утвержден численный состав участников Декады, который был представлен 30-ю театральными и других коллективами, с общим числом - 1293 человека. Из 892 человек Татарский театр оперы и балета им. М. Джалиля представлен 353, Татарского академического театра им. Г. Камала 109, Казанского драматического театра им. В. И. Качалова 110, Мензелинского колхозно-совхозного театра 40, из Татарской государственной филармонии 116, сельская художественная самодеятельность – 127 участниками. За счет средств организаций участвовали в декадных мероприятиях 401 человек: 52 человек из Союза советских писателей ТАССР, 15 человек из Союза советских композиторов ТАССР, 20 человек из Союза советских художников ТАССР, 167 человек от самодеятельности профсоюзов, 116 человек от профсоюза нефтяников.

Декада татарской литературы и искусства в Москве прошла с большим успехом. Спектакли, концерты посетило около 140 тысяч зрителей. Положительный отзыв получили спектакли театра оперы и балета им. М. Джалиля. Коллектив показал в Москве 12 спектаклей, в том числе оперы Н.Г. Жиганова «Алтынчеч» и «Муса Джалиль», Х. Валиллина «Самат», «Евгений Онегин» и балет Ф. Яруллина «Шура-ле». По отзывам московских критиков музыкальный материал оперы «Муса Джалиль» Н. Г. Жиганова явился новым вкладом в дело развития пентатонной музыкальной культуры. Татарский государственный академический театр им. Г. Камала в дни декады показал московским зрителям 14 спектаклей, в том числе «Зангар шаль» К. Тинчурина, «Ходжа Насретдин» и «Зифа» Н. Исанбета, «Король Лир» В. Шекспира, «Минникамал». Казанский русский драматический театр имени В. И. Качалова порадовал москвичей спектаклями: «Старик» М. Горького, «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, «Бессмертная песня» Р. Ишмуратова, «Юность Буревестника» М. Елизаровой и «Мать своих детей» А. Афиногенова. Большим открытием для столичной

¹ НА РТ Ф.Р-7237. Оп. 2. Д.102. Л.6.

публики было мастерство и профессионализм Мензелинского колхозно-совхозный театра, показавшего спектакли «Галиябану» М. Файзи и «Неписанные законы» Ю.Минова¹. Впервые в национальных декадах было представлено творчество непрофессионального колхозно-совхозного театра.

28 и 30 мая 1957 г. в залах им.Чайковского и в Колоном зале Дома Союзов состоялись симфонические концерты, на которых Государственный симфонический оркестр Союза ССР исполнил лучшие произведения татарских композиторов. Татарская музыкальная культура в Москве была представлена своими лучшими произведениями различных жанров в исполнении артистов театра оперы и балета им. М. Джалиля, татарской государственной филармонии имени Г. Тукая, татарского ансамбля песни и танца, симфонического оркестра, татарского эстрадного оркестра под руководством композитора-дирижера Олега Лундстрема и художественной самодеятельностью. К декаде было прослушано более 300 народных песен, обработанных композиторами Союза композиторов ТАССР. Всего было дано 24 концерта, посетили которые 24 650 человек.

На выставке изобразительного искусства Татарской АССР, прошедшей в дни декады, было экспонировано 684 работы, которые были представлены живописью, скульптурой, графикой, театральнo-декорационной живописью. Также было экспонировано около 100 работ народного творчества – чеканка по металлу, шитье, вышивка, керамика и др.

24 июня 1957 г. в приказе Министерства культуры РСФСР было отмечено успешное проведение декады и дана высокая оценка подготовки к проведению декады и достижений татарской культуры. Хорошая оценка декаде татарской литературы и искусства была дана в газетах «Вечерняя Москва» от 31 мая 1957 года и «Советская Татария» от 9 июня 1957 г.

Представленные на декаде произведения, получили положительную оценку руководства партии и страны, которая нашла отражение на страницах не только республиканских, но и центральных газет, таких как «Правда», «Вечерняя Москва». Активная подготовительная работа и огромный успех Декады татарской литературы и искусства в

¹НА РТ Ф. Р-7237. Оп. 2. Д. 107. Л.49.

Москве послужили оживлению культурной жизни республики. С новой силой зазвучали имена Г. Тукая, М. Джалиля, М. Файзи.

Произошел перелом в сознании татарского народа. С 1955 по 1957 гг. в органы периодической печати и в Татарский обком КПСС потоком устремляются письма жителей Казани с размышлениями и предложениями о развитии татарской культуры, такими как: введение в школах обязательного предмета – татарского языка и татарской литературы, преподавание в вузах Казани на русском и татарском языке и другие.

Так, представители Союза советских писателей ТАССР Г. Кашшаф, Н. Фаттах, А. Еники, Ш. Маннур и др. в своих публичных высказываниях и обращениях в Татарский обком КПСС поднимают важный политический вопрос, касающийся преобразования ТАССР в союзную республику, а также повышения оплаты труда работников культуры республики до уровня союзных республик¹.

В дни подготовки к Декаде из центрального и республиканского бюджета выделялись значительные средства. Многие библиотеки и дома культуры получили хорошо отремонтированные залы, в которых проходили репетиции. Все казанские театры смогли полностью обновить декорации и костюмы. Казанский театр оперы и балета им. М. Джалиля обрел новое, большое здание. Многие участники декады были отмечены званиями, наградами дипломами, сопровождавшимися материальными выплатами. В 1957 г. по ул. Чернышевского в Казани был построен дом, в котором все квартиры были распределены между работниками науки и культуры. В Казани на ул. Куйбышева летом 1957 г. был установлен памятник Г. Тукаю, выполненный народным художником Х.Ахуном в содружестве со скульптором Л.Е.Кербелем, и получивший высокую оценку на Декаде. Высокая оценка, данная художественным произведениям республики способствовали созданию в Казани Музея изобразительных искусств ТАССР, который был открыт в 1959 г.

Несомненно, подготовка и проведение декадных мероприятий способствовали оживлению культурной жизни, активизации творческих сил, интересу к собственной культуре и истории. Декадные мероприятия, активно проводимые в советский период российской исто-

¹ Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа. Казань, 1999. С. 364-366.

рии, конечно, имели в первую очередь идеологическое значение, однако, несомненно, способствовали межкультурной коммуникации, взаимоуважению и взаимопониманию.

А.В. Голотин

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИМБИРСКОМ КРАЕ
В 20-Е ГГ. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТАТАР)**

Революции и политическая нестабильность 1917 года привели к распаду Российской империи. Национальные территории государства постепенно начинали провозглашать независимость. Что вызвало осложнение в управлении национальными территориями внутри РСФСР. Одна из причин - программа РСДРП по национальному вопросу. Примером правового вакуума является Симбирский край, где проживали помимо русских татары, чуваша, мордва, украинцы, белорусы, немцы и евреи. Каждый этнос имел свои специфические культурно-исторические особенности. Татары являлись носителями ближневосточной культуры. Советская власть относила их к «народам востока». Для проведения национальной политики нужно было определиться с объектом политики и понять, что есть народ.

Эту задачу решил И. Сталин в труде «Марксизм и национальный вопрос», где сформулировал определение нации: «Нация – это исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, которая характеризуется рядом признаков, а именно, общностью языка, экономического и психического склада, проявляющееся в области культуры, причем, отсутствие одного из признаков, свидетельствует, что общность не является нацией».¹

Только во время гражданской войны стали меняться взгляды на национальный вопрос руководителей РКП(б). Теперь стремление к развитию национальной культуры рассматривалось как проявление сепаратизма, и подавлялось. Тезис о праве наций на самоопределение государственные деятели рассматривали как право наций на выбор социализма. За национальную политику государства в начале 20-х го-

¹ Сталин И.В. Соч.: в 2 т. Марксизм и национальный вопрос. М., 1946. Т. 2 С. 292.

дов XX века отвечал нарком по делам национальностей И.Ф. Сталин, а в Симбирской губернии председатель губсовнацмена С. Максимов.¹

На территориях, где преобладало население малых народов, в том числе в Симбирской губернии, большевики политическую власть передавали представителям социалистических взглядов этих этносов, а государственным органом управления, отвечающим за развитие коренного населения, являлся губсовнацмен. Этот правительственный орган отвечал за «социалистичность» развития каждого народа. Даже в системе образования создавались губернские советы просвещения национальностей нерусского языка, так как народы Среднего Поволжья имели разную степень развития. Основные их функции представлены в «Положении о губернских Советах просвещения национальностей нерусского языка от 23 января 1923 г.:

«При коллегии Губоно организовать совет по просвещению, который является непосредственно органом Нароброза, вместе с тем, представляет собой орган Совет Национальных Меньшинств НКП на местах.

- Задачи совета: совет проводит мероприятия ... среди национальностей нерусского языка, приспособляя эти мероприятия к языковым и бытовым особенностям населяющим губернию национальностей, и руководит в губернском масштабе работой национальных органов просвещения.

- Во главе стоит председатель, утвержденный по представлению зав Губоно Губисполкома.

- При совете организовать Губбюро просвещения отдельных национальностей данной губернии.

- Заведующий нацбюро утверждается коллегией губоно по представлению председателей Совета.

- В губерниях с малочисленным населением национальностей нерусского языка, по представлению Совнацмена при НКП вместо совета при коллегии Губоно может быть утверждена должность губернского уполномоченного по просвещению нацменов.

- Губернский уполномоченный по просвещению утверждается коллегией Губоно.

- Совет Нацменов и уполномоченные предоставляют отчеты о своей работе Губоно и Совету нацмена при коллегии НКП.

¹ ГА УО. ФР.–190. Оп. 1 Д. 225 Л. 48.

- Для работы среди нацменов по уездам, по инструкции Совнацменов за счет штатных единиц, вводится должность уездного уполномоченного по просвещению»¹.

В их главную обязанность входило развитие этносов по социалистическим принципам. Но контроль за развитием национальных меньшинств осуществлял губернский исполком, главный орган управления в губернии. Одна из проблем, с которой столкнулась власть – нежелание у населения малых деревень перестраиваться на новый лад общественной жизни. Это было зафиксировано в служебной записке губернского исполкома, направленной к губсовнацмену. «Откомандировать квалифицированных образованных инородцев в поселения с целью борьбы с нежеланием посещения образовательных учреждений»². И этот же орган ежемесячно отчитывался пред вышестоящими органами о проделанной работе. В отчете Губсоцнацмена о проделанной работе за декабрь 1925 г. указывалась следующая информация. «Проводилось улучшение школ нацменов и установление учебного класса, применительно к особенностям каждой нации. Запрещено преподавание в мечетях религии детям школьного возраста.

Для распространения литературы на языках нацменов запрошено разрешение у Губсоюза, в тех же целях запрошены ходатайства о распространении новых книг на чувашском и татарском языках, а так же отпущения литературы в кредит, в виду изменения бюджетных средств для приобретения за наличный расчет».³ Из этого отчета видно, что в основном советская власть в начале 20-х годов XX века занималась социалистическим воспитанием через распространение литературы на родном языке, что свидетельствует, данные народы имели свою письменность. Проведение антирелигиозной пропаганды у татар, показывает, что эта нация чтит религиозные традиции. Занималась просвещением у нацменьшинств – малообразованность у местного населения. В последующем корректировались решения и тезисы в «работе среди национальных меньшинств:

1. По общей части работ:

¹ ГА УО. Ф.Р.-190. Оп. 1. Д. 399. Л. 35.

² ГА УО. Ф.Р.- 200. Оп. 2. Д. 1013. Л. 92.

³ ГА УО. Ф.Р.-200. Оп. 2. Д. 1870. Л. 5.

- Укрепить аппарат Совнацмена через привлечения к работе соответствующих квалифицированных работников, не подвергая к дальнейшему сокращению штата.

- Укрепить работу на местах. Для чего следует в срочном порядке пересмотреть аппарат Совнацмена на местах с целью персонального подбора работников для работ среди национальных меньшинств, привлекая работников просвещения на местах.

- Привести в жизнь на местах принцип согласованности и контактности представителей нацмена с общим аппаратом Губко и Удко.

- С целью привлечения к общей работе работников просвещения, для составления единства плана в работе среди чуваш, татар, мордвы.

- Усилить связь с центром, для чего следует сделать периодические созывы из представителей нацмен на местах.

2. По работе среди чуваш:

- Возобновить издательство учебных и других книг, газет и журналов на чувашском языке, приспособляя их к хозяйственным формам новой экономической политики.

- Для пополнения кадров работников организовать краткосрочные курсы по школьному и внешкольному воспитанию.

3. По работе среди мордвов:

- Почти полное отсутствие школьных работников среди мордвов, организовать специальный педагогический техникум для мордвов.

- Снабжение литературой школ и прочих культурно-просветительских учреждений на родном языке.

4. По работе среди татар:

- Создать специальный педагогический техникум для татар.

- Организовать татарское издательство для снабжения губернии литературой на татарском языке.

- Организовать работу на местах.

5. По работе среди других нацменьшинств

- Учет культурно-просветительских учреждений и работников среди эстонцев, латышей, евреев и украинцев.

- Организация и урегулирование просветительской работы указанных национальностей».¹

«Резолюция по нацменьшинствам. Основные проблемы, с которыми сталкиваются совнацмены: культурная и экономическая отсталость интеллигенции нацменьшинств, нехватка школ, отсутствие приспособленных зданий для организации политическо-просветительской работы, нехватка учителей и литературы на родном языке»².

Архивные документы свидетельствуют, что государственная власть расширяла поле деятельности. Помимо антирелигиозной пропаганды и социалистического воспитания власть углублялась в просвещение, чтобы дать нацменьшинствам не только базовое образование, но и техническо-специальное. Тогда каждый человек мог найти себя в жизни. Боролись с отсталостью населения, прежде всего, интеллигенции, поскольку именно она занималась социально-культурным «сектором». Трудности просвещения сохранились и в 1925 г.: они проявлялись в нежелании учиться. Требовалось упрочить влияние партии на жизнь коренных народов, это явилось бы существенной помощью в работе губсовнацмена. Обозначилась необходимость в определении общей части деятельности правительственных органов и разделении их работы по секциям в соответствии с численностью этноса. Модификация общественной жизни подразумевала также трансформацию семейных отношений. Ведь большевики стали, пожалуй, первыми в истории, кто создавал свой строй и даже свой мир, реформируя базисные человеческие отношения - социальные отношения между полами, а также связанные с ними представления и символы. Декретами, принятыми в декабре 1917 г., правительство предоставило женщинам всю полноту гражданских прав и свобод, уравнивая их с мужчинами перед лицом закона. Этого, по логике руководителей РКП(б), было достаточно для обеспечения реального равенства женщин в обществе. Или почти достаточно. Идеологи пролетарского женского движения – А. Коллонтай, И. Арманд, Н. Крупская, К. Самойлова и другие рассчитывали совершить в стране еще одну революцию – изменить быт человека, окончательно ликвидировав

¹ ГА УО. ФР.–200. Оп. 2 Д. 1095 Л. 207

² ГА УО. ФР.–200. Оп. 2 Д. 1732 Л. 60

сферу «частной жизни» и ее главную нишу – семью в качестве источника социального неравенства и несвободы женщины¹.

Но внедрение нового семейного права столкнулось с трудностями, так как культурные традиции сильно отличались от теоретических взглядов руководителей РКП (б). Основные трудности возникали у мордвы и татар. Для исправления ситуации государство намеревалось использовать молодежь, особое место отводилось женщинам. Для этого необходимо было эту часть населения подготовить через ВЛКСМ и партийные ячейки, тем самым облегчив вступление в партию большевиков новых членов. К работе распространения новых взглядов на семейную жизнь планировалось подключить руководителей органов в сфере культуры. Но внедрение этих взглядов было минимально, так как не было теоретической основы деятельности партийных органов, были одни лишь принципы (особенно на местах).

«Деятельность совнацменов в 1926 году по советской линии

- Содействовать в ускорении работы по организации комиссии изучения экономического состояния мордвы в губернии.

- Улучшить работу по линии ВЛКСМ.

- Применить все необходимые меры по поднятию политического уровня комсомольцев, организовать в учебном году не менее 5 комсомольских политических школ передвижек.

- Облегчить вступление в партию для комсомольцев-активистов тех, которые не могут найти поручителей.

- Подготовить через соответствующие курсы набор руководителей из комсомола по пионерскому движению мордовской деревни, использовать на этой работе выпускников из 1 партийной школы 1 ступени, для чего отобрать 8 человек, для двух недельной подготовки.

Работа среди женщин

- Усовершенствовать работу делегатов собраний женщин

- Взять линию на организацию при делегатских собраниях кружков, домов и руководителей, привлекая к работе также девушек».²

¹ Айвазова С. Г. Свобода и равенство советских женщин // Русские женщины в лабиринте равноправия: (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С. 69.

² ГА УО. Ф.Р.-200. Оп. 2. Д. 1732. Л. 64.

«Всем Уисполкомам обратить пристальное внимание на решение вопросов: о культурно-просветительской работе среди женщин, ликвидация неграмотности и вовлечение их в клубную работу, изб-читален и прочее, а также о вовлечении в работу детских садов и школ»¹.

«Доклад о вовлечении женщин востока в строительство социализма и в общественную работу. В ... уезде имеется одно татарское село Ломаты с количеством населения – 2755 душ. Мужское население занимается отхожими промыслами, женщины – домашним хозяйством. Вовлечение женщин в советско-общественную работу проводится через культурные силы данного села, которые знают быт нацмен Востока (в селе имеется три учителя из татар). Результат работы: вовлечение женщин татарок в количестве 3 человек в сельсоветы, 6 человек в клубы, 12 членов в кооператив и 5 женщин учатся в среднем учебном заведении – 3 на Медфаке и 2 женщины в школе 2-ой ступени». Культурно-просветительная работа проводилась через учительство. Но достичь положительного результата не представлялось возможным, так как быт изживается не так быстро, «как у других наций, что тормозит вовлечение женщин из молодежи в культурно-просветительскую и в другую работу...».² «Через перевыборную компанию проводится агитация, сельские избирательные собрания в татарском селении проводились при значительном количестве женщин. Также общественно-просветительская деятельность среди женщин проводится органами УОНО через своих инспекторов. Следует отметить, женщины татарки до сих пор не освобождены от семейно-бытовых уз...»³.

Отхожие промыслы предоставляют сезонную работу мужского населения. Во время отсутствия мужа в доме, женщина, возможно, сможет воспринять принципы социалистического строительства, которые она передаст мужу после работы. Неучастие их в советском строительстве происходило из-за веры в «Коран» - религиозное убеждение и давление мужа. Поэтому необходимо усиление пропа-

¹ Там же. Л. 94.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 18.

ганды через сельские аграрные лекции. Выделение земельных участков, что уравнивало между собой права женщин и мужчин¹.

Изменение семейных ценностей сказывалось на детском социальном положении, беспризорность. Эту проблему могли бы решить социальные учреждения. Но они не имели, как школы теоретическую базу деятельности. Особенно очень плохо обстояли дела опять же с мордвой и татарами. Эти учреждения вовсе отсутствовали. И молодое поколение не могло расти в русле социализма, что особенно беспокоило партию. «Как известно татарская масса в виду вкоренившейся в ней темноты, невежества не соглашается посылать своих детей в руки воспитателей других национальностей. Татары предпочитают своих детей оставлять дома, нежели чем посылать в русские школы и в русские детские дома. Советская власть понимает необходимость в открытии отдельных заведений и воспитательных домов. Несмотря на все это Симбирская власть не только не смогла помочь открыть в Симбирске детский дом, но и потеряла выделенное помещение. В то время когда татарские дети умирают от холода и голода на улицах, русские же дети находятся в детских домах. Возникает вопрос, как быть в такое трудное время с детьми татар, когда в центре губернии нет ни одного детского дома, где их можно организовать и эвакуировать»². Проблема с детскими домами была решена к концу 1922 года. «Протокол №55 ... от 3 ноября 1922 года. Постановило: открыть 3-х годичные педагогические курсы для татар; большее внимание уделять работе на местах; открыть Мордовский и Татарский детский дом; совместная эвакуация детей»³.

Изменение повседневной жизни татар должно было привести к отказу от религиозности. Но к сохранению религиозных верований татар и у коренных мусульманских народов на всей территории государства частично способствовала сама власть. «За №113 1923 года газета «Башкирия» в статье «О преподавании религии» духовное ведомство татар внутренней России и Сибири разослало всем благочинным циркуляр о преподавании религии. Но этот циркуляр, изданный малой коллегий Наркомнаца, слишком туманен с одной стороны и не утвержден Совнаркомом с другой стороны, поэтому Наркомпрос Башкир-

¹ Там же. Л. 20.

² ГА УО. Ф.Р.-190. Оп. 1. Д. 225 Л. 44.

³ Там же. Л. 48.

ской республики указывает, что обозначенный циркуляр не может уничтожить силу прежних законов и декретов. Считать циркуляр по своему содержанию не новым и разослать нижеследующий циркуляр. «О не допустимости открытия религиозных школ и преподавании религии детям школьного возраста и ниже 18 лет, которыми нарушается декрет, а также объявляет циркуляр малой коллегии Н.К.Н. не утвержденным и считать не действительным... Со дня объявления настоящего циркуляра, открытие для детей школьного возраста ниже 18 лет религиозных школ, а также преподавание в этих школах считать нарушением основного закона. Виновные лица будут привлечены к ответственности»¹.

Такое постановление малой коллегии Наркомнаца дало импульс к сохранению ислама у народов, исповедующих это вероучение. Видимо не все государственные управленцы полностью воспринимали или понимали идеи своих вождей. «Выписка из газеты «Известия» от 11 января 1923 г. «о преподавании вероучений». В отдельных пунктах республики Наркомпросом наблюдались попытки ввести в школах преподавание магометского и других вероучений. Ввиду этого, коллегия Наркомпроса подтверждает о недопустимости преподавания в школах вероучений каких бы то не было религий. Всякое систематическое преподавание вероучений считается, безусловно, вредным для народного просвещения и приравнивается к организации частной школы, которая запрещена постановлением X съезда Советов»². Такие же тенденции происходили и в Симбирской губернии. «Акт от 24 марта 1923 г., мы ниже подписываемся, зав п/от нацмен Губкоме РКПА Делотказин и инструктор ЦКРКП товарищ Мухомедяров и секретарь Губсов нацмена К. Абраров случайно зашли в мечеть на улице Лесовой. И нашли в мечети нижеследующее:

- В мечети, имеется религиозная школа, где преподают мула Гиплатула Гафаров и Сагадетлин Хамзин.

- Преподается без разрешения, когда мы попросили показать разрешение, то предъявили копии циркуляра Н.К.Н.

- Преподается детям школьного возраста ниже 18 лет.

- Преподаются по старой орфографии религиозные догматы.

¹ ГА УО. Ф.Р.-190. Оп. 1 Д. 399. Л. 12

² Там же. Л. 16

- Оказалось детей около 30 человек.¹

Этот интересный факт, говорит о том, что государственные органы полностью не знали, что происходит в религиозных учреждениях. Ведь эта школа была обнаружена случайно.

При отказе от своих религиозных взглядов появлялось пустое культурное пространство, которое необходимо было чем-то заполнить. Нацмены выбрали клубную деятельность. Ведь крупные коренные народы не имели своих клубных организаций. Здесь рабочие не только отдыхали, но и получали социалистическое воспитание. Создание клубов было важным элементом коммунистического общества, одно из направлений клубной работы – изменение домашнего быта. «Просьба о выделении здания для открытия татарского клуба. Который будет единственный в городе. В клубе, где организуются: библиотека, музей, драматическая и музыкальная студия. Он будет иметь показательный кабинет по внешкольному образованию для 250 000 татар в Симбирской губернии».² Здание, которое просили, было специфичным. «Симбирская губернская татарская секция просить выделить кинематограф под клуб и для всего татарского населения в губернии, который даст большую помощь в культурном строительстве...»³, но это здание было занято военными, а они не думали о развитии этносов... «Отказ военных освободить здание кинотеатра «Ампер» связи с тем, что если передадут здание под клуб, город потеряет единственный кинотеатр»⁴. За этим последовало принуждение военных отдать здание под клуб губернской властью, которая знала важность клубной работы и для чего эта организация предназначена.⁵ Видимо власть военных в губернии уменьшалось с наступлением мирного времени, ведь татарский клуб в здании кинотеатра «Ампер» открылся⁶. Для обустройства клуба в городе проводились культурные мероприятия. Например, в большом театре. «Предоставление в субботу 7 апреля 1921 г. Большой рабоче-крестьянский театр для постанов-

¹ Там же. Л. 36

² Там же. Л. 6

³ ГА УО. Ф.Р.– 90. Оп. 1 Д. 230. Л. 7

⁴ Там же. Л. 8

⁵ Там же. Л. 9-11.

⁶ Там же. Л. 13.

ки балета. Сбор, с которого пойдет на создание декораций в татарском клубе»¹.

Национальная политика государства в отношении татар была направлена на вовлечение этого народа в новую общественно-политическую реальность. Для этого следовало бы справиться с трудностями, которые препятствовали приобщению местного населения к социализму. Во-первых – это религия. Запрещалось преподавание религиозного учения детям. Губернская власть с пренебрежением относилась к этой религии. Они называли это религиозное верование – «вера в Коран». Во-вторых – просвещение. Например, создание программы образования с учетом культурных особенностей народа. В-третьих – изменение семейной жизни через установление равноправия полов. Необдуманная семейная политика привела к росту беспризорности. К этому не была готова и местная администрация. Ведь в городе не было ни одного татарского детского дома. Наконец, в-четвертых – это изменение общественной жизни этноса через клубную деятельность. Начинание же полномасштабного преодоления трудностей национального развития в Симбирском крае пришлось на 30-е годы XXв.

Я.С. Гринченко

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Старообрядческая культура сегодня во многом не соответствует мироощущению новейшего времени, направленного на отрицание всякого рода норм и традиций, авторитетов любого ранга и этических парадигм. Идущая из глубины веков культура староверов, несмотря на все завоевания научно-технического прогресса, компьютерного века и информационную революцию, до сих пор хранит русские духовные традиции и элементы русской ментальности. Наверное, в современном мире не найти более сильного резонанса, чем тот, который существует между тенденциями глобализации и сохранением «дониконовских», старых обычаев. Тем не менее, старообрядчество даже после длительных жестоких гонений снова и снова привлекает к себе сердца ве-

¹ Там же. Л. 24.

рующих, становясь важной частью пестрой конфессиональной мозаики нашей страны.

Традиции древлеправославия продолжают свое существование фактически во всех уголках России, но мало где они насчитывают более чем трехсотлетнюю историю. В этом смысле Нижнее Поволжье является уникальным регионом для исследователей, интересующихся проблемой этноконфессиональной самоидентичности старообрядцев. Начиная со второй половины XVII столетия, здесь вырабатывались способы сохранения и наследования старой веры, препятствующие растворению конфессиональной общности в условиях инокультурного окружения. Систематические наблюдения над носителями исследуемой культуры¹ позволяют выявить механизмы обеспечения ее многовековой устойчивости и особенности эволюции в стремительно глобализующемся мире.

Большое значение для формирования устойчивой локальной культуры старообрядцев имеют факторы, приведшие к ее изоляции в поликонфессиональном пространстве региона. Переселение «раскольников» на территорию Нижнего Поволжья стало результатом решений церковных соборов 1654 и 1667 гг. Миграционный процесс староверов, направленный на освоение региона, имел свою специфику. С позиций ревнителей старины, он был вызван поиском свободной земли, еще «не занятой антихристом», надеждой сохранить культурные традиции предков. В связи с этим старообрядцы искали места, которые стали малодоступными как географически, так и политически. Значит, миграции оказались не только результатом гонений, но и способом сохранения старой веры и традиции. Как отмечает С. Е. Никитина, переселения старообрядцев в отдаленные уголки России, первоначально носившие вынужденный характер, стали со временем имманентным признаком их жизнедеятельности².

¹ В данном исследовании использован авторский полевой материал, собранный в 2008 – 2010 гг. в местах бытования старообрядческих общин на территории Нижнего Поволжья.

² Никитина С. Е. Исследование русской культуры старообрядчества – итоги и перспективы//Мир старообрядчества. Вып.4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований: мат. межд. научной конф. М.,1998. С.30.

Формирование изолированной старообрядческой культуры в Нижнем Поволжье было тесно связано со структурой нового пространства. Осваивая территорию, староверы стремились к ее «сотворению» через воссоздание божественного миропорядка. По представлениям старообрядцев организация «своего» пространства начинается с его освящения, сакрализации, т.е. возведения часовни и креста. Поэтому в основу социального творчества был положен единственный из существовавших в тот период аналогов – монастыри.

Важную роль в формировании устойчивости старообрядческой традиции играли особенности географического ландшафта региона. Однако они не выступали в качестве самостоятельного фактора, а находились в общей взаимосвязи с совокупностью социокультурных факторов складывания локальной культуры. Бескрайние степи и перелески региона, мало заселенные русским населением, укрыли староверов от притеснений со стороны светских и церковных властей. Географический ландшафт, таким образом, создал естественные предпосылки для изоляции старообрядческих поселений и как следствие – их культурного обособления.

В наше время по-прежнему сохраняются способы культурной изоляции старообрядческих общин. Например, рассматривая средства массовой информации как наиболее опасные в отношении душевного спасения (как проводники «антихристового мира»), многие староверы до сих пор исключают из обихода телевизор и радио. Но если на начальном этапе развития старообрядческой культуры большую роль играла именно социокультурная изоляция, то сейчас сохранность традиции во многом зависит от самоопределения, выражаемого в идентификации ревнителями старины своего статуса на основании тождества и различия культур в категориях «свое» и «чужое», «мы» и «они».

Изучение своеобразия культуры староверов в регионе позволяет утверждать, что наряду с религиозными характеристиками, она отличается целостностью и самобытностью, а значит, самоидентичностью. Культурная идентичность, в первую очередь, рассматривается как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем локальной культуры, определенная степень отождествления с ней и обособления от других культур. В структуре культурной идентичности выделяют два базовых компонента – когнитивный (представления об особенностях собственной культуры и осознание себя ее носителем на основе этнических или конфессиональных диф-

ференцирующих признаков) и аффективный (чувство принадлежности к культуре, оценка ее качеств)¹.

Одним из доминирующих компонентов культурной идентичности выступает осведомленность, которая включает знания об этнокультурных общностях – своих и чужих, их истории, обычаях, особенностях культуры. Идентичность конфессиональной культуры опирается на рефлексию событий и опыта, постепенно ее формировавших. Значит, механизмом трансляции культуры внутри конфессиональной общности является «социальная» память.

Во время интервью с носителями исследуемой культуры было выявлено, что они знают о причинах, приведших к церковному расколу в XVII в., высказывают собственные суждения о позиции государства и официальной церкви, только, конечно, в собственной интерпретации. Это во многом объясняет свойственную староверам особенность говорить о событиях трехсотлетней давности так, как будто они произошли только вчера².

Последователи старой веры «сотворяют» собственную историю, возводят ее к «первоосновам», существующим «с незапамятных времен»³. Так, постепенно формируется механизм «создания традиций», т.к. любая общность испытывает сильную потребность в «легитимном» прошлом, целью которого служит оправдание современного состояния. Данная концепция неизменной идентичности, независимой от исторического времени, отрицает наличие какого-либо промежутка между «тогда» и «теперь», а чувство причастности к длительной, благочестивой «истории» закрепляет ощущение своей исключительности. Осознание этого факта делает понятным стремление старообрядцев к некоторой изоляции от мира, строгому следованию «дониконовским» принципам в богослужебной практике и в быту.

Представляется возможным выделить еще одно важное условие устойчивости культуры староверов в Нижнем Поволжье, являющееся компонентом идентичности – единство исторических судеб. Можно утверждать, что историческая память и культурная отличительность являются фундаментальными основами старообрядчества,

¹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 211.

² Полевая запись (далее – ПЗ) 2009 г. в г. Волгоград. Инф. Турченкова Е. А. 1927 г. р.

³ ПЗ 2010 г. в г. Волгоград. Инф. Арькова Н. И. 1939 г. р.

обеспечивающими сохранность традиций конфессиональной культуры. Староверы и в наше время переживают обиды за гонения, страдания предыдущих поколений. Все старообрядческие издания, личные беседы неизменно затрагивают самую важную для последователей старины тему – раскол и связанные с ним события XVII в.¹. Так, общая история, культура и вера становятся объединяющими факторами, а коллективная память становится общим источником бытования общин.

Исследуемую конфессиональную культуру отличает наличие единой устремленности, цели сохранения «подлинного христианства», что закрепляет убеждение старообрядцев о своей исключительности. Это приводит к развитию «внутригруппового фаворитизма» как специфического механизма межкультурных контактов, нацеленного на поддержание позитивной идентичности внутри собственной культуры. Предпочтение своей культурной общности заключается в тенденции благоприятствовать ей, а также ее членам в сравнении с другими сопоставимыми с ней общностями. Проявлением внутригруппового фаворитизма считается этноцентризм, который И. С. Кон рассматривает как «восприятие и оценивание жизненных явлений сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего эталона или оптимума»².

Полевые исследования показали наличие фаворитизма в общинах староверов Нижнего Поволжья. Он выражается, например, в предпочтении носителей собственной конфессиональной общности в вопросах создания семьи, выборе крестных и проч. Несмотря на крайнюю степень противопоставления себя «никонианам» и иноверцам здесь нет сильных проявлений этноцентризма. Лояльность к представителям различных христианских конфессий и старообрядческих согласий хотя и отрицается, однако заключается только в изоляции, избегании контактов с ними.

Для староверов региона характерно, что православных и католиков они оценивают как оппонентов своей религиозной культуры. Нехристианское же или атеистическое население в принципе не воспринимается, что выражается в таких категориях как «никто» и «ни-

¹ ПЗ 2010 г. в г. Калач-на-Дону. Инф. о. Георгий Гилев 1949 г. р.

² Кон И. С. Этноцентризм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 812.

что». Приведем услышанный нами диалог: «Кто у него жена?». Ответ при условии, что женщина нехристианка звучит приблизительно так: «Да никто»¹. Отношение к сторонникам официального православия можно охарактеризовать как снисходительное, староверы убеждены в том, что спастись «никониане» не могут.

Важно, что старообрядцы региона идентифицируют себя на двух уровнях: «истинно православные», «христиане», отодвигая на второе место этническую принадлежность «русский». В старообрядческой среде также часто встречается привязывание к казацкой культуре – «донцы», «казаки»². Конфессиональная принадлежность, таким образом, ставится выше этнической. Поэтому браки заключаются, как правило, между единоверцами, причем более предпочтительны браки с иноэтничными группами древнеправославных, чем с русскими, но принадлежащими к иной вере. Важными средствами устойчивости старообрядческой культуры на территории Нижнего Поволжья считаются семья и община, которые становятся институтами социализации и инкультурации подрастающего поколения. Семья формирует мировоззрение, этические и религиозные ценности, такие как вера, традиция, историческая память, почтение к старшим.

Главная цель воспитания детей заключена в воспроизводстве традиционного для конфессиональной культуры образа жизни, обрядовой и поведенческой практик. С раннего детства формируется определенный способ культурной идентификации, базирующийся на знаковых идеях-образах: старая вера, община, чистота. Сама община существует, как показали наблюдения, на основе и ныне действующих механизмов регуляции жизнедеятельности, адаптации и трансляции культурного опыта. Молодое поколение, усваивая культурные нормы общины, занимает в ней свою нишу, и продолжает, таким образом, «дониконовские» традиции.

Большое внимание уделяется процессу образования, рассматриваемого в качестве одного из главных способов сохранения старообрядчества. В связи с этим общиной предусмотрено изучение церковно-славянского языка, который дает основу для чтения и понимания духовных текстов, т.е. возможность не только усвоения, но и дальнейшей трансляции старообрядческой культуры. Детей учат ста-

¹ ПЗ 2010 г. в г. Волгоград. Инф. Милушкина К. З. 1947 г. р.

² ПЗ 2009 г. в г. Суровикино. Инф. Бирюлькина М. И. 1949 г. р.

рославянскому языку по Псалтыри, а значит, обучение становится одной из ступенек системы воспроизводства староверами «своей» культуры¹.

Не потерять духовные ориентиры в современном мире древле-православию помогает особое ощущение времени. Хронос как мировоззренческая категория служит важным этническим маркером, т.к. связанные с ним представления отличают конкретное человеческое общество. По мнению Е. Ф. Фурсовой и А. И. Голомянова, старообрядцы уже более трех с половиной веков живут в особом историческом времени. С одной стороны, в нем присутствуют три обязательных уровня – прошлое, настоящее и будущее, с другой, существуют два, поскольку «настоящего» как такового нет². Особую ценность приобретает «старый», «дониконовский» период, а время после реформы середины XVII столетия определяется как «антихристово». Не случайно с такой горечью и личной причастностью пересказываются события о временах царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, протопопа Аввакума и Феодосии Морозовой. Старообрядцы, отказываясь от настоящего, продолжают жить прошлым и ожидают будущего (дня Страшного суда), которое дает надежду на справедливое воздаяние за земную жизнь³.

Конечно, несмотря на устойчивое воспроизведение основных элементов локальной культуры, можно проследить качественные изменения, произошедшие под влиянием научно-технической и социально-политической модернизации. Например, в некоторых общинах строгое отношение к обряду теперь сочетается с либеральными взглядами на повседневную жизнь. Феминизация церковной жизни, начавшаяся после Великой Отечественной войны, получила дальнейшее развитие. Председателями многих старообрядческих общин области становятся женщины, что является вынужденным нарушением Устава, по которому роль женщины всегда ограничивалась. Изменения коснулись и повседневной жизни верующих. Так, при негативном отношении к телевизору староверы активно пользуются фотоаппаратом,

¹ ПЗ 2009 г. в г. Волгоград. Инф. о. Евгений Пахмутов.

² Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И. Время: прошлое, настоящее и будущее русских старообрядцев // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 117.

³ ПЗ 2010 г. в г. Волгоград. Инф. Турченкова Е. А. 1927 г. р.

хотя фотосъемка любых сакральных действий строго запрещается. Интересно, что в среде молодого поколения старообрядцев наблюдается более мягкое, чем к телевизору, отношение к компьютеру и интернету. Это объясняется целями их использования – в качестве средства коммуникации со староверами других регионов России через старообрядческие сайты¹.

В заключение отметим, что исследование механизмов устойчивости культуры старообрядцев Нижнего Поволжья в современных условиях позволяют отнести ее к жизнестойкой, традиционной русской культуре с «мемориальными» элементами древнего христианства. Культурная солидарность и самоидентификация носителей конфессиональной культуры обеспечены стабильностью религиозных верований, закрепляющих и транслирующих практически в неизменном виде религиозную картину мира. Особую роль в межпоколенной трансляции культуры играет этноцентризм как одно из организующих начал самоидентификации староверов. Конфессиональный этноцентризм проявляется через систему духовных, обрядовых и бытовых практик, которые в языке реализуются через концепты, в быту – в особенностях поведения, освященных традицией, в сакральной сфере – в конфессиональной обрядности и своеобразном восприятии догматов веры.

Взаимовлияние указанных сфер проявляется в том, что они связаны с одинаковым восприятием оппозиции «свое-чужое». Представления о «чужой» вере формируются под наблюдением над собственной конфессией, отличительные особенности которой признаются за норму. Оппозиция «свое-чужое» становится основой самоидентификации локальной конфессиональной культуры. В результате, несмотря на усиливающиеся процессы глобализации, она продолжает воссоздавать самодостаточную культурную среду, которая обеспечивает ее жизнеспособность и дает возможность развития в будущем.

В.В. Гъркова

МИФОЛОГИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФРАНКОВ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Франки, чье наименование появляется в римских источниках в середине III в., принадлежат в новой классификации в немецкой исто-

¹ ПЗ 2009 г. в г. Волгоград. Инф. Горбунов П. И. 1972 г. р.

риографии, которая опирается прежде всего на археологические исследования Ясторфской культуры, относящейся к западной ветви германских племен, так называемым Рейн – Везер германам.

Согласно более древним, но значимым до сих пор работам немецких ученых, их политическое и социальное развитие прошло три этапа, которые мы упомянем в связи с мифологии: этап сакральной монархии во время неолитной и бронзовой эпохи, этап военной демократии – время Цезаря и Тацита, то есть от I – III вв. новой эры (Volkskönigtum) и этапа военной монархии (Heerkönigtum). Последний этап чрезвычайно важен для нас. На третьем этапе формируются исторические предпосылки державности Западной Европы – монархическая институция варваров с ее прерогативами управления, администрации, законодательства и армии; “территориализация” населения и культурно-этническая трансформация варварско-романского начала. Эти процессы эволюционируют, как это стало при ост – и вестготам, бургундам, вандалам и франкам, к синкретической амальгаме в самосознании *gentes* об их исторической миссии, а политическая власть развивается в направлении особого типа варварского абсолютизма. Именно на этом этапе монархия германских королевств будет искать опору для своего существования и развития как ведущий политический фактор.

В целом варварский субстрат на континенте заявит идеологически свое доминирующее присутствие. В этом исключительно важном для него процессе ведущие политические факторы *gentes* – монархия, аристократия и народ будут искать свои древнейшие исторические корни в мифологии. Варварское управление на захваченной территории могло быть обосновано наилучшим способом через генеалогии управляющей династии, принятой официально галлоримским и варварским населением. Славная и древняя генеалогия сможет утвердить политическое и социальное присутствие *gentes* среди народов Средиземноморья. В этом смысле самой ценной для *gentes* является античная греко-римская традиция, способная «уравнять» завоевателей с античным, но погибающим Римом и с доминирующей Византией.

С другой стороны, такая мифология приведет к развитию национального самосознания варваров по пути будущего превосходства над покоренными народами и доведет до их реализации как политический объект и субъект своей истории, который творит ее поровну с развивающейся королевской властью – в области войны, законода-

тельной деятельности и т.д. В связи с этими рассуждениями для нас самым важным фактом является то, что открытие общего для gentes происхождения в самом древнем прошлом представляет исключительно эффективный фактор для этнического и политического единства между народом и монархией. По нашему мнению, раннесредневековая державность развивается на основах древней и сильной варварской династии.

Франки, которые являются смесью западногерманских племен (хатуары, амписвары, сикамбры, хаты, салы и др.) обозначены немецкими авторами как «Stammesschwarm». Как свидетельствует большинство исследований,¹ их численность составляла около 150 000 – 200 000 человек во время их преселений в нач. III в. с нижнего Рейна и до реки Везер на юге и юго-востоке. Салические (приморские – по берегам Северного моря) франки переселяются в Токсандрию (Брабант в сегодняшней Голландии) как федераты Западной Римской империи в 358 г. С начала V по VI вв. они увеличиваются до 10% по сравнению с местным населением, которое насчитывало максимум 4–5 млн. жителей в территории до реки Луары. Они упомянуты в римских источниках в 358 г., нижнерейнские (рипуарские) франки – в 435 г., а салические – в 448 г. как федераты Западной Римской империи.

Салические франки приняли участие в боях в 451 г. на Каталунских полях на стороне Аэция, magister militum Западной Римской империи, против гуннов и их союзников, среди которых находились и рипуарские франки. До победы над последним magister militum империи в Галии – Сиагрием в 486 г., у салических франков утверждается род Меровингов как самый знатный род, управлявший в столице Токсандрии – Турне. Династия названа так по имени короля салических франков Меровея, чье существование историки еще не доказали. Именно салические франки стали основателями франкского королевства, начало которому было положено победой в 486 г. По мнению известных немецких авторов², имя «Меровей» происходит от «море» (французского «la mer», немецкого «Meer»), что считалось указанием о «приехавших с моря» пришельцах.

¹ См.: Schneider R. Das Frankenreich. München, 1990. S.8.

² См. Ewig E. Die Merowinger und das Frankenreich // Urban Taschenbücher. Bd. 392. Stuttgart – Berlin – Köln, 2001, 77–80.

Предыстория происхождения франков долга, сложна и неоднозначна. Этот вопрос и до сих пор волнует историков и общество, потому что франкская цивилизация оставила значимые следы в развитии средневековых государств Франции, Германии и Италии. До сих пор остается недостаточно исследованным и вопрос об их генезисе, которой находится в фокусе чрезвычайного публичного интереса из-за традиционного соперничества между французами и немцами о корнях их национальной истории.

Эти корни историки ищут прежде всего во временах короля Хлодвиг (482-511). Во время его правления закладываются основы франкского королевства. Теперь научные и общественные круги обращаются к их древнему историческому прошлому: 1986 год был объявлен «годом Хлодвига»; в 1996 г. праздновали 1500 лет с года крещения франкского короля, а в 2005 г. была опубликована общая немецко-французская история «Vom Frankenreich zu den Ursprüngen der Nationalstaaten» (Дармштадт, т. I, о периоде 800-1214 г.), где Хлодвиг позиционировался в качестве пра-создателя Европы. Это и другие совместные исследования немецкой и французской историографии представляют новый взгляд – через общие моменты средневековой истории Италии, Франции и Германии искать древний генезис *объединенной* Европы.

Проблему генезиса франков, а отсюда и предысторию ранне-европейской цивилизации можно связать с рядом гипотез, которые мы рассмотрим через мифологию – самое трудное объяснение для историков, добавляя данные этнологии, археологии и лингвистики в качестве научного фона.

С точки зрения хронологии, самая ранняя версия о происхождении франков – скандинавская. Вероятно, франки прибыли из Южной Скандинавии, затем продвинулись по берегу Северного моря и по течению рек Рейн и Везер, поселившись в виде федеративного союза племен в северозападной Галии во II в. Карта Певтингера с II в. локализирует племя «батавов», которое являлось частью союза франков на острове «Patavia» или «Batavia», что близ реки Рейн. В таком случае мы можем отыскивать общие мотивы с троянской легендой Псевдофредегара, о котором будет идти речь позже. Как отмечает Джонатан Барлоу в статье о Григории из Тура и его троянской версии, в “Энеи-

де” есть пассаж о приходе Антенора и троянцев на северный берег Адриатического моря, где они нашли город “Patavia”¹.

Скандинавская теория подтверждается прежде всего новейшими археологическими научными трудами: вероятно, саллические франки ведут свое происхождение из племени хауков, которое было расселено по берегам Северного моря до Ельбой. Историки выдвигают гипотезу происхождения франков из группы ингвеонов (северные германцы – викинги и норманны, пришедшие из южной Скандинавии и с берегов Северного моря), а не из иствеонов (Рейн – Везер – Германия). Исследователи полагают также, что через хауков выводится «морское» происхождение Меровингов, что отражено в легенде о морском чудовище в хронике Псевдофредегара. И Лайбниц (1646 – 1716) предполагал, что франки вели свое начало из викингов. Эго гипотеза сегодня реанимирована английским историком Р. Грандом. Известно также, что сикамбры были силой заселены при императоре Августе именно в области города Ксантена («Троу») в Голландии, по левому берегу Рейна. Согласно франкской «Таблице народов», с половиной VI в. франки воспринимаются как потомки Истию, сына бога германцев Мана (здесь можно наблюдать реминисценции с «Германией Тацита». На этом основании франков можно считать как родственными с римлянами, аллеманами и бритами.

Есть и другое объяснение имени Меровингов. Археологи локализовали племя марвинги в области горной Эльбы в нач. I в. С другой стороны, горная Эльба близка географски с Паннонией. Можно привести и другие гипотезы на основе лингвистического анализа – в аллитерации “Baunonia - Bursana – Borikum” филологи ищут эвентуально следы франкского переселения из южной Скандинавии к берегам Северного моря. Отсюда они могли достичь Панонии².

Можно предположить, что здесь обнаруживается связь и с известной паннонской легендой епископа Тура Григория (538–594), изложенной в его «Церковной истории франков в десяти книгах». Теория о Паннонии как праотечестве франков может быть обосновлена

¹ См. Barlow J. Gregory of Tours and the Trojan myth of the Franks // *Fruhmittelalterliche Studien*. Bd. 29. 1995. 89.

² Эти данные мы находим при Kaiser R. *Die Franken: Roms Erben und Wegbereiter Europas?* Idstein, 1997. См. далее: Grand R. *Recherches sur l'origine des Francs*. Paris, 1965.

лингвистически на основании существующих источников – через аллитерацию германского наименования Паннонии «Baunonia – Bursana – Boriscum», которое является объяснением эвентуального переселения франков от «Boriscum», то есть из Южной Скандинавии к Нижнему Рейну.

Далее упомянутый епископ Тура в гл. II, 9 отмечает, что франки прибыли из Паннонии к берегам Рейна и оттуда в Торингию¹. Археологи локализуют «Торингию» с римской Colonia Ulpia Traiana (Trojana), римским названием города Ксантена. С другой стороны, Паннония – родина патрона франков св. Мартина из Тура и епископа Григория – основателя культа и самого горячего почитателя святого. Епископ Григорий хотел бы связать происхождение своего народа с родным местом святого, представленным в источниках как город «Сабария» в Паннонии (этот объект археологически не установлен). Но, как отмечает он в гл. II, 10 своего труда, франки были диким и языческим народом, поэтому и он, как и Сульпиций Север, первый биограф святого, не подчеркивают особенно сильно паннонскую версию происхождения франков. Псевдофредегар считает город «Сикамбрия» столицей франков. Интересным для нас является факт, что панонская легенда могла иметь общее с троянским мифом, представленным в первый раз Псевдофредегаром, как мы далее объясним. По сравнению с первой теорией троянская легенда оказывается функциональнее во время поздней античности из-за стремления франков основать теорию древнего «антикизированного» происхождения.

О троянской легенде, обоснованной впервых неизвестным бургундским автором под псевдонимом «Фредегар», составлена (середина VII в.), в гл. III, 2отмечается следующее: первым королем франков был Приам из Трои; после завоевания этого города часть троянцев переселилась из Малой Азии в Македонию, где они называли себя «фригами». Другая их группа под предводительством Friga, сына Приама, прошла через Азию и поселилась на берегу Дуная и у океана (здесь, вероятно, имеется в виду Атлантический океан), после которого она разделилась снова на две части. Одна из них под лидерством короля Francio прошла через Европу и поселились по берегам Рейна, где они стали строить город по имени их древней столицы – “Троу” (в римских источниках город Ксантен известен под именем “Troja

¹ Турский Г. История франков. М., 1987. Т. III. С.9.

Minor”). Они были названы “франки” по имени своего вождя¹, и именно этим своим утверждением Псевдофредегар нов и оригинален по сравнению с епископом Тура: что он обосновывает убедительно наименование франков. Вторая группа троянцев во главе с королем Torcoth (этот король исторически не подтвержден) осталась на реке Дунай. Эти пришельцы, по мнению Псевдофредегара², были названы по имени своего короля “турки” (“Turchi”). Параграф 2, гл. III заканчивается утверждением автора, что франки долгое время были самыми непобедимыми среди народов под управлением их герцогов и не допускали чужого владычества над собой.

Используя в своей компилятивной работе данные из анонимной мировой хроники “Liber Generationis”, автор подчеркивает библейский генезис франков: он уточняет его в гл. V хроники, ссылаясь на “Trociane, Frigiiae” как на потомков Яфета. Дальше он ассоциирует троянцев с франками как их частью. Следовательно, франков можно считать потомками Яфета, сына Ноя, и на этом основании автор считает их родственниками римлян, которые ведут свое начало от другого сына Ноя³. Таким способом хронист отвечает на потребность франков и их королей в славном и древнем происхождении. Не случайно в этой библейски обоснованной части хроники мы находим еще один очень важный момент – т. наз. Translatio imperii- идея, взятая из хроники Иеронима, которая является другим его источником. Он перечисляет по схеме Иеронима следующие империи: вавилонскую – ассирийскую – мидийскую – персидскую – римскую – франкскую. Этот пассаж имел огромное значение для Псевдофредегара из-за его сильно выраженного стремления подчеркнуть не только античную, обоснованную основу троянской теории, но и найти место франкам в мировой истории. Зная отлично, что до его времени у них было королевство, но империи не было, он все же написал это. Так Псевдофредегар хотел помочь народу франков обрести национальную идентичность.

В гл. III, 42 он снова отмечает другой важный для нас момент – большое значение королевской институции. Хронист упоминает, что

¹ См.: Die vier Bücher der Chroniken des sogenannten Fredegar // Quellen zur Geschichte des 7. und 8. Jahrhunderts. Darmstadt, 1982. III. 2. P. 85.

² Там же.

³ См. Wallace-Hadrill J. The Long Haired-Kings and other studies in Frankish history. London, 1962. P. 79.

еще во время короля Агилы у готов была практика убивать своих королев, если они не были им «приятными». Текст подсказывает, что здесь Псевдофредегар в принципе конфронтируется с проблемами своего времени – с политическим хаосом в царстве франков, с победой местного сепаратизма в отдельных частях государства, с упадком монархии в целом.

Именно по этой причине он акцентирует внимание на управление последних великих Меровингов – Хлотара II (584–629) и его сына Дагоберта I (613 – 629), которые в качестве самодержцев франков успели централизовать и укрепить королевство (*Grossreich*). Оно поделено еще по традиции между наследниками Хлодвиг на три части (*Unterreiche*) – Австразия, Нейстрия и Бургундия. В гл. IV, 58 и 60 он дает полную характеристику Дагоберта I – исключительно смелого правителя, справедливого, милостивого, щедрого по отношению к церкви, одаренного силой и пр., восхваляет его главных советников епископа Арнульфа из Метца и майордома Пипина из Ландена, пратцов будущей династии Каролингов.

Псевдофредегар остается значимым для людей его эпохи и с легендой о морском чудище, описанной в гл. III, 9 – *хронике*. В нее рассказывается, как после правления королев франков Приама, Фрига, Францио и Теудомера (исторически недоказанного владетеля) власть была принята его сыном Хлодио, завладевшим территорией до реки Сомы. Он был самым сильным среди своего народа и жил в области торингов. По паспространенной устной легенде, Псевдофредегар рассказывает, что Хлодио гулял с женой по морском берегу и когда она купалась в море, на нее напало чудище с бычьей головой («*bestia Nertuni Quinotai*»). Она родила от него или от мужа сына и назвала его Мервей, по чьем имени короли франков назывались Меровингами¹.

Сильно измененный языческий характер этой легенды, отсутствующей в творбе Григория из Тура и в анонимной хронике «*Liber Historiae Frankorum*», является предпосылкой продолжительного интереса к труду Псевдофредегара на протяжении всего Средневековья. Этот пассаж, как и еще один в гл. III, 9, где упоминается самый харак-

¹ См.: Die vier Bücher der Chroniken, op. cit., III, 9, p. 90 – 91. Далее см.: *Liber Historiae Francorum* (paucis locis abbreviatus). Das Buch von der Geschichte der Franken (wesentlich gekürzt) // Quellen zur Geschichte des 7. und 8. Jahrhunderts. 5, p. 347.

терный атрибут меровингских владетелей – их длинные волосы, являются самыми интересными моментами его хроники для исследователей, ищущих древние следы великого прошлого франков. Эти языческие «следы» франкского генезиса являются основой сверхсакральной сущности королевской институции, гарантирующей, вместе с покровительством церкви (выраженным крестьянизацией, а потом и миропомазанием Каролингов) долгое существование династии и пребывание ее под Божьей протекцией и под покровительством римских пап.

Мы закончим изложение версий о происхождении франков одной более новой версией английских ученых, а именно, Уоласа-Хадрилла¹. Есть серьезные доказательства, что до хроники Фредегара тезис о трянском происхождении встречается значительно раньше в письменных источниках. Проза Лидия (серед. III в.), сочинения Аммиана Марцелина и Авзония (конец IV в.), и др. доказывают большую, чем считалось до сих пор, распространенность этого мифа в обществе поздней античности. Мы предполагаем, что Григорий из Тура знал его, но не счел необходимым отметить его из-за своей антипатии к античной мифологии.

В анонимной истории о франках «*Liber Historiae Francorum*», составленной из 53 глав вероятно в 727 г., троянский миф модифицирован. Хроника написана нейстрийским автором. О происхождении франков написано в гл. 1 следующее: в Азии был город троянцев, который назывался Илиумом («*Illium*»), там правил Эней. «Народ был смелым и сильным, мужчины имели необузданное желание для войны и всегда воевали, пока не победили всех своих соседей»². После разрушения Трои Эней остался в Италии бороться с 12000 армией, потом доплыл на кораблях до устья реки Дон и через Азовское море троянцы прибыли в Паннонию. Там они построили город Сикамбрия, напоминающий названием об их родине (вероятно, идет речь о крепости Аквинеуме, сегодняшнем городе Буда). По мнению хрониста, франки были дикими и жестокими, но исключительно смелыми воинами, гордыми своим происхождением. Как говорит хронист, они отказались

¹ Wallace-Hadrill J. op. cit., 80 ff.

² Цит. По: *Liber Historiae Francorum*. op. cit., 1, p. 341

платить налоги римскому императору и гордились своей свободой от налогов (!)¹.

В гл. 5 хроники описано правление короля Хлодвига, представленного по ошибке сыном Фарамунда (здесь отсутствует легенда о морском чудовище!), наследников (описание ведется здесь по первым шести книгам Григория из Тура). В рассказе описывается очень подробно в шести главах годы кровавая война между владельцами Нейстрии и Австразии и их женами Фредегундой и Брунхильдой, то есть период 561–613 гг. Имя династии Меровингов происходит, как у Григория из Тура, от имени Меровея. Здесь преемственность династии соблюдена².

Интересен рассказ в гл. 42 хроники правления Дагоберта I, которое представлено самыми положительными атрибутами – смелостью, строгостью в отправлении правосудия, благодеяниями по отношению к церкви, прочным миром в королевстве (этот пассаж подчеркнут особенно сильно!). Все соседние народы боялись его, был мудрым, как Соломон³. Дагоберт I, последний из значительных королей до периода «ленивых королей», был похоронен, как правильно отмечено в хронике в гл. 43, в церкви им. Св. Дионисия. Именно короли Хлотар II (584–629) и Дагоберт I заложили основу культа этого святого, который при Каролингах «вытесняет» традиционный культ св. Мартина из Тура.

Период «ленивых королей», когда королевство в его трех частях было под контролем трех майордомов, правление которых заменило собой политическую власть королей, отражен в хронике в целом верно, несмотря на многие ошибочные сведения и хронологические пропуски. Здесь самым интересным является рассказ о борьбе за власть между майордомами Австразии и Нейстрии. В гл. 49 отражен исключительно важный момент о первом опыте Пипинидов завладеть троном через усыновление, а не через войну.

Сын австразийского майордома Гримоальда – Хилдеберт, внук советника Дагоберта I – Пипин из Ландена, усыновлен королем Сигибертом III (633–656), узурпирует трон в 656–662 г., но он не получил поддержки австразийской аристократии. Этот опыт был показателен

¹ Там же. III, 343–345.

² См. династическую таблицу у E. Ewig, *op. cit.*, 264 ff.

³ См.: *Liber Historiae Francorum*, *op. cit.*, 42, p. 365.

для падения королевской династии. Будущее могущество объединенных Арнульфingов и Пипинидов было закреплено браком Анзегизеля и Бегой, чей сын Пипин II Хершальский от Австразии будет выдвинут первым общим майордомом объединенного франкского королевства после его победы в битве при Тертри в 687 г. против майордомов Нейстрии и Бургундии. Этот момент отражен в гл. 48 хроники. Последние главы дают представление о падении поздних Меровингов. Политическая картина этого периода передана с опущениями и множеством ошибок, рассказ прерывается описанием правления последнего Меровинга Хильдериха III (743–751), который, как известно из истории, был свергнут, его длинные волосы были подстрижены, и он ушел в монастырь по заповеди майордома Пипина III. В 751 г. Пипин был избран и миропомазан (в первый раз в истории франков!) их королем, а его сын Карл Великий (768–814) заложит основу трех европейских государств – Франции, Италии, Германии.

В связи с проблемой франкского происхождения упомянем еще легенду о «святой ампуле» архиепископа Гинкмара (806–882), которая исключительно важна в связи с принятой на протяжении всего Средневековья вплоть до Великой французской революции традицией миропомазания королей – сверхсакрального ритуала, фактора, легитимизировавшего их власть. Используя ранние и более известные источники – хроники, устные предания региона и др., в составленном по поручению западнофранкского владетеля Шарля Лысого (840–877) житии святого Дионисия он описывает крещение Хлодвиг в Реймсе, совершенное святым Ремигием. Церемония принятия христианства могла быть оменена из-за недостатка мирра для миропомазания, и тогда совершается чудо: белый голубь (Святой Дух) принес ампулу специального олея – *chrisma*. Мирро чудодейственным способом находилось в ампуле и не кончалось, им были посвящены все французские короли до 1793 г., когда ампулу уничтожили. Миропомазание – основной акт королевских коронаций всех владетелей Средневековья. Оно предшествует коронации, является выражением супрематии *sacerdotium* над *regnum*, которая особенно сильна до XIII в., когда формируются централизованные европейские монархии. Миропомазание усиливало королевскую харизму.

Другой исключительной заслугой Гинкмара является его участие (по мнению У. Хадрила, и его авторство) в составлении в 835 г. «*Gesta Dagoberti*», благодаря чему под его руководством в аббатстве

Сен Дени утверждается культ св. Дионисия как к национального святого западных франков. Гробница Сен Дени превращается с VII в. в королевский мавзолей, где показана особенно сильно франкско-французская преемственность: там были похоронены меровингские короли Дагоберт I с женой, жена Хлотара I Арнегунда и Хлодвиг II, а затем и Каролинги Карл Мартелл, Пипин III и Шарль Лысый. Там покоятся тела всех французских королей династии Капетингов за исключением Филиппа I и Луи VII.

Кроме того, в житии св. Ремигия Гинкмар проявляет большой интерес к обычному праву салических франков – *Lex Salica* по чисто практическим причинам. Сравнивая соотношение видов денег солид-динарий в VI в. и то же соотношение в его время, он интересуется Салическим законом франков. По мнению большинства исследователей, Гинкмар участвовал в переработке официальной редакции Салического закона¹.

Архиепископ Реймской церкви испытывал большой интерес и демонстрировал познания в области истории, церкви, права, теологии и даже дипломатии². Мы связываем его имя с его огромной заслугой создания и утверждения коронационного ритуала европейских монархов в Средневековье. Он интересовался историей Меровингов, преследуя цель возвеличения их как предшественников Каролингов.

Франкский генезис особенно интересен для французской и немецкой историографии. Примеры многочисленны, начинаясь с биографии о Карле Великом Айнхарда, в которой Меровинги представлены в негативном свете. Авторы – таких, как саксонец Видукин из Корби, летописцы французских королей Хуго Капета, Филиппа II Огюста, Луи VIII, Луи IX и др. интересовало славное прошлое франков, что было связано их актуальными политическими и духовными интересами. Национальный символ Франции – орифлама, нарисованная на флаге французов и на одежде их королей, в сущности, есть знамя аббатства Сен Дени. Начиная с 1223 г. все короли были миропомазаны в этом аббатстве, но получали корону в Реймсе. Знаковое королевское имя Капетингов – Луи, которое является производным из Хлодвига, (в перев. от старогерм. означает „смелый“, „непобедимый“,

¹ Wallace-Hadrill J. Op. cit. Cap. V.

² См.: Гъркова В. Живот и дело на архиепископ Хинкмар от Реймс (806–882) // Сб. в памет на Георги Сотиров, 2011 // mediaevalia.eu

„сильный“). В XIII в. монах Примус очерчивает окончательно триаду «Меровинги – Каролинги – Капетинги» по поручению Филиппа II Огюста¹. В XIV в. Хлодвиг почитали во Франции уже как святого. Германские императоры в отличие от французских королей не искали идеологическое или другое обоснование в древней франкской истории, но концентрировали внимание, особенно династия Щауфенов, на преемственности со времени Карла Великого. Как мы уже упомянули, и до сих пор в европейской историографии и обществе не остыл оправданный интерес к генезису объединенной Европы.

К.М. Исаева

ПРАЗДНОВАНИЕ НАВРУЗА В СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК СОХРАНЕНИЕ ВАЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Нынешний век считается веком информационных технологий, происходит глобализация и интеграция различных народов, диалог культур. Но без прошлого не может существовать будущего, ведь то, что мы имеем сегодня – это последствия решений, принятых нами вчера. Следуя этой логике, сегодня мы творим наше будущее. Именно поэтому в современном мире необходимо постоянно обращаться к прошлому опыту, чтобы не повторять уже совершенных ошибок. Как мы не можем строить замок без фундамента, так мы не можем строить светлое будущее, забывая о прошлом.

Навруз является одним из любимейших праздников народов Средней Азии, так как он символизирует приход весны, благоденствия. Недаром его справляют 21 марта – в день весеннего равноденствия. 30 сентября 2009 года Навруз был включен в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.² В настоящее время праздник справляют в таких странах, как Иран, Афганистан, Таджикистан, Азербайджан, Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Албания, Индия, Кыргызстан, Македония, Турция, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан. Сам праздник своими корнями уходит в религию Зороастризм, но на сегодняшний день большинство населения перечисленных стран являются мусульманами, за исключением Македонии и Индии, тем не менее, народы этих стран чтят па-

¹ См.: Фавие Ж. Карл Великий. София, 2002. С.651–683.

² <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?pg=00011>

мать своих предков и ежегодно отмечают Навруз. Почему же так происходит?

Если мы обратимся к психологии, а именно к культурно-исторической теории, разработанной Л.В. Выготским¹ и его школой, то становится понятно, что человек – существо социальное, развивается оно в обществе. Окружающая среда и обстановка влияют на его суждения и мировоззрение. Таким образом, мы становимся личностями именно в социальной среде. В развитии ребёнка присутствует параллельно две линии: естественное созревание и овладение культурой, способами поведения и мышления. Вспомогательными способами передачи информации из поколения в поколение являются традиции и обычаи. Осознание своей принадлежности к тому или иному обществу способствует развитию у человека самоидентификации.

Когда происходит насильственное или естественное появление новой культуры, она непременно ложится на почву старого, на тот фундамент, который народ имеет на данный момент. Точно также и случилось в Средней Азии, когда на смену зороастризму, процветавшему во времена эпохи Ахеменидов, стал приходить принесённый арабами ислам. Исламская культура прочно вошла в жизни народов Средней Азии, и по сей день большинство населения данного региона является мусульманами. Тем не менее, как и в случае с эллинизацией данного региона, проходившей значительно раньше, исламская культура приобрела здесь свой особый неповторимый оттенок, вобрав в себя самое лучшее, что было в традициях и обычаях проживавших здесь народов.

Праздник навруз в первую очередь является важнейшим нематериальным историческим памятником, любимым в Средней Азии, и уж в последнюю очередь он напоминает о некогда исповедуемой здесь религии. Очень часто можно услышать о том, что Навруз является мусульманским праздником весны и равноденствия. Дело в том, что, прочно войдя в жизнь народов Средней Азии, он стал частью той мусульманской культуры, которая присутствует в регионе. Человек, развиваясь в определённой культурной среде, становится частью этой среды и этого общества. Нельзя просто так вычеркнуть из исторической памяти народа вековую традицию, наоборот, такие традиции надо передавать из поколения в поколение, чтобы сохранить их.

¹ Выготский Л.С. Психология развития человека. — М. 2005.

Традиции, связанные с празднованием Навруза, несут в себе память о быте и укладе древности, о ценностях и идеалах того времени, когда он только зарождался. И пусть с годами сам праздник эволюционировал, он по-прежнему может нам многое рассказать о древних временах. Навруз является своеобразным «Новым годом», потому что он символизировал начало весны, пробуждения природы. Именно поэтому традиционные блюда, которые готовят на Навруз, связаны с молодой свежей зеленью и проросшими ростками пшеницы. По мимо культурной традиции, эти блюда выполняют ещё и другую функцию – они являются весьма полезными для здоровья человека, помогают организму окрепнуть и набраться сил. Ведь именно весной мы наблюдаем проявления авитаминоза, после зимы человеческому организму необходимо восполнить недостаток витаминов, которые находятся в большом количестве в свежей зелени.

Празднование Навруза отличается в зависимости от народов, его справляющих. Например, в Иране праздник длится 13 дней, в Казахстане 3 дня, в Татарстане и Узбекистане – его справляют 1 день (21 марта). Таким образом, данная традиция не только объединяет народы, но и указывает на индивидуальные особенности каждого из них, – это и есть диалог культур. Даже традиционные блюда на Навруз отличаются в зависимости от региона: в Узбекистане принято печь «кок-сомсу» (вид выпечки со свежей зеленью), а в Казахстане традиционно готовят «наурыз коже» (блюдо из семи ингредиентов).

Таким образом, традиции и обычаи наших предков являются частью нас самих, частью того, кем мы являемся и кем станут наши потомки. Именно поэтому очень важно всеми силами беречь историческую память своего народа.

С.В. Каркина

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК МЕТОД ЭСТЕТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ
МУЗЫКАЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕ-
ДИЯ

Важной составляющей процесса эстетического воспитания является формирование внимательного и чуткого отношения к историческим культурным традициям, как основе любого способа творческого самовыражения личности. Принцип преломления национальных

особенностей и своеобразие сквозь призму историко-культурных традиций музыкального искусства был положен в основу творчества композиторов романтизма и служил опорой для композиторов последующих эпох. Взаимопроникновение нескольких традиций в одном произведении искусства, как явление культуры и научная проблема было обозначено в XX в. в рамках школы диалога культур. Музыкальное воплощение лучших образцов поэтического искусства представляет актуальное направление исследований в рамках поставленной научной проблемы.

Диалог культур как метод воспитания профессионально-личностных качеств учителя и нравственной культуры учащихся является современной научной проблемой, привлекающей все большее число исследователей (А.К. Абрамян, С.В. Галоян, Л.А. Бахтеева, Л.И. Орешкина). Проблема диалога культур в музыкальном искусстве была раскрыта на примере оперного творчества Ш. Гуно в процессе взаимодействия традиций античной культуры и французского искусства XIX в. (А.Ю. Енская). Согласно концепции диалога культур М.М. Бахтина, не может быть единственного носителя истины и знания, а их постижение субъектами происходит в процессе их активного диалогического общения. М.М. Бахтин определяет метод диалога культур как «единство становящейся (развивающейся) идеи на разных этапах ее развития»¹. Участие личности в диалоге культур активизирует заложенные в ней индивидуально-личностные смыслы. Изучение закономерностей подобного явления представляет актуальность с точки зрения задач и направлений педагогической науки в настоящее время.

Наиболее характерными тенденциями современного образования является усиление внимания к ученику как субъекту, тогда как в советский период представление индивидуального сознания частью коллектива, нивелировало уникальность и самобытность личности. Новое направление развития воспитательных систем связано с расширением круга философских оснований, позволяющих эффективно реализовывать задачи духовного, нравственного, интеллектуального, эстетического и т.д. развития детей. Подобные тенденции характеризуют значительные изменения в педагогической науке в сравнении с советским периодом, когда эталон воспитания представляла модель

¹ Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: Инновационная деятельность. М., 1997.

социального заказа государства, основанная на диалектико-материалистическом философском направлении и строго соответствующая единому заданному шаблону мировоззренческих и патриотических убеждений граждан.

Е.В. Бондаревская полагает, что формирование ординарных личностей приводит не только к развитию и укреплению массового сознания общества, но также и к массовой культуре. Способность к восприятию и созданию уникальных художественных произведений культуры невозможно без осознания личностью собственной уникальной самобытной природы. Воздействие образовательной системы преимущественно на отражательные функции человеческого сознания служит сдерживающим фактором развития личностного сознания, примером чему являются советские педагогические традиции.

Наиболее целесообразной опорой современной педагогической науки ряду ученых представляется переход к гуманистическим философским основаниям. Гуманизм как система воззрений, обосновывает значение личности человека как безусловной ценности и признает его неотъемлемое право на свободу, счастье, творческую активность и самореализацию. Наиболее оптимальным педагогическим направлением для достижения идеалов гуманизма выделяется личностно ориентированное образование. Его идеи развиваются в трудах Е.В. Бондаревской, С.В. Кульневич, В.В. Серикова, А.Н. Алексеева и др. Их суть заключается в предоставлении личности права свободного выбора идейной основы обучения и воспитания, траектории и способов саморазвития и принятие личной ответственности за выбор.

В рамках личностно ориентированной педагогики Е.В. Бондаревская выделяет культуросозидательную функцию, обеспечивающую «сохранение, передачу, воспроизводство и развитие культуры средствами образования»¹. Выделены условия реализации данной функции: интеграция образования и культуры и обеспечение действия механизма культурной идентификации. Понятие культурной идентификации означает «установление духовной взаимосвязи между собой и своим народом, переживание чувства принадлежности к национальной куль-

¹ Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. 1997. №4. С.11 – 16.

туре, интериоризация (принятие в качестве своих) ее ценностей, построение собственной жизни с их учетом»¹.

Первоначальное значение понятия «культура» в переводе с латинского языка означало возделывание, улучшение, обработка почвы, т.е. областью его применения являлось земледелие. Постепенно сфера значений понятия существенно расширилась до характеристик качества жизнедеятельности человека, народа, что выражено в определении «Культура ... - это особая форма жизнедеятельности людей, дающая проявиться многообразию стилей жизни, материальных способов преобразования природы и созидания духовных ценностей»².

Классическое понимание термина сформировалось в эпоху Просвещения, когда утвердилась его близость с понятием «цивилизация» в значении «интеллектуального, нравственного, эстетического, то есть разумного, совершенствования человека в ходе его исторической эволюции»³. В современной науке наблюдается различие в подходах к трактовке феномена культуры. В учебном пособии по культурологии Д.Ю. Столярова и В.В. Картунова отмечено существование более 400 определений понятия «культура». Изменение дефиниций понятия определяется подходом, на который ориентируется тот или другой исследователь, перечислим некоторые из них: этнографический, деятельностный, социологический, психоаналитический, идеалистический, имажинативный. В настоящем исследовании ведущим методологическим ориентиром будет служить аксиологический подход, в контексте которого значение понятия культура представляет систему «материальных и духовных ценностей, накопленных человечеством за свою историю»⁴.

Понятие культуры лежит в основе культурологического подхода, как основного принципа профессионально-педагогической подготовки. Культурологический подход как гуманистическая позиция признает человека субъектом культуры, позволяя трактовать процесс ее освоения как личностное открытие мира культуры и актуализацию

¹ Там же.

²Белик А.А., Бергер Я.М. Культурология. Учебное пособие // <http://sbiblio.com/biblio/search.aspx>

³ Столяров Д.Ю., Картунов В.В. Культурология: учеб. пос. для студ. заочн. обуч. всех спец. М., 1998.

⁴ Там же.

заложенных смыслов. Владение знаниями и опытом творческой деятельности в области культуры представляет обязательное условие реализации культурологического метопринципа. В.И. Андреев отмечает необходимость опоры на национальные культурно-образовательные традиции залогом успешного развития сферы образования, включающей в себя также эстетическое воспитание. Одним из перспективных направлений реализации культурологического метопринципа В.И. Андреев выделяет философско-педагогическую концепцию «Школы диалога культур» В.С. Библера и его последователей.

Понятие «диалог культур» получило широкое распространение в философии XX в. Наиболее часто его значение трактуется как «взаимодействие, влияние, проникновение или отталкивание разных исторических или современных культур»¹. В трудах В.С. Библера данное понятие, положенное в основу концепции, было использовано для развития идеи школы, содержание и методы обучения которой основываются на положениях, имеющих принципиальные отличия от традиционной системы образования.

Библер считает основой обучения «целостное произведение как форма общения и мышления, конгениальная данной культуре»². Концепция Школы диалога культур базируется на разделении идеи произведения, как выражения его содержательной сути, и уровня знаний о нем, существующего в виде экстракта или итога, извлеченного из произведения, организованных специальным образом с целью передачи следующим поколениям. Ссылаясь на термин М.М. Бахтина «речевые жанры», В. Библер трактует произведение культуры как особую форму речи конкретной эпохи, требующую освоения. Подобный метод должен соответствовать ситуации реального общения и обеспечивать диалог с представителями иных культур.

В отличие от традиционной концепции образования, где эталоном обученности служит уровень усвоения общепринятых сведений научного знания и проверенных операциональных схем, школа диалога культур предлагает представить предмет как средоточие нерешенных вопросов, противоречий, в разрезе его внутренней диалогичности.

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М., 2001. // <http://dic.academic.ru>

² Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы / под общей редакцией В.С. Библера. Кемерово, 1993.

Выход за пределы общепринятого знания и сомнение в нем В.С. Библер полагает начальным импульсом мысли и формирования мышления. Разделяя задачи передачи «современных знаний и развитие культуры мышления», В.С. Библер обозначает критерий развитого мышления человека современной культуры как способность формирования, изменения, трансформации и преобразования известной информации, а также навыков владения ею.

Исследование методов и форм освоения культуры по В.С. Библеру, обнаруживает ряд противоречий. С одной стороны, культура представляет самодостаточное явление, характеризующееся завершенностью и целостностью: «Каждая культура – это то, что раскрывает свои бесконечные резервы, тайны ... возможности выявления и актуализации все новых и новых своих смыслов». С другой стороны, культура, по М.Бахтину, существует только на своих гранях и представляет обращение к другой культуре, и в этом заключается бесконечный спектр ее возможностей. Развитие культуры может происходить только в диалоге с другими культурами, где каждая из них раскрывает и реализует себя в новом качестве.

Квинтэссенцией интерпретации культуры в концепции школы диалога культур является понимание значения искусства. В трактовке В.С. Библиера искусство обогащается новыми оттенками значений и предстает как феномен, отражающий уникальность и неповторимость окружающей жизни и каждого человека. Абсолютной прерогативой искусства В.С. Библер полагает цель «выявить и сосредоточить эту неповторимость»¹. Таким образом, процесс совершенствования эстетической культуры в процессе восприятия произведений искусства и формирования на его основе эстетических представлений, идеалов, творческой деятельности, обогащается новыми задачами для воспринимающего сознания, требующими развития его функций критичности, коллизийности, смысловорчества.

Ряд перечисленных функций входит в личностные функции, активизация которых является одной из задач личностно ориентированного образования. Педагогическое воздействие на развитие данных функций способно обеспечить эффективность эстетического воспита-

¹ Там же. С. 19.

ния, организуемого посредством лично ориентированной педагогической технологии. Метод диалога культур позволяет обнаружить внутреннюю противоречивость, диалогичность произведений искусства, и направить мысль на критическую оценку, размышление.

Для того, чтобы представить механизм работы метода диалога культур в процессе эстетического воспитания, обратимся к конкретным примерам. Рассмотрим образцы произведений искусства, являющиеся примерами различных культур, но имеющие в то же время, условия, объединяющие их друг с другом. Предметом нашего анализа послужат сонеты У. Шекспира и романсы, написанные на эти стихи композиторами Д. Кабалевским и Р. Яхиным. Таким образом, в поле зрения будут включены одновременно несколько различных культур: английская культура драматического искусства эпохи позднего Возрождения, русская (XIX в.) и советская камерно-вокальная культура, представленная музыкой Д. Кабалевского, татарская национальная камерно-вокальная культура XX в., представителем которой является Р. Яхин.

Общим элементом, на основе которого будут сопоставлены перечисленные культуры, будут тексты сонетов У. Шекспира. Расцвет жанра сонета и установление его поэтического канона (в английской поэзии) связано с эпохой и именем У. Шекспира. Им написано 154 поэтических произведения в форме сонета, которые относят к наиболее знаменитой части всего наследия. Сравнительно-сопоставительный анализ сонетов с подобными произведениями современников обнаруживает черты заимствования тематики и сюжетов, хотя стиль отличается значительной глубиной содержания, блеск и богатство владения лексическими возможностями языка. Каждый сонет представляет законченное и цельное выражение определенной мысли, тем не менее, весь цикл распадается на отдельные тематические группы, среди которых можно выделить темы отношений к другу, поэтам, возлюбленной и др.

Несмотря на неоспоримые художественные достоинства и совершенство жанра сонета в творчестве У. Шекспира, следует отметить, что стилю в целом присущи черты придворно-галантных форм, для которых характерны рассудительность, некоторая условность, сдержанность чувств. Некоторые сонеты носят характер философского размышления (№№ 81, 30, 13, 71, 66 и др.) – вывод, который содержит заключительное двустишие, является результатом объектив-

ной оценки главной мысли, представленной в виде диалектического противоречия. Неоднократно встречается идеализация образа возлюбленной (№№ 81, 27, 30, 153, 71, 76 и др.), в то время как переживания лирического героя, от лица которого ведется повествование, автор нивелирует. Содержание сонетов часто затрагивает вопросы о смысле человеческой жизни, отношения к смерти, любви и другим философским вопросам бытия.

Произведения и сюжеты У. Шекспира неизменно пользуются вниманием композиторов (В. Беллини, Дж. Верди, Ш. Гуно, Г. Берлиоз, П.И. Чайковский, С.С. Прокофьев и др.). В жанре камерно-вокального творчества наибольшую известность приобрели романсы на тексты сонетов Д.Б. Кабалевского, Р.М. Яхина, Д.Д. Шостаковича, М.Л. Таривердиева.

Вокальный цикл Д.Б. Кабалевского «Десять сонетов Шекспира» op. 52 написан в 1953 – 1955 гг., в него вошли сонеты №№ 81, 27, 102, 30, 153, 13, 8, 71, 90, 76. С точки зрения мелодико-гармонических и фактурных средств цикл написан в традициях русского драматического романса П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова. Мелодика часто имеет речитативное строение, гармонический язык использует аккордику позднего романтизма. Партия аккомпанемента отличается самостоятельностью, часто дорисовывает художественный образ; встречаются элементы звукоизобразительности. Романсам присущ широкий диапазон чувств от оптимистического до трагического, что характерно для поляризации эмоциональных переживаний человека XX в.

Сравнение эмоционально-образного строя романсов Д.Б. Кабалевского и оригинальных текстов сонетов У. Шекспира позволяет выявить ряд противоречий. Лирический герой романсов Д.Б. Кабалевского, также как и герой русского романса, горячо переживает чувство и непосредственно его выражает. Герою сонетов в большей степени свойственны философские размышления. Его слова, обращенные к читателю, содержат вопросы, иногда риторические. Например, в сонете № 109, положенным на музыку Р.М. Яхиным, С.Я. Маршак уловил интонацию вопроса, присутствующую в эмоциональном подтексте и поставил соответствующий знак препинания, хотя его нет в оригинальном тексте.

Романсы Д.Б. Кабалевского представляют образцы драматической лирики, ярко окрашенной субъективными переживаниями героя. Сонеты же У. Шекспира отличаются холодной рассудительностью,

философским восприятием действительности. Сопоставление музыки и поэтического первоисточника обнаруживает присутствие коллизийности, т.е. скрытых противоречий, и направляет мысль на критическое переосмысление содержания литературно-музыкальных текстов.

Романс Р.М. Яхина представляет интерпретацию сонета У. Шекспира № 109 в контексте национальных традиций татарского вокально-песенного искусства. Интонационная структура романса гибко следует за мелодикой поэтической речи, при этом обогащая ее национальными оборотами, в том числе основанными на пентатонике. Можно заметить, что татарской музыкальной культуре в целом свойственны такие качества как проникновенный лиризм, тонкая передача чувства, богатство эмоциональных оттенков переживания.

Национальный колорит вносит новые краски в шекспировский текст. На первый план выходят сильные переживания героя о возлюбленной, чувство раскаяния. Художественный образ в целом отличается непосредственностью, искренностью выражения чувства, мечта о будущем счастье окрашивает романс в светлые тона. Естественность эмоционального высказывания подтверждает подробная передача как синтаксическими, так и музыкальными средствами речевых интонаций.

Романс Р.М. Яхина в сравнении с оригинальным поэтическим текстом У. Шекспира представляет иную интерпретацию образа, в ней ярко проявлены противоречия. Можно заметить, что в контексте придворно-галантных традиций XVI в., непосредственное выражение естественных эмоций было недопустимым. В то же время, сопоставление с историческими традициями русского романса Д.Б. Кабалевского, а также русской камерно-вокальной культуры XIX в., романс Р.М. Яхина также представляет иную трактовку жанра, обусловленную национальными особенностями. В сравнении с оригинальным текстом, образ открывает особую хрупкость, ранимость, уязвимость человеческой души.

Эстетическое восприятие художественных образов ориентировано на выявление скрытых противоречий, определение их места в системе личностных жизненных смыслов, сравнение и критичная оценка при сопоставлении культурных контекстов обнаруживают уникальность и неповторимость произведений искусства для каждого воспринимающего сознания. Таким образом, метод диалога культур может способствовать активизации личностных функций критики,

коллизии, смыслотворчества и развитию на их основе культуры мышления, проявляющейся как способность к преобразованию эстетических знаний и представлений в процессе эстетического восприятия. Высокий уровень культуры человека, освоенной как лично значимая ценность в процессе творческого самосозидания, характеризует его «способность к непрерывному самообразованию ... саморазвитию»¹, а также эстетическому самовоспитанию и творческой самореализации.

В.Е. Козлов, Т.А. Титова

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)²**

В последнее время в общественно-политическом и научном дискурсе остро обсуждается проблема места и роли русских и русской культуры в российском обществе. Это связано с парадоксальной ситуацией, сложившейся за постсоветские десятилетия, особенностью которой является отсутствие легитимной юридическо-правовой базы для этнокультурного самоопределения титульной этнической группы государства. Причины подобной коллизии обусловлены, в первую очередь, политикой компромиссов федерального центра в первые годы после распада Советского Союза в отношениях с руководством национально-территориальных образований с целью обеспечения баланса интересов политических элит. В результате «русский вопрос» не занял в первое десятилетие самостоятельного существования Российской Федерации сколь-нибудь значимого места в общественно-политической повестке на общегосударственном уровне. При этом в общественной жизни институализация «русского вопроса» приняла во многом маргинализированные формы, оставаясь для титульного большинства на протяжении всех 90-х годов вторичной по отношению

¹ Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. Кн. 1. Казань, 1996. С.83.

² При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02 марта 2011 года №127-рп.

к социально-экономической проблематике. В результате проводимой внутренней политики - легитимизация суверенитетов национально-территориальных образований де-юре и де-факто привела к формированию новой этнополитической реальности, в которой титульные этнические группы в республиках РФ становились нациеобразующими, а русские приобретали все признаки группы этнического меньшинства, даже там, где численно превосходили титульные этнические группы, например, Саха – Якутия и Башкортостан.

Несмотря на утерю статуса ведущей этнической группы русские, проживающие в национальных республиках, демонстрировали отсутствие широкой социальной базы для «негативной консолидации» в отношении титульной этнической группы. Все это позволило сформировать и транслировать в общественное сознание населения республики идею о «пришлом» и навязанном характере русской культуры в крае и ее колонизаторском характере. При значительной сегментации и регионализации образовательного пространства подобные мифологемы активно транслировались даже в учебных заведениях среднего и высшего образования. В первое десятилетие XXI в. вектор взаимодействия федерального центра и национальных республик постепенно менялся, приобретая все более симметричный и унифицированный характер. При этом внимание руководства страны было сосредоточено на демонстрации внешней лояльности со стороны республиканских элит и перераспределении экономических ресурсов, не затрагивая реальную сферу межэтнических отношений и национальной политики, которая по-прежнему формировалась политическим истеблишментом титульных этнических групп. Таким образом, к настоящему времени в среде русского населения Республике Татарстан сформировался определенный протестный фон, который в последние месяцы прорывался и в местное медиапространство, даже при сохранении активной информационной политики «фетишизации» темы стабильности со стороны республиканской власти. Все выше сказанное позволяет рассматривать как весьма актуальную проблему этнокультурных потребностей в среде русского населения Татарстана.

Основной целью проведенного исследования являлся комплексный анализ этнокультурных потребностей русского населения Татарстана как важной части общереспубликанского сообщества. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие научно-исследовательские задачи:

- определение символического и содержательного наполнения понятия этнокультурные потребности, а также определение степени их актуализированности применительно к русским Татарстана;
- структуризация совокупности выделенных элементов этнической культуры с точки зрения их актуализированности для носителей;
- анализ особенностей репрезентации этнокультурных потребностей русского населения в республиканском информационном пространстве.

Объектом исследования выступала этническая группа русские, проживающие в территориальных границах Республики Татарстан. Предметом исследования являлась совокупность культурных характеристик, актуализированных в группе русские Татарстана.

В качестве базового подхода для исследования проблемы авторы использовали полипарадигмальный подход, дополненный отдельными положениями теории о культурных границах (Ф.Барта) и социального конструирования реальности (П.Бергера и Т.Лукмана). В последние годы в отечественной социологии достаточно распространенным является построение исследовательской программы на сочетании количественных и качественных методов. В настоящем исследовании были использованы такие как: массовое полуструктуризованное интервьюирование, метод фокус-групп, а также качественно-количественный метод контент-анализа материалов СМИ.

Исследование проводилось с применением метода массового полуструктуризованного интервьюирования на основе данных Всероссийской переписи населения 2002 г.¹ Выборочная совокупность составила 1500 человек, что составляет 0,001% от общего количества русских, проживающих в Татарстане. Из них количество опрошенных респондентов горожан составило 1300 человек (0,01% от общей совокупности русских горожан) и респондентов сельчан 200 человек (0,01% от общей совокупности русских сельчан). Отбор городских населенных пунктов проводился по следующим критериям: столичный город (Казань), крупный промышленный город с населением свыше 500 тысяч человек (Набережные Челны), 2 средних города с населением до 100 тысяч человек и выше, расположенные в различных районах республики (Зеленодольск, Альметьевск) и три малых города с населением до 50 тысяч человек и выше, расположенные в

¹ <http://www.tatstat.ru>

различных районах республики (Лаишево, Арск, Чистополь). Отбор сельских населенных пунктов был осуществлен в соответствии со сложившемся в отечественной науке районированием территориальных групп русского сельского населения Татарстана: территориальные группы, сформировавшиеся в ходе первой волны заселения русскими края – вторая половина XVI – начало XVII вв. – Лаишевский и Пестречинский районы; вторая волна заселения – Арский район – XVII – начало XVIII вв. и третья волна переселения – XVIII – начало XIX вв. – Альметьевский район. При этом, доля мужчин от 16 лет и старше среди сельского населения составляет 47,2%, доля женщин 52,8%. Таким образом, указанная выборочная совокупность, с точки зрения авторов, является достаточно репрезентативной – для решения поставленных исследовательских задач.

Для понимания и детализации возможных причин и последствий, выявленных в ходе массового опроса тенденций, было проведено 8 фокус-групп с представителями русской городской молодежи.

Наконец, для характеристики общего информационного фона, сложившегося в республиканском медиа пространстве и отражающего внутренние и внешние факторы жизнедеятельности этнической группы русские в республиканском сообществе, был проведен контент-анализ ряда печатных и электронных СМИ, представляющих различный идеологический спектр.

Совокупность использованных в ходе исследования методов позволила, по мнению авторов, получить достаточно данных для осуществления всестороннего анализа по заявленной выше проблематике.

В качестве рабочих гипотез исследования были сформулированы следующие: 1) этнокультурные потребности русского населения республики имеют тенденцию к расширению при невозможности их полноценной реализации; 2) неудовлетворенность, институализированных в групповом сознании этнокультурных потребностей может канализоваться в различных социальных группах русского населения республики в латентное и открытое недовольство.

Приступая к анализу проблемы этнокультурных потребностей русского населения Татарстана, необходимо предварительно определить содержательное наполнение самого понятия этнокультурные потребности, а также смысловые границы его использования применительно к настоящему исследованию. Относительно первого, авторы исходили из существующих определений двух производных понятий –

этническая культура и потребность, трактуя их следующим образом: этническая культура- совокупность культурных элементов и структур, обладающих ярко выраженными отличительными этническими чертами и этнодифференцирующими функциями¹. Потребность – внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо, проявляется в зависимости от ситуационных факторов². Касаясь смысловых границ понятия в конкретном исследовании авторы, руководствовались подходом, сформулированным известным норвежским исследователем Ф.Бартом и заключающемся в том, что «учитываемые признаки не представляют собой сумму «объективных различий», но только набор тех различий, которые сами люди считают значимыми»³. В нашем случае, это означает включение в феноменологию понятия русская культура и тех явлений, которые формально имеют иную сущностную основу, например, религиозная идентичность. Применительно к Татарстану, где этнические границы в значительной степени накладываются на конфессиональные – это предполагает, в том числе, что религиозная идентификация с высокой долей вероятности, будет являться для большинства представителей референтной группы неотъемлемой частью общекультурной, что подтверждалось и более ранними исследованиями.

Определение содержательного наполнения понятия этническая культура русских проводилось на основе изучения материалов фокус-групп, поскольку именно этот метод исследования, по мнению авторов, позволяет сформировать общую картину бытующих на этот счет представлений в среде изучаемой группы, выраженную в формате свободных и аргументированных мнений. Анализ имеющихся материалов показал наличие следующих обобщенных интерпретаций понятия этническая культура русских: «Русская культура сегодня – это, прежде всего, культура русского языка. У нас в кокошниках никто не ходит, традиционные праздники сохранились только религиозные» (Елена, 27 лет); «... русская культура в обществе воспринимается как синоним «российская культура», т.е. то, что идет из Москвы, частично из Петербурга. И русская культура она как бы делится на две состав-

¹ Садохин А.П. Этнология: учебный словарь. М., 2002. С.70.

² www.wikipedia.org

³ Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф.Барта. М., 2006. С.15-16.

ляющие: язык, Достоевский, Гоголь, Пушкин, а с другой стороны – русская культура – это культура села: песни, танцы, хороводы, обычаи, обряды» (Ольга, 30 лет); «... русская культура, прежде всего, это культура городская, в противовес татарской культуре, которая базируется на представлении культуры сельской» (Ричард, 28 лет).

Исходя из представленных позиций, можно отметить такие характерные черты понимания русской культуры русскими Татарстана как её синкретичность в отношении к общероссийской культурной среде и выраженный артикуляционный де-материализованный характер в современном русском сообществе республики. При этом относительно локализации этоса русской культуры Татарстана имеются две различающиеся позиции: первая – русская культура, прежде всего городская культура, и вторая – сохранение того, что может считаться собственно русской культурой связано в первую очередь с сельской средой. Таким образом, можно говорить о том, что местная русская культура для самих русских ассоциируется с повседневной средой, основанной на использовании русского языка и включающей в себя некоторые, условно – традиционные маркеры ритуального и фольклорного характера. Это, подтверждается и тем фактом, что многие участники фокус-групп испытывали затруднения с определением содержания понятия русская культура, что на наш взгляд также свидетельствует о её в первую очередь, символической функции для русских в современном Татарстане. В продолжении темы о русской культуре участникам фокус-групп было предложено оценить её роль в истории и современной жизни республики.

Из прозвучавших мнений достаточно характерными были следующие: «Мне кажется, русскую культуру её навязывают, может быть, она даже давит какие-то маленькие национальные культуры, ну это, по-моему, естественно, когда господствующий слой населения навязывает, определяет пути культурного развития» (Захар, 20 лет); «Что касается нашей республики, то с точки зрения народа русская культура является доминирующей, но с точки зрения политики доминирующей больше является, конечно, татарская культура» (Юрий, 25 лет); «В наше время: как русские, так и татары, грубо говоря, находятся на одном уровне. Наш татарстанский менталитет особой разницы между ними не видит» (Екатерина, 22 года). В представленных позициях, несмотря на явное наличие различных точек зрения на ту роль, которую играет русская культура в татарстанском сообществе, имеет-

ся и некий общий знаменатель, более выраженный во втором из трех указанных высказываний, но контекстуально – пусть и не столь явно, присутствующий и в двух других тоже. Он касается выделения двух плоскостей существования русской культуры – повседневной или реальной и концептуальной или политической. В первой – русская культура достаточно естественно присутствует в крае и тесным образом взаимодействует с другими культурами, в первую очередь татарской, оставаясь при этом доминантной. В концептуальной же плоскости она выступает как конкурент, и даже оппонент для татарской культуры, которая так и не смогла за прошедшее двадцатилетие преобразовать дарованный Конституцией РТ статус ведущей в Татарстане из декларативного в реальный.

Именно в концептуальной плоскости формируется конфликтный потенциал, который до последнего времени носил в основном латентный характер. Как нам видится, вероятность его перехода в открытую фазу – как это отчасти было в начале 1990-х гг., пока еще не столь значительна. И связано это с рядом обстоятельств – во-первых, длительной традицией совместного бесконфликтного проживания народов края и тесными социально-экономическими и даже родственными связями между ними (более 20% заключаемых браков в РТ, начиная с начала 1980-х гг. и до настоящего времени, являются межэтническими)¹, то есть существует уже несколько поколений этнически смешанных семей, составляющих с учетом детей, родившихся в них значительную часть населения республики. А, во-вторых, и это возможно, даже более важно, отсутствием институализированного контр-агента у апологетов татарского культурного концепта в лице политического руководства республики, а также патронимируемых ими представителей титульной научной и творческой интеллигенции. Это является следствием сложившейся за постсоветский период ситуации, при которой русская часть населения не обрела инкорпорированную во властную вертикаль республики элиту, способную и желающую представлять местную русскую культурную компоненту. Единичные примеры успешной самореализации в сфере государственного управления и общественно-политической деятельности представителями русской национальности были во многом следствием их demonstra-

¹ Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань, 2004. С.239.

тивной безэтничности. И даже при высоком уровне лояльности со стороны этих персон к республиканской власти, их дальнейшая карьера с неявного одобрения титульного истеблишмента имела продолжение в виде переезда из Республики с формально логичной мотивацией – для дальнейшего карьерного роста.

Примерами такой политики стала карьера О.В.Морозова, В.Н.Лихачева, И.Д.Грачева и последний яркий пример – ситуация с министром связи и информатизации РТ, а теперь РФ Н.А. Никифоровым. При такой политике, самостоятельная институализация политического концепта русской культуры сверху – в Татарстане практически не возможна, что как ни парадоксально, не позволяет сформироваться и структурированному конфликтному полю в республиканском культурном пространстве. Но это не означает, что конфигурация этнокультурного конфликта не может произойти снизу, в результате разнонаправленных деструктивных процессов. На пример, в настоящее время отмечается альянс татарских националистов с религиозными радикалами на основе общности идеологии неприятия российского государства (в понимании первых – русского, вторых – кяфирского, т.е. неисламского, а значит нелегитимного), что может резко обострить и межэтнические противоречия. В этой связи интересно изучить особенности структуры идентичностей русского населения, что может также позволить оценить риски возникновения межэтнического напряжения. В данном случае нами использовались результаты массового опроса, в частности, ответы респондентов на следующие вопросы, представленные в таблицах 1 и 2:

Таблица 1. Для некоторых людей важно ощущать себя представителем какого-либо народа. Насколько важно для Вас ощущать себя русским?

Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Мне это совсем не важно	Я не принципиально считаю это важной частью своей жизни	что-то другое
26,4%	42,5%	14,4%	9,0%	7,4%	0,3%

Таблица 2. В чём Вы ощущаете наибольшую потребность?

В исторических связях со своей малой родиной	В культурном единстве с людьми своей национальности	В свободном использовании родного языка	В религиозном единстве с людьми одной веры	В единстве с жителями своей республики	В единстве с гражданами России	В чем-то другим	Затрудняюсь ответить
10,7%	19,5%	14,2%	3,7%	14,1%	14,7%	0,9%	5,9%

Анализ приведенных в таблице 1 данных показывает, что этническая идентичность, декларируемая респондентами, достаточно актуализирована в их среде. Так, для 68,9% она выступает в качестве важной составляющей их жизни. Если же сопоставить результаты данного вопроса с результатами, приведенными в таблице 2, проранжировав вторые, то мы увидим, что этническая идентичность в большинстве случаев основывается на потребности в культурной идентичности, а также языковой. Вызывают интерес и показатели, отражающие такие виды идентичностей как гражданская и религиозная. Очевидно, что именно первая в виде региональной и общероссийской (14,1% и 14,7% соответственно) значительно более актуализирована среди русского населения чем, религиозная (3,7%). Это при том, что 70,7% респондентов в той или иной степени отнесли себя к верующим, из них 69,3% к православным. Мы полагаем, что противоречия в приведенных данных нет, определяющим же оказывается почти полное совпадение уровня декларируемой актуализированной этнической идентичности и религиозности в форме православия (68,9% и 69,3% соответственно). По нашему мнению, это является следствием укоренного в сознании большинства представителей русского насе-

ния идентифицирующего стереотипа русский- значит православный, в которой религиозный компонент, как мы отмечали выше, инкорпори- рован до степени слияния в этнокультурный. Продемонстрированная низкая потребность в собственно религиозной идентичности связана с интерпретацией её респондентами, в первую очередь, как уровня во- церковленности, который у большинства изучаемых русских незначи- телен, например, отметили, что соблюдают все обряды лишь 7,6% респондентов.

Для более точного понимания сложившейся ситуации мы сравнили ответы респондентов по рассматриваемым выше вопросам с точки зрения их социальных и демографических характеристик, что могло помочь определить степень и характер влияния на общий эт- нокультурный фон тех или иных социальных факторов. Проведенный сравнительно сопоставительный анализ в выделенных группах, рас- пределенных по категориям: пол, возраст, место проживания (город- село) и уровень образования - показал, что отмеченные выше тенден- ции- имеют обще групповой характер. Выявленные корреляции меж- ду социальными характеристиками респондентов и занятыми ими по- зициями по отдельным пунктам вопросов - в целом не носили систем- ный характер и, по мнению авторов, не влияли на общую картину. В частности, женщины продемонстрировали более высокий уровень декларируемой религиозности - 79,4% и 62,4% у мужчин (к этой ка- тегории нами отнесены совокупно респонденты, выбравшие варианты ответов - «я верующий и соблюдаю все обряды», а также «я верую- щий, но соблюдаю не все обряды»). В свою очередь, мужчины, чаще выбирали вариант - «не интересуюсь этими вопросами»- 12,9% про- тив- 5,4% у женщин. Кроме того, женщины продемонстрировали не- сколько большую, чем мужчины потребность в свободном использо- вании родного языка-16,2% и 11,8% соответственно. По всем осталь- ным пунктам рассматриваемых вопросов распределения в обеих груп- пах носили сопоставимый характер и не выходили за рамки статисти- ческой погрешности.

Указанные выше различия могут быть объяснены гендерными особенностями социальной активности представителей обеих групп в конкретных сферах жизнедеятельности. В частности, большая в срав- нении с мужчинами степень декларируемой религиозности среди рус- ских женщин отмечалась и по результатам других исследований. А более высокую актуализированность языковой сферы в группе жен-

щины – мы связываем с их традиционно большей включенностью в образовательную деятельность детей. Наше предположение подтверждается и результатами ответов респондентов на вопрос: «Устраивает ли вас качество преподавания русского языка в школе?» – 30,5% респондентов женщин выразили свое неудовлетворение этим качеством, в то время как среди мужчин таковых оказалось 22,7%.

Возрастной критерий также не оказал принципиального влияния на ответы респондентов по рассматриваемым вопросам. Лишь в двух случаях были отмечены достаточно явные различия в занимаемых позициях между людьми пенсионного и трудоспособного возраста: в вопросе об уровне религиозности-воцерковленности, 12,8% пенсионеров выбрали вариант «я верующий и соблюдаю все обряды», в то время как в группе трудоспособные лишь 4,2%. А в вопросе об уровне этнической идентичности, напротив 15,2% респондентов трудоспособного возраста отметили, что для них - «скорее не важно» ощущать себя русским, среди респондентов пенсионного возраста таковых оказалось лишь 7,6%. При этом во всех остальных пунктах рассматриваемых вопросов возрастные различия не нашли значимого отражения и респонденты демонстрировали высокую согласованность, занимаемых позиций. Указанные различия в обоих случаях выглядят вполне объяснимыми с точки зрения различий жизненных ориентиров в данных возрастных когортах.

В группах жители села и жители городов первые продемонстрировали более высокий, чем горожане уровень декларируемой религиозности - 80% и 70,7% соответственно. А у горожан оказалась более актуализированной проблема свободного использования родного языка – 15,4% против 6,5% у сельчан. Первое различие достаточно традиционно и даже естественно, в силу того факта, что в советский период значительная часть действующих культовых сооружений сохранялась в сельской местности, где население испытывало меньшее административное давление на сферу религиозной практики в сравнении с городской средой. И языковая среда в сельской местности в регионе отличалась большим, чем в городах языковым разнообразием и билингвизмом со стороны русского населения, что при изменении языковой политики в постсоветском Татарстане оказало и меньший травмирующий эффект для самосознания индивидов.

Наконец, уровень образования респондентов лишь в одном случае имел четко выраженную зависимость с занимаемой позицией

– в вопросе о степени актуализированности этнической идентичности и имел характер обратной зависимости с уровнем образования. Так, с повышением уровня полученного респондентом образования в варианте ответа «очень важно» ощущать себя русским степень такой ассоциированности, напротив, снижалась, количественно это выглядело следующим образом:

Таблица 3. Для некоторых людей важно ощущать себя представителем какого-либо народа. Насколько важно для Вас ощущать себя русским?

	Уровень образования			
	Начальное, неоконченное среднее	Среднее	Средне-специальное, среднее техническое	Незаконченное высшее, высшее
Очень важно	38,9%	31,7%	27,8%	23,1%

Несмотря на приведенные примеры отдельных выявленных различий у представителей рассматриваемых групп, подчеркнем, что абсолютное большинство полученных ответов отражали схожесть занимаемых ими позиций. Таким образом, можно говорить о высоком уровне внутриэтнической консолидации по этнокультурной проблематике.

При наличии такого внутриэтнического фона важную роль могут играть внешние факторы, например, информационное поле, формируемое по отдельным проблемам. В данном исследовании анализ информационной среды вокруг «русской тематики» в Татарстане проводился с использованием метода контент-анализа материалов некоторых печатных и электронных СМИ. В фокусе исследовательского интереса оказались издания и публикации, отражавшие различный спектр мнений, которые можно условно разделить на официальные и независимые. К первым авторы отнесли такие издания, как газета «Республика Татарстан», электронные издания – Татар-информ, Татцентр и полуофициальная ПроКазань, к независимым изданиям – газеты «Вечерняя Казань» и «Звезда Поволжья», а также электронные

издания – Регнум, Бизнес-онлайн и ПроКазань. Спектр независимых изданий был достаточно широк и отражал такие идеологические позиции как либерализм («Вечерняя Казань», Бизнес-онлайн), державничество (Регнум), титульный этнонационализм («Звезда Поволжья») и наконец, развлекательно-информационный (ПроКазань). Обобщенные результаты анализа публикаций указанных изданий за период 12 месяцев – с апреля 2011г. по март 2012, представлен в следующей таблице:

Таблица 4. Сводная таблица публикаций по «русской тематике»

	Положительные	Нейтральные	Отрицательные	Проблемные	Всего
Публикации, касающиеся русской культуры	20	34	2	6	62
	32,2%	54,8%	3,2%	9,8%	13,5%
Публикации о русском языке	2	53	5	28	88
	2,3%	60,2%	5,7%	31,8%	19,2%
Общественные объединения русских и их деятельность	4	19	4	3	30
	13,3%	63,4%	13,3%	10%	6,5%
Публикации о деятельности Казанской епархии	40	130	3	11	184
	21,7%	70,6%	1,7%	6%	40,1%
Другое	5	36	14	40	95
	5,3%	37,9%	14,7%	42,1%	20,7%
Итого	71	272	28	88	459
	15,5%	59,3%	6,1%	19,1%	100%

Приведенные выше данные показывают, что наибольшую долю от общего количества публикаций составляли материалы, посвященные деятельности Казанской епархии- 40,1%, при этом носившие нейтрально-информирующий характер-70,6%. Далее по степени представленности в информационном пространстве следовали темы, объединенные авторами в категорию «другое»- 20,7% и о русском языке-19,2% соответственно. В отличие от публикаций о религиозной жизни в республике доля проблематизирующих публикаций в данных рубриках была заметно выше и составляла 42,1% и 31,8%, что отражает, по нашему мнению, наличие разнонаправленных идеологем, представленных в республиканском информационном пространстве по указанным проблемам. И если с языковой проблематикой все достаточно очевидно, то содержательный анализ публикаций из категории «другое» показал, что проблематизация касалась в первую очередь таких тем, как межэтнические отношения русских и татар, национальная политика федеральных властей, ассоциированная с русской культурой в республике и ее возможные последствия для титульной этнической общности.

Менее представленными в информационной палитре оказались публикации о русской культуре и наконец, самую незначительную долю заняла тема о деятельности общественных объединений русских. Для более точного понимания структуры информационного поля, необходимо отдельно рассмотреть позиции, представленные всеми охваченными изданиями. Такой анализ показал, что в трех изданиях, которые мы условно отнесли к официальным (Республика Татарстан, Татар-информ, Татцентр) – тональность в репрезентации русской тематики носила в целом нейтральный характер. Преобладали публикации о деятельности Казанской епархии, имевшие положительную или нейтральную интенцию. В этой категории изданий второе место в общем объеме публикаций по «русской тематике» занимали публикации о русской культуре, далее следовала языковая тема. Абсолютное большинство статей и в этом случае имели нейтральную или положительную интенцию – у всех трех указанных изданий в совокупности до 100% публикаций. Значительно уступали первым трем темам по степени представленности публикации о деятельности общественных объединений русских и отнесенные к категории «другое». Если отталкиваться от допущения о том, что указанные издания выражают позицию республиканских властей по описанной пробле-

матике, то очевидно, что основной стратегией репрезентации русской тематики в официальном информационном пространстве является выхолащивание потенциально конфликтогенной проблематики и формирующий акцент в подаче материала.

В категории независимых изданий информационная среда выглядела значительно менее однородной. Например, в издании, отнесенном авторами к либерально-демократическим - газете «Вечерняя Казань» при схожих с официальными ресурсами тематических приоритетах- публикациях о деятельности Казанской епархии и языковой ситуации, последняя была значительно более проблематизирована – доля публикаций с такой интенцией составила 66,7% от общего числа в данной рубрике. Стоит отметить, что второе издание, из категории либеральных – интернет-ресурс Бизнес-онлайн, продемонстрировал, в отличие, от «Вечерней Казани» невысокий уровень интереса к «русской тематике» и из всех выделенных проблем, на страницах данного источника присутствовали лишь материалы о деятельности Казанской Епархии и русском языке, причем в обоих случаях доминировал нейтрально-информационный подход. Напротив, высокую проблематизирующую направленность имели публикации, представленные на интернет-портале Регнум, отнесенном авторами к державно- патриотическим, причем лидером по общему количеству материалов стала обобщенная рубрика- «другое», где доля подобных публикаций составила 71,4%. Содержание большинства публикаций этой рубрики было посвящено темам этнонационализма и сепаратизма в Татарстане и негативным последствиям данных явлений как для русского населения республики, так и для России в целом.

Такая же проблематизирующая интенция преобладала и среди публикаций о русском языке и русской культуре, достигая 48,1% и 58,3% в общем количестве публикаций этих рубрик соответственно. И даже в рубрике о деятельности Казанской епархии на данном ресурсе имела место проблематизация тематики, составив 12,5% в общем количестве публикаций по данной теме. Примечательно, что на страницах издания, отражающего противоположные идеологические позиции и отстаивающего ценности этнонационального движения – газете «Звезда Поволжья» по степени представленности также преобладали публикации из рубрики «другое», достигнув 61,2% от общего количества. Превалировала и проблематизирующая интенция, составив 48,3% от количества публикаций в данной рубрике. Но если со-

держательно публикации имели много схожего с материалами интернет-портала Регнум, то в отношении к описываемым явлениям они кардинально отличались, резко отрицательно оценивая попытки федерального центра унифицировать процессы в политическом и образовательном пространстве, оценивая их в категориях новой имперской политики и великодержавного шовинизма. Наконец, полуофициальное издание развлекательной направленности ПроКазань, продемонстрировало в целом невысокий интерес к «русской тематике», что отразилось в общем небольшом количестве публикаций. При этом языковая проблематика получила на страницах издания наибольшую представленность из всех выделенных рубрик, имея высокую степень проблематизированности – 40% от количества публикаций. Подводя итог, особенностям информационного поля по «русской тематике», сложившегося в республиканском медиа пространстве можно отметить его высоко регулируемый характер. А с учетом того, что единственный из рассматриваемых критически настроенный к республиканской политике по обобщенной «русской тематике» ресурс Регнум является общероссийским, пусть и уделяющим значительное внимание к событиям в Татарстане, вкупе с присутствием в республиканской медиа среде этнонационалистической «Звезды Поволжья», можно констатировать смещение общего вектора республиканской информационной политики в сторону снижения актуализированности этнокультурной проблематики русского населения в информационном пространстве. Не случайны, поэтому полученные результаты, отражающие уровень узнаваемости и информированности людей о деятельности русских общественных организаций, которые продемонстрировали респонденты в ходе исследования – лишь 5,9% из числа опрошенных знают о деятельности таких организаций, при этом 29,2% отметили, что не знают, но хотели бы узнать о них по-больше.

Таким образом, подводя итог рассмотрению проблемы этнокультурных потребностей современного русского населения Республики Татарстан можно отметить следующие ее особенности: во-первых, само понятие русская культура для основной части представителей этнической группы русские носит символический характер, наполненный ежедневными житейскими практиками, основанными на системообразующей роли русского языка. Во-вторых, низкий уровень неудовлетворенности реализацией своих этнокультурных потребностей среди русских, сочетается с высокой степенью внутриэтнической

консолидации в уровне их актуализации. И, наконец, важную роль в конфигурации этнокультурной проблематики играет целенаправленная политика, в особенности, информационная, проводимая последние два десятилетия в республике в отношении русского населения.

О.Н. Коршунова, А. Андреев

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В ЭРУ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Переходность эпохи как явление истории не является приметой исключительно нашего времени. Рефлексия на эту тему была в фокусе внимания еще в начале XX века. Таким моментам истории присущи настроения, психологические ощущения междувременья, апакалиптичности, ощущение разрыва с прежним. На деле для начала XX века метаморфоза состояла в вытеснении старого архетипа новым. Разумеется, прошлое столетие отличалось не просто повышенным динамизмом и не перманентным состоянием переходности, что характерно для всей истории в целом. Происходил беспрецедентный разрыв, исключительное нарушение преемственности, переоценка всех ценностей¹.

Нынешний тип эпохальной транзитности обрел еще более радикальный характер, всестороннее осмысление которого – дело будущего. Современное человечество вступает в новую эру, приобретая – для значительной части человечества – контуры информационного общества. Глобальное взаимодействие охватывает финансово-экономическую, политическую, культурно-образовательную и научную сферы. Наряду с необъятными возможностями коммуникативной революции это порождает угрозы, причем не только биосферного порядка. Возникают опасности, чреватые деструктивными процессами и внутри мирового сообщества – прежде всего опасности языковому, ментальному, конфессиональному многообразию человечества.

Развитие информационных технологий способствовало объединению человечества в единое информационное пространство. При этом информатизация не тождественна компьютерной революции, поскольку информационная культура начала формироваться еще в Древней Греции по мере разрушения кастового строя. Именно тогда

¹ Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса.-М.,2002.-С.5,13

знания стали открытыми и начинает формироваться универсальная культура¹.

Гипертекстовые технологии обеспечили симбиоз алфавитного, аудио- и визуального восприятия...чтобы через СМИ на человечество обрушились дешевые развлекательные шоу, насилие, порнография. Логика целостного чувственно-образного восприятия обрушивается по мере снижения значения слова. Информационное общество стало не высокоинтеллектуальным, а примитивно-массовым обществом с преобладанием одномерного потребительского человека. О масштабах угроз свидетельствует факт, что тенденцию культурной деградации отмечают не только культурологи, но и специалисты по геополитике.²

Информационный взрыв-это не просто упрощение коммуникаций, их интенсификация и чрезвычайное разнообразие. Он означает перемены в соотношении объемов информации и возможностей их обработки, осмысления, упорядочения. Компьютеризация жизни вносит коррективы в духовно-нравственные ориентиры, соотношение личности и социума смещается в направлении дистанционности. Роль средств массовой информации достигла качественно иных параметров. Конструирование правил и ценностных начал жизни чревато опасностью в недалеком будущем войти в стадию неуправляемости.

Технологии формирования сознания позволяют, прибегая к методу логических построений, любой тезис, обосновать все, что угодно. В абсолютизации осознанного индивидуального восприятия мира спрессованные в общественную идеологию и культуру убеждения и инстинкты общества становятся стабилизирующим фактором, поддерживающим его адекватность. Культура как совокупность систем ценностей, стереотипов мышления и поведения становится сти-

¹ Абросимова И.А. Информационная культура в перспективах глобализации.// Современная парадигма социально-гуманитарного знания.-Саратов,2004-С.58

² Василенко И.А. Геополитика: Уч. Пособие.-М.,2003.-С.6

хийным¹ и потому важнейшим в условиях информационной революции механизмом поддержания общественной адекватности².

Устранение из сознания стабилизирующего блока традиций резко повышает уязвимость к манипуляции. «Отключение» в этой связи более систематизированного и «рационального» знания- исторической памяти повышает риски не только забвения, но и сбоев механизмов социального функционирования. В исторической памяти заложены сведения и символы, которые соединяют людей в общество и обеспечивают наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения. В периоды общественных кризисов разрушение исторической памяти, по мнению С.Кара -Мурзы, выполняется как целенаправленная программа политических сил³.

Способом сохранения традиций вступает исторический образ. Исторические образы складываются и корректируются субъектом - носителем индивидуальной исторической памяти на основе полученных знаний, впечатлений, сформировавших в режиме общения с культурной информацией. В результате образ исторического события, персоналии, явления выступает «оторванным» от реального времени их совершения или бытования. В форме образов функционирует и историческая память.

Багаж ее формируется в режиме, который можно назвать релятивистским не только по причине несовпадения исторических явлений и их образов. Дело в том, историческая память включает в себя не только аспект информационный, но и оценочно-содержательный. Героизация, романтизация, мумификация, остракизм образов прошлого - будь то персоналии или события- так или иначе присутствуют в восприятии минувшего.

По этой причине историческая память связана с мифологизацией, подвержена влиянию идеологии и технологий манипуляции сознанием. Именно последний регулятор исторической памяти, то есть технологии образования, формирования культурных потребно-

¹ Термин стихийности в данном контексте условен: составляющие культуры- язык, историческая память, нравы и обычаи, наука, экономика, техника, развиваются под воздействием определенных стратегий формирования сознания

² Делягин М. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис.,2008.- С.64-65

³ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием.-М.,2007.- С.511

стей и ценностей через СМИ, обретает в эру глобализации и информационной революции доминирующее значение.

Историческое сознание является одним из структурообразующих компонентов общественного сознания. «Именно в сфере общественного сознания особенно рельефно обнаруживается социально-воспитательная функция исторической науки, реализуется ее мировоззренческий потенциал, познавательная и практическая ценность». В свою очередь, через стереотипы общественного сознания осуществляется воздействие социокультурного контекста на историческое знание.¹

Присутствие социокультурных механизмов означает, что востребованным и актуальным дискурсом остается различение культурных полюсов Запада и Востока. Ныне как никогда представляется актуальной реабилитация восточных принципов жизнестроения. Почва, кровь, вера-сакральные принципы, озвученные вновь в восточных культурах, обращающихся к своим истокам. По свидетельству А.С.Панарина, современный мир является свидетелем предельного истощения западнического цивилизационного принципа. Технократическая цивилизация неспособна продублировать природную среду, заменив ее искусственной, ноосферной. Ослабление идущих от Востока импульсов грозит вселенским торжеством одномерного массового общества².

Так, мусульманская культура, побеждая в борьбе с местными верованиями огромного пространства, одновременно в целом показала высокую способность к ассимиляции и синтезу инокультурных влияний. В результате она выступает важнейшим связующим звеном между античной эпохой Возрождения на Западе, поскольку европейцы широко использовали накопленные мусульманами знания в развитии своей цивилизации³.

¹ Репина Л.П. Знания о прошлом и историческая культура.// Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. научных статей и сообщений-Казань,2005.-С.302-303.

² Панарин А.С. Восток-Запад: циклы большой истории.//Новая Россия.1998.№1.С.69-70

³ Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства.М.,1999.-С.115.

Судьба исторической памяти, сопряженной с осмыслением традиций, культурных кодов прошлого в современном мире драматична. Разрыв и ослабление поколенческих связей, преемственности системы ценностей, стандартизация образа жизни – реальные угрозы сегодняшнего дня. Но эра глобализации, подобно другим переходным эпохам, противоречива, и порождает не только пессимизм. Возможна ли интеграция традиций и постмодернистских реалий, сохранение необходимой для выживания человечества связи с временами минувшими, в том числе через историческую память.

Успешный пример интеграции монархии в современный мир демонстрирует пример празднования 60 –летия восшествия на престол Елизаветы II. Сплав современности и консервативности, воспринимающийся как приверженность традициям, породил уникально-экзотичный феномен – «современную британскую монархию». Именно с Елизаветы началась «диснеификация» британской монархии, соответствующая чаяниям эпохи телевидения, массмедиа, интернета. Несмотря на споры о пользе и вреде монархии опросы общественного мнения свидетельствуют о тенденции роста доли сторонников монархии. Ныне они составляют 69% жителей Британии¹.

Синкретизм традиций и новаций в культурной сфере и образе жизни присутствует в современном китайском обществе. Принципы Конфуция с его философским кредо опоры на традиции, деления типов человеческого поведения на «благородное» и «низкое» сыграли в этом основополагающую роль.

Глобализация и информатизация вносят коррективы и в осмысление культурных полюсов Запада и Востока. В этом смысле прав А.Ахиезер, оппонент дуальной оппозиции Запад-Восток, а равно и оппозиции капитализм-социализм. По его мнению, эти противопоставления при анализе российской истории «имели тенденцию принимать абсолютный, манихейский характер, что лишало их научной ценности, закрывало путь к пониманию сложного, противоречивого развития страны», а также, поиску меры взаимопроникновения полюсов². Глобализация с ее интенцией фрагментации культуры и ее элементов не аннигилирует социокультурную полярность по линии Запад-Восток, но она усугубляет противоречивость напряжений.

¹ Культура, 1-7 июня, 2012-С.8

² Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта.-М.,С.780

Современный этап глобализации требует внести методологические коррективы и в арсенал исторической науки. Контакты между цивилизациями - один из главных факторов исторического прогресса. Они должны быть, по мнению У.Мак-Нила, «основным объектом при изучении мировой истории, поскольку именно они призваны изменить сумму и разнообразие знаний и технологий, присущих каждой цивилизации, и повлиять на общую картину взаимопроникновения культур»¹. История становления глобальной цивилизации как совокупности локальных цивилизаций, плюс пространство взаимодействий между ними ведет начало с Древности. Однако нынешний этап процесса можно назвать качественно новым.

Глобализация мира представляет собой формирование единой взаимосвязанной цивилизации на основе гомогенизации материальных производительных сил. Глобализация же в сфере культуры являет собой процесс адаптации общечивилизационных достижений к культуротворчеству, способность национальных культур к выживанию и развитию в контексте общечеловеческих смыслов. По этой причине предпосылкой выстраивания новых отношений в современном информационном мире служит диалог культур, осмысление его традиций, в том числе в режиме моделей этнического взаимодействия: ведь сама этничность формируется в режиме динамичного этнокультурного взаимодействия.

М.М. Махмутова

**ЭНКУЛЬТУРАЦИЯ В ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЕ ФИНЛЯНДИИ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ
КОНЦА XIX НАЧАЛА XX В.В.**

Из всех стран эмиграции татар диаспора в Финляндии остается наиболее активным очагом сохранения национальной культуры народа.

Отдельные упоминания о переселении в Финляндию можно найти в летописных источниках середины XVI века. Татары в Скандинавии появились еще в ранние годы автономного Великого княжества Финляндия. Их нанимали строить крепость Бумарсунд на Аландских островах и крепость Свеаборг на островах возле Хельсинки. Многие из них вернулись в Россию, но исламское кладбище в Бу-

марсунде напоминает об их пребывании в Финляндии. Об этом свидетельствуют исторические документы, записи военного имама о татарах, служивших в крепости. Тетради с этими сведениями 1836, 1850, 1871 годов хранятся в архивах города Хельсинки.

В начале 1800 года в строительстве и ремонте крепости Суоменлинна (Suomenlinna) приняли участие рабочие исламской веры. В их среде уже тогда было какое-то подобие организации в общении между собой. Государственной властью им было отведено место для своего кладбища.

После присоединения Финляндии к России в 1809 году, в новых военных гарнизонах наряду с русскими служили и татары – выходцы из Нижегородской губернии. Они положили начало татарской эмиграции в Финляндию. Финский ученый Гарри Гален отмечает, что в середине XIX века к первым переселенцам из военнослужащих присоединились их земляки из Сергачского уезда Нижегородской губернии. Позднее их число дополнили мелкие торговцы и купцы из татар Петербурга и Москвы. В 1870-71 годах в Хельсинки насчитывалось 46 татар, имеющих свои торговые дела.

Торговля была традиционным и давним видом деятельности поволжских татар и их предков. Еще в домонгольское время волжские булгары были связующим звеном между Западом и Востоком благодаря внутренним и внешним экономическим связям. Развитию торговли у татар и их предков способствовали раннее возникновение государственности и благоприятное географическое положение, обеспечиваемое волжским транзитным путем. Традиционное ремесло – изготовление кожи и меха – было прочно связано с экспортом этих товаров на иностранные рынки. Кроме этих основных товаров татары торговали хлебом, медом, воском, изделиями местных ремесленников и ювелиров, металлическим оружием, украшениями из меди, золота, серебра, драгоценных камней.

Развитие капитализма в XIX веке дало некоторые гарантии в развитии частного предпринимательства. Умение держать слово, выполнение взятых на себя обязательств, честность в финансовых делах было немаловажно для зарождающейся татарской буржуазии в условиях определенного национального притеснения, вызывающего неуверенность в завтрашнем дне. Простота, доверительность взаимоотношений между заказчиками и поставщиками, и сегодня сохранились у татар Финляндии. В связи с этим представляет интерес педагогиче-

ские технологии подготовки делоприемника в татарских семьях, занимавшихся торговлей. Издавна, специально нанятые мударисы (учителя) учили детей основам шариата, арабской и русской графике, арифметике, счетоводству и начальным основам коммерции. Часть времени дети проводили с отцом на производстве, на практике осваивая свою будущую профессию. Впоследствии многие из них становились хорошими специалистами. Заниматься изучением науки с точки зрения магометанина является святым делом. Правила хорошего тона включали для детей наставления: «Старайся усваивать науку, ибо она учит богопознанию, и ученый человек легко устраивает жизнь. Старайся бывать в ученом собрании, ибо час нахождения в нем лучше иной раз сорока лет занятия молитвой» (Баязитов М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. СПб., 1887. 102 с.)

Возрастающая конкуренция на всероссийском рынке, а иногда и за границей требовала от татарских деловых кругов высокого культурного, профессионального уровня. Эмигранты второй волны (купцы, торговавшие пушниной и текстильными товарами) с начала 70-х годов XIX в. и до середины 20-х годов XX в. в поиске новых торговых путей и рынков сбыта переселились в Финляндию из двух десятков деревень Сергачского уезда, расположенных к юго-востоку от Нижнего Новгорода (Актук, Куйсу, Суксу, Уразаул, Чумбали, Янапар (в различных источниках упоминается до 12 деревень).

Таким образом., основная часть людей исламской веры непрерывно эмигрировали в Финляндию вплоть до 1925 года.

Современные общественно-политические и экономические преобразования позволяют реализовать принцип свободного выбора и полного развития национальной культуры, что создает условия для сохранения традиций воспитания в семье. Поэтому первостепенной задачей каждой татарской диаспоры, например в Финляндии, является сохранение ценностей национальных семейных традиций. Первым и вторым поколениями татар Финляндии благодаря трудолюбию, силе воли и упорству, а также за счет взаимной солидарности была создана прочная духовная и материальная основа жизни и деятельности в новых условиях. На этом фундаменте строится система воспитания новых поколений общины. Татарская община независимо от численности сегодня является социальным институтом, благодаря которому ее составляющая - семья сохраняет национальные традиции воспитания. Поэтому община и семья, учитывая внешние политические, со-

циально-экономические и культурные изменения в стране проживания, уделяют очень много внимания и средств воспитанию молодого поколения в этих условиях. В контексте такого подхода определяется общенациональная объединительная идея, суть которой заключается в понятиях «самобытность», «самосознание», «самоидентичность». Преемственность поколений, сохранение родного языка, религии, национальных традиций, формирование идентичности явились ценностным основанием социализации детей в процессе поддержки высокой образованности в диаспоре.

Исследования показывают, что существующая система образовательного процесса в Высших учебных учреждениях Финляндии, научно-теоретический потенциал и инновации в приобретении профессиональных навыков не снимает вопроса поддержания престижа высокообразованного человека в диаспоре на протяжении всего периода проживания татар за границей. «Уровень образования членов татарской общины в два раза выше, чем среди финского населения. Представители общины, получившие хорошее образование в финской системе высшего образования, работают на важных постах в государственных и муниципальных органах. Многие члены общины известны в финских бизнес-кругах, а также как активные участники деятельности различных организаций» - отмечает председатель Исламской общины татар Финляндии Окан Дахер.

Исторический путь развития традиций воспитания и образования татар Поволжья характеризуется естественностью, ранним началом, участием в процессе воспитания подрастающего поколения всего народа, и раскрывает национальный характер воспитания татар. Становление системы народного образования татар Финляндии опирается на объективный опыт системы образования татар Поволжья конца XIX начала XX в.в. В основу программы национального возрождения народного образования татар Финляндии легла концепция сохранения культурно-национальной автономии татар в России, приоритетными задачами которой стали:

- Организация национальной школы, отвечающей всем требованиям своего времени, обеспечивающее качественное преподавание всех дисциплин на татарском языке;
- Воспитание личности в традициях Ислама;

- Реализация основных положений культурно-национальной автономии через функционирование благотворительных обществ, объединяющих всех татар.

В период второй половины XVIII – начала XX в.в. в Поволжье благотворительность для татар являлась важным источником финансирования образования и просветительских нужд. Учебные заведения разделялись на два типа – мектеб и медресе, открывались при мечети в крупных селениях и городах под заведованием мусульманского духовенства. Благодаря решительным действиям прогрессивной части татарской буржуазии развивалось национальное меценатство. Крупные дельцы и промышленники Хусаиновы, Рамиевы, фабриканты Акчурины, Утямышевы, Азимовы и др., которые внесли значительный вклад в дело развития национального просвещения: строительство мечетей, открытых школ (мектеб и медресе), субсидирования десятков учебных заведений, «спонсирования» одаренных шакирдов на учебу за рубеж. Например, в 1913 году в России насчитывалось 87 татарских благотворительных и культурно-просветительских организаций, которые действовали во всех городских центрах с компактным проживанием мусульман.

К концу XIX столетия в татарском обществе в Поволжье наметился серьезный поворот к реформированию образования. Воспитание молодежи с известным минимумом знаний, умений, навыков для введения дел и развития производства стало необходимым требованием нового времени. В программах татарских медресе появились такие предметы, как математика, физика, химия, география, природоведение, физическое воспитание и др. Например, объем знаний, даваемых в таких известных медресе, как «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Мутыгия» в Уральске, приближалось к ВУЗовскому уровню. Официальная статистика того периода свидетельствует о том, что по уровню грамотности на родном языке татары занимали первые позиции среди всех народов России.

Актуальными проблемами просветительского движения татар Финляндии середины XIX века были общекультурные проблемы расширения сфер образования, повышение уровня образованности в диаспоре. Это был период стремления к сплочению татар во имя реализации этих идей, что привело зарождению просветителей и прослойки предпринимателей-меценатов, светски образованных людей,

стремящихся поднять культуру своего народа на европейский уровень.

В условиях формирования татарской диаспоры в Финляндии в эпицентре внимания первого - второго поколения переселенцев встал вопрос организации образования нового подрастающего поколения. Сохранение традиционной системы образования татар Поволжья стало основой и единственным инструментом энкультурации татар Финляндии. Изучение архивных материалов Исламского общества татар Финляндии показывает, что система образования создавалась по образу и подобию традиционных конфессионных учебных заведений мусульман Поволжья. Благодаря сплоченности, взаимной поддержке была создана материальная основа организации образования. Надо признать, необходимость централизованной организации обучения и воспитания усиливались исходя из интересов развития торговли, сплочения для совместного общения и деятельности, формирования отношений с внешним миром за рубежом и внутри страны.

Таким образом, Исламская община татар становится “поставщиком” педагогических услуг: организует обучение родному татарскому языку в различных сферах жизнедеятельности детей во время пребывания на курсах зимних и летних лагерей, и, во-вторых, координирующим центром усилий общественных комиссий общины по воспитанию детей, что позволяет создать “педагогическую среду энкультурации”. Культурно-просветительская деятельность Исламского общества татар Финляндии образует “воспитательный город”:

- отдел непрерывного образования основам религии и родному языку, - библиотека, - спортклуб, - музыкальный ансамбль, - мечеть. Деятельность комиссии по образованию и издательским делам удачно направлено на гармонизацию школьного и внешкольного воспитания. В образовательном центре объединяются ученики, преподаватели, родители, их деятельность имеет педагогический направленный характер. Методологической основой философско-педагогической мысли общины татар Финляндии является религиозное мировоззренческое начало. Так же, как в свое время прогрессивная арабская философская мысль была положена в основу булгаро-татарской философии, так и татары Финляндии сохраняют религиозно – педагогическое учение для своего развития.

Опора на обязательное овладение родным языком является условием сохранения культурного наследия и традиций татар Повол-

жья. По данным исторических документов Исламского общества поколение татар, эмигрировавшее в Финляндию, владело литературным татарским языком. Следующее поколение, родившееся на «новой» земле, овладевает родным языком в раннем детстве под влиянием дедушек и бабушек, несмотря на влияние финского литературного языка и воздействие средств массовой информации. Современные татары Финляндии владеют финским и шведским языками как государственными, английским как международным языком бизнеса, а родной татарский язык остается как средство общения в семье и между соотечественниками.

Таким образом, в становлении системы образования и воспитания детей и молодежи в диаспоре татар Финляндии нами выделено три этапа:

первый этап – период от времени постепенной эмиграции татар Поволжья до создания Исламской общины татар Финляндии (1925г.), когда нужды обучения и воспитания удовлетворялись главным образом в семье и приглашенными учителями из числа наиболее образованных членов общины.

второй этап – период организации обучения и воспитания детей в диаспоре, направленной на сохранение самоидентичности. Открытие национальной школы при Исламском обществе татар (1948 г.), характеризующейся обслуживанием конфессиональных, национальных потребностей, развития образовательного потенциала диаспоры. В дальнейшем развитие системы образования стало общей идейной платформой, гарантом сохранения духовного и культурного наследия своего народа в условиях европейского образа жизни.

третий этап – период развития педагогической культуры татар Финляндии, выражающейся в интеграции в финскую культуру при сохранении собственной национальной культуры. В этот период определилась главная тенденция в образовательной политике общины: ориентация на высшее образование как неперемнное условие двойной идентификации.

В течение XVI-XIX веков в процессе постепенной эмиграции за пределы исторической родины из Среднего Поволжья, татары влиялись в многонациональную структуру Финляндии (финны, шведы, карелы, суоми, эстонцы, цыгане, евреи и др.) и интегрировались в финскую культуру, сохраняя национальную самобытность. «**Двойной идентитет**» обусловился языковыми, религиозными, благотвори-

тельными, хозяйственными, культурно-бытовыми связями с населением Финляндии. Структура деятельности мусульманских общин Нижегородской губернии в значительной степени составило основу организации Исламской общины татар Финляндии. С конца XIX - начала XX веков татарская диаспора в Финляндии предпринимает многочисленные попытки создания организации форм выражения национального самосознания. Имея программу, квалифицированные кадры и высокую степень сплоченности, наиболее прогрессивные и активные члены диаспоры смогли создать стабильные национальные организационные формы деятельности для формирования национальной идентичности (в 1925 году было зарегистрировано «Исламское общество татар Финляндии» (Suomen Islam-Seurakunta)(фин.), деятельность которой определялось утвержденной структурой, в которую вошли отделения на всей территории Финляндии находятся в Ярвенпяя, Турку, Тампере, Раума, Котка, Сало).

Изучение процессов энкультурации доказало, что преемственность традиций воспитания в диаспоре татар Финляндии стала надежным средством равностороннего гражданского воспитания детей и сохранения национальной идентичности народа независимо от различий в культуре, религии, языка этносов стран проживания в настоящее время. Активизация деятельности татарских диаспор в разных регионах СНГ и дальнего зарубежья, обсуждение и решение злободневных проблем развития родного языка, культуры, просвещения, упрочение связей с Татарстаном татарских диаспор Австралии, Америки, Канады, Турции, Финляндии – все это свидетельствует о стремлении татарского этноса к самосохранению и саморазвитию. Формирование национального самосознания, повышение образовательного, интеллектуального потенциала молодежи служит мощным средством подъема благосостояния татарской нации в России и за рубежом.

С.А. Мир-Багирзаде **МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА**

Азербайджан находится на перекрёстке соединения многих культур Востока и Запада. На протяжении многих веков он вобрал в себя культуру многих народов, не теряя национальной самобытности. Каждый исторический отрезок человечества отражает целостность и

единство идеи, в которой выражено его интеллектуальное развитие и своеобразие жизненных интересов.

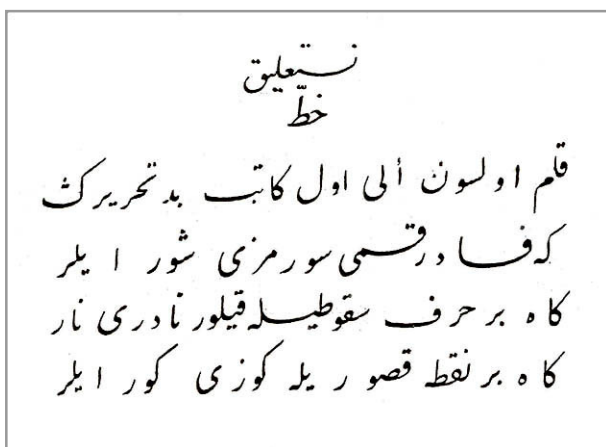
В нравственном и духовном становлении древнего Азербайджана большую роль сыграло учение Заратустры – Авеста, формировавшее в человеке трудолюбие, представления о добре и зле, нравственную самооценку, гуманизм, дисциплину древнего человека. Каждая религия формирует в человеке свои нравственные принципы, где главенствующими являются осмысление самого себя, путь нравственного совершенствования, формирование воли и целеустремлённости в совершении добра. Учение Заратустры оказало воздействие и на европейскую философию, литературу, можно сказать в целом, культуру.

Одной из последних монотеистических религий стал ислам, основанный на Коране, где содержатся главные жизненные постулаты, посланные на землю посредством пророка Мухаммеда. Ислам был распространен в Азербайджане в средние века. Эта религия вошла в основу исламской цивилизации, география его влияния включает обширные территории от Испании до Китая. Идеи пророка Мухаммеда и священной книги мусульман являются базовой идеологией мусульманской цивилизации, позитивно воздействовавшей на социально-культурное развитие Средневековья. Мусульманская культура способствовала прогрессивному развитию науки и открытию многих её законов, она возродила науку и искусство Античной Греции и Рима и явилась связующим звеном между Античностью и Европейским Средневековьем. Азербайджан был также частью этой великой цивилизации и внёс немалый вклад в его развитие.

Расцвет исламской культуры в Азербайджане приходится на период между государством азербайджанских Атабеков (1134-1225) и азербайджанских Сефевидов (1501-1590), пройдя три больших этапа: XII-начало XIII в., XIII-XIV вв. и XV-XVI вв. Эпоха XII-XVI вв. характеризуется развитием азербайджанской государственности, социально-экономическим расцветом городов, как центров ремесла и торговли (Гянджа, Тебриз, Нахичевань, Байлакан, Урмия. Марага и др.). Они имели политические, экономические, культурные сношения со многими странами - от Китая (Великий шёлковый путь) и Индии до Северной Африки и европейского Средиземноморья, от Аравии до Северной Европы. Бурный расцвет переживают естественные и общественные науки, давшие учёных-энциклопедистов М.Шабустари, Н.Туси, М.Нахичевани, Г.Румлу, И.Мунши, А.Бакуви, А.Марагаи и

др., сыгравших заметную роль и в развитии научной, философской мысли Востока, средневековой и ренессансной Европы. Широкий расцвет получает азербайджанское зодчество, градостроительство (ширванская, арранская и нахичеванская школы), тебризская школа миниатюры (С.Мухаммед К.Бехзад, М.Тебризи, М.Али, и др.) Последняя получает широчайшую известность на Востоке как одна из лучших страниц в истории мирового искусства живописи. В формировании и первоначальном развитии художественного стиля тебризской школы миниатюры переплетались традиции различных школ: Восточного Туркестана - посредством китайских и уйгурских художников, привезённых в Тебриз монгольскими ильханами и арабо-месопотамской живописи через багдадскую школу.

Развитие искусства каллиграфии привело к созданию различных стилей: в Турции появился стиль дивани, в Иране - та'лиг, шикьяста, в Азербайджане –насталиг(Мир Али соединил два стиля- та'лиг и насхи).

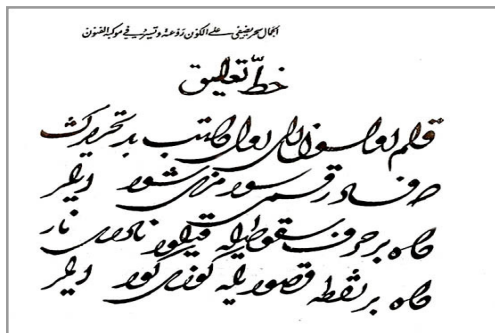

Образец письма насталиг

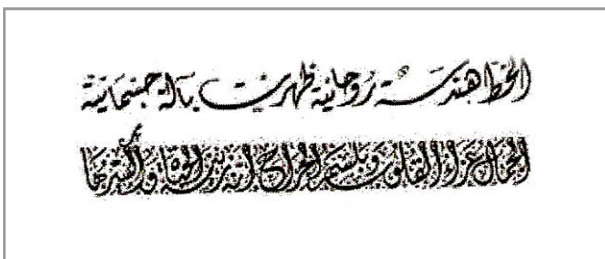
В это время трудились такие известные каллиграфы, как Абдулла Сейрафи Тебризи, Бедраддин Мухаммед Тебризи (Бендгир), которые переписывали художественные произведения, оформляли книги (миниатюр) и украшали здания.

Конец XIV – начало XV вв. в Азербайджане знаменуется новой ступенью развития в искусстве каллиграфии. Созданный новый стиль – насталиг Мир Али Тебризи получил широкое применение.

Джафар Тебризи, Азхар Тебризи, Шах Махмуд Заррингалам Хафина-
фис, Ибрагим Тебризи, Аини Тебризи, Ахмед ибн Мухаммед Тебризи
(XV в.), Алабей Тебризи, Шах Махмуд Нишапури, Мир Имад Газвини,
Низамеддин Али (ардебильский), Мехраб Тебризи. Али Рза Аббаси
Тебризи, Мухаммед Рза Тебризи (XVI-XVII вв.) были известными
каллиграфами своего времени.

Образец писъма талиг

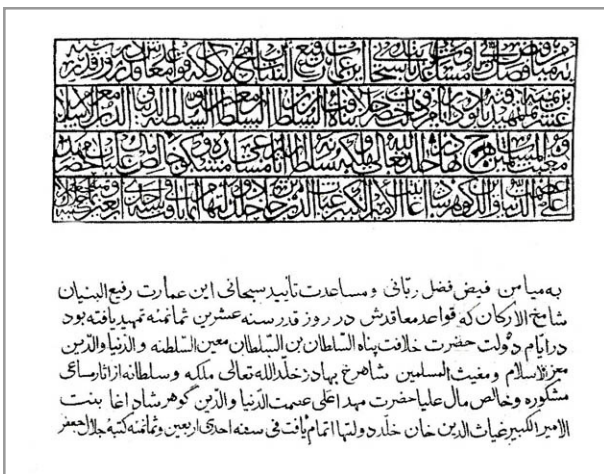
Образец письма диван

Искусством каллиграфии в XVI в. занимались даже правители (Шах Исмаил I, Шах Тахмаси I). Всесторонне развитые азербайджанские каллиграфы (они были одновременно поэтами, художниками, резчиками) сами оформляли миниатюры (Садиг бек Афшари, Али Рза Аббаси Тебризи и др.), создавали прекрасные работы по металлу, оформляли книги, работали над декоративным каллиграфическим оформлением зданий.

Развитие искусства каллиграфии в Азербайджане связано с именем Мубарекшаха Зарингалама в XVI веке.

М.Зарингалам. Образец письма сульс, насх, рейхани

Джафар Тебризи. Декоративная надпись сульс на мечети Гау-хар Шад. Герат

Мавзолеи в Нахичевани, Мараге, Барде, дворец Ширваншахов, являются лучшими и редкими образцами искусства каллиграфии в Азербайджане. В Институте рукописей НАН Азербайджанской Республики хранятся редчайшие образцы рукописей, написанные известными каллиграфами своего времени (несколько работ к «Хамсе» Низами, «Диван», написанный рукой известного каллиграфа XVI века Мир Имад Газвини, «Гюлистан», написанный рукой известного каллиграфа Султана Мухаммеда и др.)

Азербайджанская школа поэзии в персоязычной литературе XI-XII вв. получает всеобщее признание. Ведущее место принадлежит творчеству гениального поэта Низами Гянджеви (1141-1209), оказавшего большое воздействие на восточную (огромное количество поэтических подражаний-назире (джаваб) на его произведения) и западную поэзию (Сокровищница тайн и Божественная комедия – Данте; Хосров и Ширин и сонеты о Лауре – Петрарки; Шараф-наме и Освобождённый Иерусалим-Тассо; Игбал-наме и Город солнца - Кампанеллы; Лейли и Меджнун и Ромео и Джульетта – У. Шекспира). Азербайджанская литература процветает и в период могольского и тимуридского господства. Многие поэты создают произведения и на азербайджанском языке, несмотря на то, что поэтическим считался персидский – к ним можно отнести Насими, Физули¹.

В начале XVI века возникло государство Сефевидов со столицей в Тебризе, сыгравшее значительную роль в истории Азербайджана. Основателем этого государства был шах Исмаил I (1502-24), который прекрасно разбирался во всех видах искусства мусульманского Востока, отдававший предпочтение тюркскому (азербайджанскому) языку. Впервые произошло объединение всех земель Азербайджана в составе единого государства.

В середине XVIII века на территории Азербайджана начался процесс образования независимых государств - ханств. Разные ханства были знамениты различными видами ремесел. Шеки был центром шёлкоткачества (существенную роль в этом сыграли торговые отношения с Китаем), в Ширванском ханстве развивалось производство медной утвари и оружия, в Губинском - ковроткачество и т. д. Исто-

¹ Мир-Багирзаде С.А. Культура исламской цивилизации: (Средние века). Баку, 2011.

рические условия XVII - XVIII веков нашли своё выражение в культуре Азербайджана.

Большое значение в развитии Азербайджана и его столицы - Баку в последующий период сыграла нефтяная промышленность. Нефть в районе Баку добывалась с незапамятных времен. Во второй половине XIX в. добыча нефти приняла невиданные темпы, что привело к процветанию этого города в XIX-XX веках. Сюда стекается лучшая интеллигенция не только из Азербайджана, но всего мира, где создаются неповторимые шедевры искусства и науки. В своей монографии «Градостроительство XIX-начала XX веков» Шамиль Фатуллаев пишет: «Крупные города Азербайджана, такие, как Гянджа, Шуша, Шеки до первой половины XIX века по экономическому уровню развития шли впереди Баку, а затем отстали. На рубеже XIX-XX веков он оставил позади себя города Ближнего Востока, как Тебриз, Исфаган, Тегеран и другие, что делает особенно ценным изучение тенденций развития Баку как самостоятельного градостроительного организма, выросшего на свободной территории под сенью древней крепости и превратившегося в течение века в огромный капиталистический город»¹.

XIX-XX век характеризуется взлётом расцвета культуры Азербайджана во всех областях интеллектуальной и творческой деятельности. Рассматривая произведения архитектуры, можно увидеть здесь сочетание различных стилей Востока и Запада, в котором не нарушается гармония, Яркий пример тому – произведения архитекторов Зивербека Ахмедбекова, Мешади Мирзы Измайлова, Гославского И.В., Плошко И.К., Микаеля Усейнова, Садыга Дадашева и др.

В становлении азербайджанской музыки неопределима роль Узеира Гаджибекова, соединившего традиции азербайджанской народной музыки, в частности мугамов, который он глубоко исследовал и классической европейской музыки. Во введении к книге Узеира Гаджибекова профессор М.С. Исмаилов пишет: «Осведомлённость как в трудах русских и европейских учёных-музыковедов, так и восточных и, в частности, азербайджанских в наследии Сафиаддина Урмави, Абдуль-Кадира Мараги, Мир Мохсуна Навваба, отличное знание национального классического мелоса, личная педагогическая

¹ Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку XIX – начала XX веков. Ленинград, 1978. С.4.

практика со студентами с применением собственной теоретической концепции, многочисленные доклады-дискуссии в среде знатоков музыкального наследия Азербайджана с целью выявления правомерности выдвинутой системы, позволили Узеиру Гаджибекову обобщить и научно обосновать выводы своих исследований в труде «Основы азербайджанской народной музыки»¹.

У народов Востока имеются разновидности макама, которые имеют различные наименования – у турков – так же, как и у арабов – макам, у туркмен и уйгуров – мукам, у азербайджанцев – мугам, у иранцев – дестках.

Основы макама в Средние века на Востоке заложил Сафиаддин Урмави, систематизировав их. Стиль был усовершенствован Абульгадиром Марагаи (азербайджанец). В основу этой системы лёг называемый «период» - 12 основных макамов, 6 авазов и 24 раздела. Сафиаддин был первым мусульманским композитором, оставившим нотированные записи (примеры, иллюстрирующие его теоретические положения; встречаются также записи оригинальных мелодий). Нотная запись изображена буквами (высота звука) и цифрами (длительность ноты); нотный алфавит состоял из 35 букв (в соответствии с ладами на грифе лютни(уд)). Блестящий исполнитель на струнных инструментах, Сафиаддин был также изобретателем некоторых из них (мучни – басовая разновидность лютни, нузга – разновидность гуслей). Его исследования послужили основой теоретических разработок ряда учёных – музыкантов XIV-XV вв. - аш-Ширази, аль-Амули, аль-Джуджани, Абд аль-Кадир ибн Гаиби, Шихаб ад-дин аль-Аджами и др.

В средние века исламская музыка (арабо-афро-азиатские ритмы и мелодии (в частности, макамы) оказала огромное влияние на музыку Испании, Португалии, а также оказала большое воздействие и на формирование и развитие европейских музыкальных инструментов.

Название двенадцати классических мугамов, а также сами мугамы подвергались большим изменениям: то, что раньше считали самостоятельным мугамом у одних народов стало отделом мугама, и наоборот, то, что, раньше называлось отделом – шёбья – стало самостоятельным мугамом. Также одно и то же название мугамов и их от-

¹ Гаджибеков У. Основы азербайджанской народной музыки. Баку, 1980.С.5.

делов у разных народов стало обозначать разные понятия. Единственный мугам, который сумел противостоять сокрушительному влиянию времени и событий, это был и есть мугам «Раст». Устои этого мугама настолько крепки и логичны, что вполне оправдывают значение названия мугама: «Раст», что означает прямой, правильный.

Древние музыковеды называют «Раст» матерью мугамов. Мугам «Раст» до наших дней сохранил не только своё название и строй своего звукоряда, но также высоту своей тоники. У всех народов Ближнего Востока мугам «Раст» имеет одно и то же построение, а также одну и ту же высоту тоники. Этой тоникой является соль малой октавы. Нижеследующее сравнение указывает на то, что тон, которому мы теперь даём название соль малой октавы, ещё в античный период относился к высоте лада «Раст». Так, «арабо-иранские и европейские музыканты утверждают, что по понятию древних греков каждое из семи небесных тел соответствовало одному из семи тонов, изобретённых Пифагором. Эти тоны следующие:

По - гречески :

1. ми – Луна
2. фа – Меркурий
3. соль – Венера
4. ля – Солнце
5. си – Марс
6. до – Юпитер
7. ре – Сатурн

По - араб о-и р а н с к и :

1. Нава
2. Буселик
3. Раст
4. Ирак
5. Ушшак
6. Зирафкянд
7. Рахави (3,с.19-20).

Традицию Узеира Гаджибекова продолжили композиторы Фикрет Амиров, Кара Караев, Вагиф Мустафазаде и другие выдающиеся деятели культуры Азербайджана. Учёными, сыгравшими огромную роль в различных открытиях науки, стали Мир Асадулла Мир-Касимов, Юсиф Мамедалиев, Азад Мирзаджанизаде, Керим Керимов, Лютви Заде и др.

Таким образом, культура Азербайджана внесла немалый вклад в сокровищницу мировой культуры. Она характеризуется многообразием, в котором отражены как восточное, так и западное видение, представляющее собой сложную систему, объединённой единой гармонией.

**ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА РАЗВИТИЕ РУСИНО-
УКРАИНСКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА**

Этнополитические конфликты стали одним из глобальных вызовов на планете. Их урегулирование занимает особое место в числе наиболее актуальных задач современности. Этнополитические противоречия, вступившие в фазу конфликта, угрожают стабильности и территориальной целостности государств, их последствия оказывают крайне негативное влияние на развитие государства и на имидж страны, на территории которой случаются такие конфликты.

Проблема профилактики и предупреждения этнополитических конфликтов остается одним из важнейших направлений конфликтологии. События второй половины XX и начала XXI веков опровергли прогнозы политиков и ученых о неизбежности стирания локальных и этнических различий в процессе европейской интеграции. Напротив, началось мощное возрождение этнической идентификации и роста национализма. Многие европейские государства и страны бывшего социалистического лагеря столкнулись с проблемой этнических конфликтов. Национальные «этнические» движения, выступающие под лозунгами отделения или автономии, возникли в Сербии, Хорватии, Румынии, Украине, Бельгии, на Кипре, во Франции, Италии, Великобритании, Испании.

В некоторых странах борьба за эти цели переросла в вооруженное противостояние. В политической науке этнополитические конфликты оцениваются как столкновения субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы, связанные с перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса государственной политики, при которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации¹. Под понятием «этнополитическая мобилизация» понимают процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории, в борьбе за политическую власть с членами других этнических групп (или государством) манипулирует этническими символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической организации

¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. М., 2005.

группы¹.

Этнополитические конфликты вспыхивают чаще всего между меньшинством и доминирующей этнической группой, которая контролирует власть и ресурсы в государстве². Зачастую этнические меньшинства не обладают на территории стран проживания всей полнотой политических и гражданских прав, являются объектами дискриминации по историческим, культурным, политическим, конфессиональным, экономическим, лингвистическим и некоторым другим признакам. Таким меньшинством в Украине являются подкарпатские русины, по отношению к которым проводится политика дискриминации и планомерной ассимиляции.

Сложность и острота проблемы русинского национального меньшинства в Украине и потребность ее практического решения уже давно обусловили необходимость разработки теоретических вопросов, адекватного рассмотрения основных задач русинского движения и причин русино-украинских этнополитических противоречий. Ведь такие конфликты не всегда очевидны. На начальных стадиях, они, как правило, скрыты. Чтобы предотвратить радикализацию массовых настроений, необходимо как можно раньше распознать начало возможного конфликта.

Важнейшей причиной нарастания конфликтного потенциала во взаимодействии Киева и русинов Закарпатья является непризнание второй стороны, а соответственно, и самого конфликта. Следует подчеркнуть, что русины признаны отдельной национальностью всеми государствами, где они проживают как национальное меньшинство, кроме Украины. Там русины до сих пор считаются «этнографической группой украинцев». Этническая русинская идентификация имеет своим основанием общность культуры. Характерными признаками русинского этноса являются также общая территория проживания, наличие общего исторического прошлого, русинского языка, особенностей психологии и менталитета. Сознание этой общности русинами находит отражение в осознании своего единства с русинскими общинами других стран и в осознании отличий от других, в том числе славянских, этнических групп. Следует, однако, отметить, что русинское

¹ Ланцов С. Политическая конфликтология. СПб, 2008. С.72-73.

² Степанова Е.И. Конфликты в современной России (проблемы анализа и урегулирования). М., 2000. С.222

национальное возрождение в Закарпатской области Украины на современном этапе не коснулось абсолютного большинства населения края.

Русины - народ центральноевропейского региона. Интересно, что их «русскость» во многом не замечает современная российская власть. Возможно, эта политика унаследована с коммунистических времен. Советских «русских» не интересовало русофильство в крае и общерусское самосознание. Русофильство тогда было приравнено к Белому движению, его носители отправлялись в ГУЛАГ¹.

Историческая память сыграла немалую роль в развитии конфликта. Причины кризисной ситуации в Закарпатской области были заложены еще при присоединении Подкарпатской Руси к Украинской ССР. В межвоенный период под таким названием она входила на правах автономии в состав Чехословакии. Одним росчерком пера все русины Подкарпатской Руси были записаны украинцами. Ускоренными темпами сфальсифицировали свидетельства о рождении, по которым все жители Закарпаття родились якобы на Украине, а не в Австро-Венгрии или Чехословакии и поэтому являются украинцами. Преподавание в школах было срочным образом переведено на украинский язык. Для усиления украинского влияния в крае государство всячески поддерживало переселение этнических украинцев из Центральной Украины и Галичины.²

Фактором, который увеличивает конфликтный потенциал, можно считать и наличие ряда социально-экономических проблем. Разрушены многие отрасли народного хозяйства, промышленность, средняя и высшая школа, медицина, социальное обеспечение, наука³. Но экономические причины русино-украинских противоречий явно вторичны и по значимости, и по восприятию русинским и украинским народами в сравнении с идеологическими и этнополитическими проблемами.

В исследованиях этнополитических конфликтов выделяют три

¹ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси, Ужгород, 2006

² Годьмаш П., Годьмаш С. История республики Подкарпатская Русь. Ужгород, 2008.

³ Из интервью автора с премьер-министром непризнанной республики Подкарпатская Русь П. Гецом 12.05.2010 (Личный архив).

стадии развития¹. На первой стадии формируется база участников, идеология, отрабатываются приемы и методы будущей борьбы, выдвигаются требования сторон. Средствами сторон конфликта выступают обращения в органы государственной власти, средства массовой информации, европейские институты, для этой стадии характерны многочисленные съезды. Признаком второй стадии этнополитического конфликта является значительное обострение ситуации. Требования перерастают в статусные притязания: выдвигаются территориальные претензии, ставится вопрос о национальном самоопределении, объявляется независимость. Влиятельные люди противоборствующих этнических групп открыто говорят о несправедливости существующего положения вещей. На третьей стадии конфликт нередко перерастает в вооруженные выступления, локальные столкновения могут перерасти в массовые. Обостряющим фактором является уверенность одной из сторон в том, что она сможет силовыми мерами изменить расстановку сил в свою пользу.

Таким образом, на современном этапе русино-украинские отношения уже прошли первые две стадии развития этнополитического конфликта. Русинское движение неоднократно подчеркивало именно мирный характер борьбы за свои интересы. Но заявления со стороны русинских лидеров² и украинских националистов³ свидетельствуют о том, что современное состояние межнациональных отношений в Карпатском регионе достаточно напряженное, хотя открытых массовых выступлений на этнической почве не наблюдается. Этническое противостояние носит в основном скрытый характер и локализуется на бытовом уровне. Недопущение открытых этнополитических конфликтов, превентивные меры по их урегулированию – гораздо более эффективная стратегия, чем попытки сформировать конструктивное взаимодействие сторон в рамках уже открытой фазы этнополитического конфликта⁴.

Таким образом, русины Украины остаются угнетенным в культурно-политическом и социально-экономическом плане народом.

¹ Тураев В. А. Этнополитология. М., 2004. С.111-112.

² http://rusinistika.com/news/d_sidor_spravedливо_zajavil_что_rusiny_imejut_prav_o_na_vooruzhennoe_soprotivlenie/2011-01-05-104

³ URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1364246.htm>

⁴ Ланцов С. Политическая конфликтология. СПб, 2008. С.82.

Причины русино-украинских противоречий имеют глубокие исторические корни и уходят во времена выработки украинства как идеологии и во времена присоединения Подкарпатской Руси к Украинской ССР. Историческая память о межэтнических отношениях и несправедливости в прошлом во многом предопределили обоюдное негативное восприятие сторон. Русино-украинский этнополитический конфликт при неблагоприятном стечении обстоятельств может приобрести высокую степень напряженности в связи с продолжением политики дискриминации и ассимиляции русинского этнического меньшинства.

Для урегулирования противоречий необходимо желание сторон решать данный вопрос. На данном этапе большое значение в решении русино-украинских противоречий имеет признание русинов не объектом управления, а субъектом, осознавшим свой групповой интерес, с которым необходимо вести диалог.

К.И. Мусина

УСАДЬБЫ КАЗАНИ И ЗАКАЗАНЬЯ

Без сохранения родного языка, фольклора и обычаев, мы необратимо утратим свои национальные признаки. Но духовные традиции это не только язык и вера, к духовному наследию относятся традиции домостроения – объекты национальной культуры. Сегодня обветшавшая усадебная застройка Татарских слобод разрушается и замещается современными многоквартирными домами. В 1982 году была сделана попытка каталогизировать наиболее значимые историко-архитектурные памятники города Казани¹. В книге «Казань в памятниках истории и культуры» были помещены статьи и фотографии наиболее интересных объектов недвижимости Старо-татарской слободы. Всего за тридцать лет многие образцы самобытной городской культуры были утеряны и забыты. Эта статья основана на собственном опыте работы автора с объектами деревянного национального зодчества.

Лучшими улицами татарской части города являлись Захарьевская (ныне улица К.Насыри), Екатерининская (ныне улица Г.Тукая),

¹ Казань в памятниках истории и культуры.

Левая набережная Кабана (ныне улица Ш.Марджани)¹. Здесь, вдали от суеты городского центра и Сенного базара (крупнейшего восточного базара России), жили патриархальной жизнью богатые горожане и именитые татарские купцы. При строительстве городских усадеб большинство заказчиков копировали известные им образцы загородных домов. Стилевое решение деревянных домов отражали эстетические принципы восточного жилища: закрытый за высоким забором внутренний двор (входы в жилые здания располагались только со стороны двора), функциональное зонирование жилища на мужскую и женскую половины. Мужской вход выполнял функции парадного и обслуживал парадную группу помещений (гостиная, зал, столовая и деловые комнаты) хозяина. Женский вход обслуживал помещения интимной, внутренней части дома: кухни, спальни, детские и женские комнаты. Оба входа имели связь с помещениями хозяйственной зоны на первом этаже. В торговой зоне располагались лавка и склады. В хозяйственной части - колодец, кухни, баня, амбары, дровяные сараи, конюшни².

Если в городских усадьбах наружное оформление домов регламентировалось городским архитектором - дома обшивались тёсом, окрашивались согласно «паспорта», то дворовые фасады оформлялись по вкусу домовладельца. Особенностью зажиточных татарских домов было устройство многочисленных террас, галерей, переходов, балконов, лоджий. Дворовые фасады украшались накладной резьбой (мотивы "веревочки", розетки, солярные знаки, тюльпановидные капители и др.), наличниками, фронтонными окнами, коваными ажурными элементами, живописными вставками растительного орнамента, что напоминало среднеазиатскую керамику и соответствовало «татарскому вкусу». Все это изобилие архитектурных деталей многоцветно окрашивалось³.

М.Худяков еще в 1923 году так описывал усадьбы Старотатарской слободы: «Богатые жилища казанских татар состоят из нескольких домиков в два этажа, из которых нижний служит не жилым

¹ Мусина К.И. ГИД по Старо-Татарской слободе. Дом Муллина. //Дизайн и новая архитектура №24 2007 С.118-119.

² Казань в памятниках истории и культуры.

³ Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар.– Казань: 1969.– 201 с.

помещением, а кладовой. Домики соединены между собой крытыми стеклянными галереями и террасами с фигурной застекленной решеткой, причем обычно применяются цветные стекла – синие, зеленые, красные, желтые и фиолетовые. Наверху богатых домов непременно устраивается светелка – чердак, напоминающий древне-русские терема»¹.

В татарских слободах преобладающим типом была усадьба, соединяющая жилую и торговую функции. Примером является дом Вали-бая Гизетуллина Шамсеева (ул. Шагабутдина Марджани 16/1), пер. пол. XIX века, архитектор П.Шмидт. На момент обследования в 2002 году усадьба находилась в относительной сохранности. Большой двухэтажный с каменным нижним этажом и мезонином жилой дом обращен на озеро Кабан и имеет симметричную композицию фасада. Внизу располагалась лавка по продаже хлеба и муки. Войти в контро, можно было в правую калитку въездных ворот и пройти специально построенным дощатым коридором минуя двор. На втором этаже дома находилась мужская половина - покои хозяина. Вдоль ул. 3. Султана к ним примыкало двухэтажное каменное здание галерейного типа женской половины. Галерея, закрытая от посторонних глаз решетчатыми ставнями, «связывала» женскую половину с мужскою, с баней, с флигелем и хозяйственными помещениями. В интерьерах сохранились три печи с разноцветными изразцами, лепной архитектурный декор - тяги, розетка в виде восьмиконечной звезды, сохранились внутренние деревянные лестницы с балясинами, следы раскраски стен сеней второго этажа масляными красками в виде рустовки и растительным орнаментом. В противоположной от жилого дома стороне находились складские, хозяйственные постройки и службы составляющие в плане каре вокруг хозяйственного двора. В 2005 году, в связи с реконструкцией мечети Марджани, часть дворовых построек была снесена, а фасад сохранивший следы основного тона темно-вишневой патинированной керамики, почему-то предпочли выкрасить в зеленый цвет.

На соседней улице, недалеко от описываемой усадьбы Шамсеева (ул.К.Насыри 11, 13) находилась жилая усадьба Б.Ф.Муллина -

¹ Валуева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративное прикладное искусство казанских татар. – М.: Сов. художник, 1990. – 210 с.

гласного Казанской городской Думы с 1879-1803 годов, купца второй гильдии. Сначала снесли флигель, затем в 2010 году и само здание, описание которого относится к 1987 году, когда проводилось обследование. Это небольшая территория с жилым домом, флигелем и каменными службами во дворе. Слева и справа от дома располагались въездные ворота (в жилую и хозяйственную половины). По традиции акцент в оформлении дома перенесен в верхнюю фронтонную часть. Карниз и скаты крыши поддерживались метопами (атрибутами классицизма). Основной тон фасада – темная терракота, детали фасада были пестро окрашены в яркие тона.

Справа от главного здания располагался флигель (№13). Одноэтажный деревянный на каменном полуподвальном этаже жилой дом представлял собой традиционный шестистенок, поставленный на подклет, торцом к улице. Расположение нарядного чердачного окна на крыше, входы и множество окон со стороны двора подчеркивают значимость дворового фасада для хозяев. Усадьба представляет собой пример использования элементов классицизма и народной архитектуры¹.

Истоки городской архитектуры пришли к нам из Заказанья (тат. Казан арты), автору пришлось работать в основном в Арско-Атнинском регионе РТ. Эта земля испокон веков считалась центром национальной культуры. Здесь родились выдающиеся татарские ученые: Г.Курсави, Ш.Марджани, поэты и писатели: Г.Тукай, Г.Ахунов, Т.Минуллин. Татарские усадьбы обследовали экспедициями И.Воробьева, Гайнутдинова, Ф.Валиева, С.Айдарова, специалисты Тат. СНРУ (реставрационного управления) под руководством Р.Билялова собрали богатый этнографический материал.

В результате обобщения опыта можно выделить основные принципы обустройства и поселения татар. Селения татар с XVI века располагались в низинах, вдоль ручья. Татары редко ставили свои поселения у колодцев, а всегда у текучей воды, иногда даже небольшого ключа. Основной ячейкой в старой татарской деревне является круг, замкнутый или нет, застроенный со всех сторон и имевший

¹ Мусина К.И. ГИД по Старо-Татарской слободе. Дом Муллина. //Дизайн и новая архитектура №24 2007 С.118-119.

один въезд¹. Следуя исламской традиции, характерной особенностью являлась постройка жилого дома внутри усадьбы, так что на улицу выходили только заборы. Проезжая по улицам татарского поселка, не было возможности составить представление о его постройках, ибо видны только бесконечные заборы, из-за которых выглядывали кровли домов и верхние части окон. На улицу выходили чаще всего амбары или клетки, да у богатых бани глухой стеной².

Самым интересным типом главного здания сельской усадьбы были дома «баев». Это дома, крестообразные в плане, безусловно выстроены по проектам профессиональных архитекторов. Именно этот тип дома явился прообразом городских домов.

В семи километрах от Нового Кырлая Арского района РТ, родины поэта Габдуллы Тукая, где были восстановленными три усадьбы муллы, середняка и бедняка и деревянная мечеть, находится село Большие Менгеры, известное с XVI века. Усадьба Бакирова в с. Б.Менгеры, была построена купцом-миллионером Бакировым в 1838 году. Проект реставрации был выполнен автором в 1990 году. Двадцать лет назад усадьба, с территорией окруженной руслом речки Ишит с бьющими из четырех источников (тат. чишмя) ключевой водой, находилась в удовлетворительной сохранности. Деревянный двухэтажный, Т-образный в плане дом с мезонином над средней частью поражает своими масштабами. Кроме жилого главного здания на территории сохранилась каменная лавка – магазин. Вероятно, постройка проводилась по проекту архитектора, использовавшего традиционную трехчастную схему организации жилых помещений. Первый этаж – кухня, помещения для прислуги, кладовые и т.д. Второй этаж – жилой, справа и слева между ними сени. Вход организован с южного фасада – в прихожую, слева лестница на второй этаж. В декоративном оформлении дома использована ордерная структура. Развитый карниз мезонина разделен двумя полуциркульными нишами и поддерживается тремя парами (на южном) и двумя парами (на боковых фасадах) цилиндрических колонок. В полукруглые плоскости

¹ Гайнутдинов И.Г. Сельская усадьба казанских татар середины XIX века. //Архитектурное наследство, 1983, №31.– С. 57-65.

² Гайнутдинов И.Г. Сельская усадьба казанских татар середины XIX века. //Архитектурное наследство, 1983, №31.– С. 57-65.

ниш вписаны декоративные вазоны. Основной тон фасада – темно-золотистая охра, декоративные детали были выкрашены многоцветно в белые, зеленые, голубые тона. На фризе и внутри фронтонов сохранилась живопись – букеты цветов и гранатовые плоды.

В интерьерах сохранились трехмаршевые «висячие» лестницы с декоративными элементами ограждений, ажурные решетчатые двери на женской половине, на стенах – остатки обоев, на потолке – лепные орнаментальные розетки. В сложные рамы вставлены цветные стекла. В одной из комнат сохранились фрагменты рояля известной немецкой фирмы конца XIX века. Многосложный и многоцветный интерьер этого здания требует особого описания в специальной статье.

В соседнем с Б.Менгерами в старинном торговом татарском селе Б. Агня сохранилась усадьба Гатауллы Даутова – вт. пол. XIX века. После проведенных реставрационно-восстановительных работ под руководством автора в 1991, а затем в 2000 годах, можно говорить об усадьбе в настоящем времени. Комплекс сохранившихся усадебных строений состоит из двухэтажного жилого дома с мезонином, сарая для упряжи и экипажей, кладовых, бани, магазина, забора, двух ворот (на чистый и хозяйственный двор). Жилой дом – главная и наиболее интересная постройка комплекса. Расположен в глубине усадьбы, главный фасад ориентирован на юго-восток. Здание представляет собой образец исламского жилища с мужской и женской половинами с выделенными входными группами. Каждый из семи входов в здание акцентирован декоративными крыльцами. Дом Т-образный в плане, сруб-шестистенник, с выступающими в сторону двора сенями. Крыши дома и мезонина двускатные, фасады обшиты тесом. Наличники в виде оклада, подкарнизная доска с резным узором, поддерживается резными кронштейнами. Все фронтоны дома и мезонина идентичны – треугольный тимпан с полуциркулярной фронтоной нишей декорирован круглыми спаренными колонками с невысоким ограждением из балясин. Карнизы широкие трехступенчатые большого выноса. Фронтонные карнизы более узкие, что позволило устроить «ложную галерею» на высоте третьего этажа.

В Интернете появилось сообщение, что в г. Арске этим летом открылся музей Заказанья. Было бы логично открыть филиалы этого музея и показывать не только бытовые предметы и живописные по-

лотна-фантазии современных художников, но и сделать объектами показа и восстановленные старинные усадьбы.

Сегодня мы готовы не только обсуждать и изучать, но и участвовать в возрождении материальной истории нашего народа. Поднятая нами тема сохранения архитектурного наследства своевременна, по сообщению агентства «Татар-информ» от 18 апреля 2011 года, произошли важные подвижки в судьбе исторической территории - Старо-Татарской слободы. После ряда встреч мэра Казани Ильсура Метшина со старожилами Старо-Татарской слободы и представителями ВООПИиК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) возобновилась работа по возрождению этой территории. Определены первоочередные работы, включающие благоустройство Юнусовской площади и организацию музея Старо-Татарской слободы. Остается надеяться, что к 2013 году – году Универсиады жемчужина национальной архитектуры Старо-Татарская слобода будет возрождена и будут созданы благоприятные условия для развития культуры и образования, туризма, торговли и ремесла.

Сегодня слобода продолжает жить своей жизнью – открылись мечети, медресе, работают магазины, сувенирные лавки. Но пока единственным примером сохранения национального наследия в Казани является небольшая усадьба дома-музея К.Насыри по ул. Парижская Коммуна 35, где воссозданы этнографические интерьеры, работает выставочный зал, разбит сад с беседкой, сотрудники музея заботливо ухаживают за плодовыми деревьями и цветниками.

А.А. Мухамадеева

КУЛЬТУРА МИРА В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Из века в век люди проклинали войну – когда она приходила извне и прославляли войну, когда ее несли вовне. Война была социальной нормой. Идеями европейского мира на заре XX века в «легкой форме» увлеклись Николай II и Вильгельм, но и лидеры ведущих держав, и общества всех стран, вовлеченных в Первую Мировую войну, были охвачены энтузиазмом. И лишь через год наступил настоя-

щий цивилизационный надлом. Но и после этого романтизация войны не прекратилась¹.

Ныне война вышла из ее прежних церемониально-дипломатических «берегов» и превратилась во всеобщее постоянное состояние. Среда анонимной силы состояния войны – «виртуальный мир электронных коммуникаций и шоу-бизнеса, придающих насилию и уничтожению заведомо ирреальный, игровой характер», – полагает В.Малявин². Эта траектория изменения характера войны заставляет обратить взоры на антипод войны – мир. При каких условиях, на каких путях возможно торжество культуры мира?

Думается, условием состояния мира является изменение сознания в пользу равноправия цивилизаций. На протяжении тысячелетий мировые культуры развивались в алгоритме сосуществования социокультурных полюсов Запада и Востока. Роль Востока в мировой истории традиционно очерчивалась учеными – гуманитариями сквозь шоры версии об изначальной стагнационности алгоритма его развития. Такая призма изучения социального, культурного и политического опыта деформировала панораму цивилизационных обретений и оценок. В Новое время Запад действительно являлся поставщиком инновационных технологий и был аккумулятором мировой научно-технической мысли.

Однако так было не всегда, и греческие (европейские) мыслители в древности воспринимали знания от жрецов Египта. Благодаря китайской мысли появились на свет бумага, порох, компас, корабельный руль, часовой механизм. От арабов к европейцам перешли алгебра, химия, оптика, астрономия. В числе понятийных дихотомий, имеющих отношение к методологии анализа коллективной памяти, ключевое место занимает дискурс Запад-Восток. Стереотипное восприятие Запада как эталона прогресса и инициатора научно-технических прорывов ныне уступает место иным представлениям. Наметились очевидные надрывы в лидерской миссии Запада: активно развивающиеся экономики Востока обозначили наступление Азии, и отставание по основным экономическим показателям от золотомилли-

¹ Глазгачев С. Война никогда не кончается // Русский журнал / ВОЙНЫ XX ВЕКА. М., 2004. С.7-8.

² Малявин В. Состояние войны // Там же. С.174.

ардной когорты Запада сокращается. Направленность мировых коммуникаций может вскоре принять принципиально новые очертания¹.

Зачатки идеи культуры мира возникли в недрах древности. В условиях средневековья она обрела некие формы концептуальности. В Новое время она получила статус научного направления в мыслительной схеме человечества. Но новейшая история показала, насколько хрупки идеи культуры мира в сознании и практической деятельности людей. Возникает вопрос, почему же они столь слабо закрепились в памяти человечества?

Если учесть относительность наших представлений о реальной истории человечества, многие понятия и определения исторических процессов выстроятся в один ряд: культура, цивилизация, глобализация... Современный мир территориально сжался. Начало этому процессу положила эпоха Великих географических открытий. С конца XV по XVIII в. мир пространственно замкнулся, а геоцентрические взгляды на мир уступили место гелиоцентрическим. Ю.Гагарин окончательно завершил процесс экстенсивного освоения человеком планеты². Наступило время осмысления всеобщности взаимосвязей.

Ответ на вызовы глобализации связан с сохранением народами мира своей идентичности. История межконфессиональных контактов в Поволжье подтверждает факт, что мозаичность исторических и культурных традиций не является препятствием для диалога цивилизаций. Именно в таком режиме может функционировать культура мира. Диалог культур, их позитивное заинтересованное взаимодействие служат способом продвижения вперед по пути к новой культуре мира³.

Утверждение культуры мира как единственной альтернативы культуре войны означает всемирную ценностную революцию, своеобразный тектонический сдвиг в ценностях и идеалах человечества. Идея культуры мира, разработанная под эгидой ЮНЕСКО и положен-

¹ Якунин В. Глобализация и диалог цивилизаций // Свободная мысль. 2010. №3. С.87-88.

² Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. М., 2005. С.197, 164.

³ Коршунова О.Н. Межэтнические и межконфессиональные коммуникации в Среднем Поволжье в Новое время: исторический опыт и особенности // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып.2. Казань, 2011. С.293.

ная в основу масштабной международной программы, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН, принадлежит к числу тех идей в истории человечества, которые принято называть духовными озарениями, духовно-нравственными прорывами. Такие идеи несут в себе огромный созидательный заряд, потенциал силы, способной переломить развитие событий и процессов, преобразовать облик мира принципиально¹.

В сентябре 1997 г. 52-я сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций рассмотрела доклад Генерального директора ЮНЕСКО о воспитательной деятельности в рамках проекта «На пути к культуре мира», подготовленный в соответствии с резолюцией 51/101 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 года. В этом документе говорилось: «Культура мира, основанная на самом широком и позитивном понимании мира, является сочетанием ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, видов поведения и образов жизни, которые отражают и поощряют:

(а) уважение к жизни, людям и всем их правам;

(b) отказ от любых форм насилия и приверженность делу предупреждения насильственных конфликтов путем устранения в корне причин их возникновения и решения проблем посредством диалога и переговоров;

(с) признание равных прав и возможностей мужчин и женщин;

(d) признание прав каждого на свободу выражения мнений и убеждений и на получение информации;

(е) приверженность принципам демократии, свободы, справедливости, терпимости солидарности, сотрудничества, плюрализма, культурного разнообразия, диалога и взаимопонимания между народами, этническими, религиозными, культурными и другими группами и между отдельными людьми;

(f) приверженность принципам социально ориентированного общества, которое охраняет права слабых путем принятия последовательных и долгосрочных мер, направленных на развитие, и центре которого стоит человек и которое основано на взаимной поддержке;

¹ Тагиров Э.Р. Культура мира – идеология развития человечества. Казань, 2004. С.10, 62.

(g) приверженность всестороннему участию в процессе справедливого удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений в области развития и окружающей среды».

52-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, которая провозгласила 2000 год Международным годом культуры мира. Культура мира возникла как единственная возможность выживания и развития, как необходимый противовес войне и насилию. Идея нового видения мира – концепция «Культура Мира» («Culture of Peace») означает на русском языке искусство, умение, культуру жить в мире.

Культура мира – динамичная инициатива, направленная на переход от логики силы и страха к этике ненасилия, к логике разумного поведения, взаимного уважения и любви. Цель культуры мира не устранение конфликтов как таковых, а построение такого мира, в котором бы их урегулирование осуществлялось на основе системы нравственных ценностей¹.

В течение 1990-х гг. на ряде международных конференций, проходивших под эгидой ООН, были выдвинуты важнейшие цели и задачи глобального развития. На саммите тысячелетия (2000 год) представители 189 государств, в том числе 147 глав государств приняли «Декларацию тысячелетия». В ней выражена озабоченность проблемами безопасности развития мира, признается, что прогресс может быть достигнут только на основе принципов устойчивого развития при экономическом росте, сфокусированном на решении проблемы бедности и обеспечении прав человека. Все страны-члены ООН – 191 государство – взяли на себя обязательство достичь «Целей развития тысячелетия» к 2015 г.

Процесс глобализации, несмотря на протесты антиглобалистов и даже «мейнстрима» (политиков, ученых, журналистов), ныне стал по существу безальтернативным. Государства перестали быть монополистами на мировой арене. В этих условиях ООН осуществляет не только дипломатическую деятельность. В центр ее внимания выдвинулась оперативная деятельность. Это относится и к четырехкратному разрастанию масштабов ооновской миротворческой деятельности: под

¹ Алексеев Г.В. Формирование культуры мира Организацией Объединенных наций // ООН: задачи и механизмы: Сб. науч. статей / Под ред. К.К.Худолея, Н.А.Васильевой, В.А.Троицкого. СПб., 2011. С.54-55.

голубым флагом собраны силы в составе более 120 тыс. человек¹. За инициативами, пролагающими русло культуре мира, кроются века насилия и войн. Это негатив коллективной памяти должен звучать призывным набатом, зовущим к переформатированию как международных отношений и миропорядка, так и торжеству ментальных миротворческих установок.

Обозревая историю войн и революций, невольно поддаешься соблазну приписать человечеству имманентную приверженность силовому фактору политики. Силовые ресурсы применялись как для решения внутренних проблем развития сообществ и государств, так и международных конфликтов, в том числе тех, участниками которых двигали гегемонистские притязания и амбиции. За 5-6 тысяч лет истории цивилизации на планете произошло примерно 15 тысяч войн, унесших более 3,6 млрд. человеческих жизней – это больше, чем численность всего население Земного шара в 1970-х гг.² Основатель современной социологии Питирим Сорокин подсчитал, что за 24 века истории человечества на четыре мирных года приходился один год, сопровождающийся насильственными действиями – социальными конфликтами.

В этой связи идею культуры мира необходимо причислить к концептуальным озарениям. Ее реализация предполагает радикально изменить стереотипное восприятие истории конфликтов и войн.

«Умиротворение истории» предполагает ориентир на первичность культуры и духовности, которые должны стать высшим приоритетом. Фактор гуманитарной составляющей жизни лежит и в основе исторического прогресса, и величия стран. Конфликтогенность и нестабильность социумов находится, как правило, в обратно пропорциональной зависимости от их культуры. Не случайно западное сообщество реагирует на свои военно-технологические и информационные упущения и отставания методом интеллектуально-образовательной интервенции. Культурные и научные революции – лучший способ достижения стратегических преимуществ. Учитывая возрастающую роль культурного фактора развития, ЮНЕСКО определила XXI столе-

¹ Высшая школа в XXI веке: усиление влияния на национальное и мировое развитие. Казань, 2011. С.23.

² Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: столкновение цивилизаций? М., 2003. С.334.

тие как век гуманитарной интервенции в сферах образования, науки, культуры и информации.

Многочисленные войны – причина гибели миллионов людей, разрушения материальных ценностей, утраты интеллектуальных и культурных достижений людей сопровождалась милитаризацией мышления. Стереотип восприятия военной доблести как одного из главных достоинств личности должен уступить место идеалу гармонично развитой личности, «встроенной» в формат мироустройства, основанного на идеалах сотрудничества и равноправия. Именно к такому идеалу вызывает коллективная память о событиях и исторических процессах, так или иначе включенных в формат проблемы войны и мира.

Первопричиной планетарного цивилизационного кризиса, в котором мир, переживший катастрофы двух мировых войн, оказался на рубеже XX-XXI веков, кроется в «культуре войны» и в «культуре насилия». Ныне культура войны все больше воспринимается как архаичная, но не без большого сопротивления утверждается и культура мира.

История формирования и развертывания процессов глобализации свидетельствует, что многополярный мир превратится в геодиверсификацию лишь при условии, что народы смогут реализовать свои интересы и сохранить уникальность культуры, чьи традиции будут включены в геополитическое пространство многополюсного мира.

А.Б. Пичугин

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Раннефеодальное государство Волжская Булгария было полиэтническим сообществом. Происхождение Волжских болгар до сих пор нельзя считать окончательно установленным. Имея в руках различные материалы, в частности, наречия переселенцев, проливающие свет на малоизученную область булгароведения, известный историк и лингвист конца XIX- начала XX вв. Н.И.Ашмарин¹ составил свод истори-

¹ Ашмарин Николай Иванович (1870-1933) – тюрколог и чувашевед, доктор тюркологии, профессор, основоположник современного чувашского языкознания, член-корреспондент АН СССР.

ко-лингвистических источников и этнолингвистических свидетельств культурных контактов народов Волжской Булгарии. Известно, что язык народов выступает ценнейшим фиксатором исторической памяти. На протяжении всей научной деятельности Н.И. Ашмарин собирал, описывал произведения разных жанров чувашской устной словесности, изучал религиозно-обрядовые основы чувашской народной культуры, анализировал особенности чувашских диалектов и говоров. Мировую известность ему принес 17-ти томный труд «Словарь чувашского языка», который вобрал в себя огромное богатство устно-поэтического творчества чувашского народа. Автор грамматики чувашского языка, книг «Материалы для исследования чувашского языка», «Опыт исследования чувашского синтаксиса», «Болгары и чуваша» и др.

На основе историко-лингвистического изучения, расширяя представление о чувашском языке, Ашмарин отождествлял чувашей и болгар, как волжских, так и дунайских. Труд Ашмарина «Болгары и чуваша» говорит о глубоком знании чувашской топонимики. Гипотеза о родстве чувашей и их предков болгар, по мнению А.А.Куника, убедительна и подкреплена вескими аргументами¹.

По свидетельству дошедшего до нас списка болгарских князей, болгары вплоть до последней четверти VII в. жили на левом берегу Дуная, в углу, образуемом этой рекой и рекой Днестр. Отсюда они совершали набеги на придунайские земли. Около 635 г., болгарский князь Кубрат освободил свой народ от владычества Аваров, которые в 623 и 626 г.г. угрожали даже Константинополю, изгнал аварские войска. Новый период болгарской истории начинается при князе Исперихе (Асперухе), при жизни которого болгары перешли через Дунай и покорили живших в Мизии славян.

В интерпретации Н.И.Ашмарина тюркский народ болгар, занимавший территорию между реками Дунаем и Днестром, перешел на правый берег Дуная, покорив славян Мизии, переживавших догосударственный этап развития. Так было положено основание первому болгарскому государству. Впоследствии из-за малочисленности, болгары «ославянились», причем имя завоевателей перешло на побежденную ими славянскую народность. Ашмарин считает это началом

¹ Гордлевский В.А. Памяти Н.И.Ашмарина: К 85-летию со дня рождения // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып.14. С.168-276.

процесса становления первого Болгарского государства, которое впоследствии получит название Болгари.

Второе Болгарское государство, по словам Ашмарина, было основано на севере болгарскими племенами, которые, оставшись на своей родине, стали расширять свою территорию вверх по течению Волги. Известия об этом государстве относятся к X в., когда упоминается о первых контактах волжских болгар с арабским миром. Первые сведения о контактах в районе слияния Камы и Волги относятся ко времени правления готского короля Эрманариха. В 350 г. он подчинил своей власти, в числе других народов, под именами которых, по мнению академика Куника, возможно понимать современных финских мордвин, вымершую, но без сомнения очень близко стоявшую к финским чермисам мерю, и наконец, самих чермисов, которые сами себя называют мари, а у чувашей называются сармисс (сармыс). Что касается болгар и чувашей, то о них у Иордана, писавшего свои труды в середине VI в., никаких известий нет. Эти племена тогда ещё не появлялись в местах более позднего поселения и пришли туда, по мнению Куника - вероятно, тогда, когда авары подчинили себе часть болгар, или когда возроставшее могущество хазар стало угрожать им.

На основании отрывочных заметок Ибн-Фадлана можно заключить, что в X столетии волжские болгары представляли собой сильный оседлый городской народ, имевший развитые торговые отношения со многими странами. Волжские болгары исповедовали ислам, управлялись государем. Однако о племенном происхождении волжских болгар восточные писатели сообщают нам не совсем достоверную информацию, что порождает многочисленность предположений.

Греки обозначали Волжскую Болгарию как «чёрную», арабы называли её внутренней. Помимо этих названий встречаем и другие. Плано Карпини в своих заметках упоминает о булгарах трижды и всегда под двойным именем: Билеры, или Великая Булгария¹, а Рубруквис писал: «Я никогда не видел реки больше Этилии, она течет с севера, направляясь от Великой Булгарии в полуденную сторону». Под названием *Minor Bulgaria* (Малая Булгария) в средние века понимали Болгарию на Дунае. По заметкам арабских географов, «земля болгар лежала смежно с землей буртасов, находившейся между ха-

¹ Карпини П. История Монголов: путевые заметки. М., 2008.

зарскими и болгарскими владениями, на расстоянии пятнадцати дней пути от первых и жили болгары на берегу реки Итиль, которая впадает в море Хазарское (Каспийское), протекая между землями хазарской и славянской».

Согласно тем же записям, болгары делились на три группы, из которых первая группа называлась Берсула, вторая Эсегель, а третья Болгар. Причем все они жили в одной местности. О том, что между волжскими булгарами существовали разные племена, свидетельствуют и русские летописи, упоминаящие их под разными названиями. Н.И.Ашмарин предположил, что эти названия служили индикаторами отличия частей одного и того же народа в географическом аспекте, по именам рек, местности и что племенные отличия этих групп могли быть совсем незначительными.

Из арабских источников, по мнению Ашмарина, следует, что территория страны болгар состояла из болотистых местностей и дремучих лесов. Успешность торгового дела земледельческого народа болгар была обусловлена географическим фактором. Удачное расположение городов Булгарии - черноземные почвы, леса, обилие рек, делали эту страну одной из главных и транзитных государств-экспортеров и импортеров товаров из Ближнего Востока в Европу и обратно. Транзит грузов проходил как по рекам Кама, Вятка, Волга, так и по караванным путям – из Болгар в Хорасан. Н.И.Ашмарин приводит в пример записки Мукаддаси¹ в которых перечисляются товары, ввозимые в город Болгар и вывозимые оттуда: «Меха соболя, беличьи, горностаевые, куны, лисьи, бобровые, заячьи; козьи шкуры, воск, стрелы, крупную рыбу, шапки, рыбы зубы, бобровую струю, янтарь, юфть, медь, орехи лесные и грецкие, мечи, кольчуги, березовый лес, невольников из славян, овец и рогатый скот».

Часть этих товаров привозилась в Болгар из Руси, земли Буртасов, Веси и Муромы. Н.И.Ашмарин предполагает, что пушнину болгары добывали на крайнем севере, торгуя с племенами, называвшиеся Югрою путем обмена на железные изделия. Так, Абу-Хамид Аль-Андалуси сообщает в своих записках о торговле болгар простыми грубыми клинками, которые закупались в странах Ближнего Востока и привозились к северному племени юра (югре). Кожаные изделия из-

¹ Ал-Мукаддаси. Наилучшее разделение в познании климатов. М., 1994. С. 253.

вестные всему Востоку и даже Европе продавались под брэндом «булгарских». Изучение археологического материала начала XIX конца XX вв. позволяет выявить целый комплекс проблем, связанных с процессом экономического развития государства, в частности, металлургии, уровень развития которой был достаточно высок.

Булгар являлся крупным центром производства изделий из цветных и драгоценных металлов. При этом у ремесленников и мастеров были свои меднорудные месторождения, которые располагались относительно недалеко от мест производства. Такие места по добыче руды находились вдоль Уральских предгорий от Соликамска до Оренбургской области, а также по Каме и Средней Волге почти до Чебоксар¹. Н.И.Ашмарин делает в этой связи ремарку, что «железо болгарских находок до того хорошо, что нынешние кузнецы очень охотно употребляют его для различных работ»². Он сообщает, что в некоторых местах Спасского уезда сохранились до XX в. следы древних рудников.

В стране волжских болгар было несколько крупных городов. Названия некоторых из них дошли до нашего времени. По мнению Н.И.Ашмарина, столицей болгарского государства был город, известный в русских летописях под именем Великого Города. Существует два предположения места столицы. Одни Историки отождествляют столицу с местом у села Болгар, другие – город Биляр (Буляр). Н.И.Ашмарин приводит свидетельства некоторых арабских географов. Арабские географы утверждали, что Булгар и Биляр это один и тот же город. По его же свидетельству, название Биляр вместо Булгар, было известно уже в XII в., и имя это считалось тогда туземным по происхождению. Булгарский историк Якуб-ибн-Нуман сообщил навещавшему его Андалуси, что название Биляр их город получил от некоего Биляра, который ввёл у них мусульманство, и что это первоначальное имя впоследствии было арабизировано, войдя в обиход под именем Болгар.

По словам востоковеда Хвольстона, данная гипотеза не имеет под собой почвы: «В действительности было два разных города, названия которых, благодаря подобным созвучиям, подали естественный

¹ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. №172. С. 37.

² Ашмарин Н.И. Болгары и Чуваши. Казань, 1902. С. 9.

повод к их смешению». Н.И.Ашмарин приводит в пример китайские источники, в которых страна или столица болгар именуется названием *Buliarh*, то же название читается на одной географической китайской карте XIV в. Плано Карпини знал Булгарию под обоими названием, а в Венгрии выходцы из Волжской Булгарии были известны под именем *bileres*. Шпилевский считал столицей Биляр. Это мнение Н.И.Ашмарин находил небеспочвенным, аргументируя данную позицию утверждениями Мукаддеси, что Болгар лежит у реки Итиль и находится ближе к морю, чем столица. По мнению Ашмарина, здесь говорится о столице Буляр, действительно более удалённый от Каспия, чем Болгар. Развалины предположительной столицы Волжской Булгарии лежат, по утверждению Ашмарина, возле нынешнего пригорода г. Чистополь у села Билярск¹.

Недалеко от Болгара, по сообщениям арабского писателя Эль-Балхи², располагался болгарский город Сувар. Кроме Болгара и Сува-ра персидская рукопись называет третий большой город в Булгарии – Асбаль или Эсбель. У персидского писателя XII в. Ахмеда Туси приводятся названия еще нескольких укрепленных городов Муром, Марха, Арнас. Эти названия, по Ашмарину, лингвистически родственны современным названиями чувашских деревень Сатра-Марка (Сатра-Марга), Арняш. Так историческая память закрепились в топонимике и языке.

Помимо «Великого Города», под которым, Ашмарин подразумевает Биляр, он также упоминает города Бряхимов, Керемчук, Тухчин и Ошель, следы которого Георги указывает близ села Кирельское в устье реки Кирелки.

Мукаддеси упоминает еще об одном городе в стране болгар, имени которого в рукописи Хвольстон разобрать не мог. По словам Мукаддеси, этот город лежал на одном берегу реки и был больше обоих упомянутых выше городов Болгар и Сувар. Жители, пишет Мукаддеси, «которые сперва были евреями и потом сделались мусульманами, когда-то уходили к берегу моря, но теперь возвратились в город». Как ни сомнительно это известие, говорит Хвольстон, «тем не менее оно все-таки любопытно; во-первых по тому, что мы видим из

¹ Там же. С. 20.

² Аль-Балхи. Книга видов земли. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских / пер. А.Я.Гаркави. СПб., 1870. С. 275.

повествования, как далеко распространилась еврейская религия, предположительно из Хазарии, а во-вторых, по тому, что узнаём из выше сказанного, как болгары удалялись к берегу моря и во время Мукаддеси вернулись на своё прежнее место обитания. Это переселение можно сопоставить с набегом руссов в 968г. и принять за последствия набега». Этим же страшным набегом руссов при Святославе, Хвольстон объясняет переселение мусульманских приволжских болгар в Венгрию около 970 г. Там им были отведены места для поселения на левом берегу Дуная, где они основали город Пешт. Эти переселившиеся из Булгарии мусульмане назывались в Венгрии билерами (bileres), т.е. болгарами и исмаилитами (Hismahelitae de terra Bulgar), т.е. мусульманами; впоследствии они играли в Венгрии важную роль в качестве откупщиков и управляющих финансами; несмотря на всевозможные гонения и притеснения, следы существования их доходят до половины XIV в.

О предположительном времени принятия ислама булгарами - 922 г. сообщали мусульманские писатели. Сделавшись адептами новой религии, волжские болгары зарекомендовали себя ревностными мусульманами. Так, согласно русской летописи, перед самым монгольским нашествием они бесчеловечно умертвили купца-христианина, не желавшего отречься от своей веры. Однако в этих сведениях можно усомниться. При значительном раздроблении народа по областям и уделам, религия булгар, как об этом свидетельствуют многие арабские источники, не могла быть общей. В то время, как часть булгар исповедовала ислам, другая часть пребывала в своей старой религии, сохраняя обычаи своих предков. Среди булгар были так же и христиане. Поэтому описанное в летописи убийство на религиозной почве, очевидно, имело политическую подоплеку. Булгары в большинстве источников позиционируются как миролюбивый и кроткий народ, и только невозможность спокойной жизни с воинствующими соседями заставляла их покидать свои мирные занятия и поднимать оружие в порядке защиты. Ели булгары и старались занять тот или иной чужой город, это делалось ими из соображения приобрести выгодный торговый пункт для расширения своей деятельности¹.

¹ Лихачев А.Ф. Скифский след на биярской почве // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1884.

Таким образом, благодаря Н.И.Ашмарину-лингвисту и филологу мы открываем очередную страницу истории государственности волжских болгар, созданной средствами лингвистики и филологии. В трудах Ашмарина-ученого прослеживается лингвистический алгоритм; имена и названия той или иной местности могут тесно перекликаться, выявляя тесную взаимосвязь между народами. Ашмарин попытался найти общее ядро родства двух народов - татарского и чувашского путем актуального и поныне лингвистического метода.

Единомышленником Ашмарина выступил М.П.Петров-Тинехли. Он вывел проблему на политический уровень. Михаил Петрович – известный чувашский ученый и общественный деятель начала XX в., которому суждено было впоследствии стать жертвой кампании против «буржуазного национализма» (1937 г.) Поставив вопрос о национальной самобытности чувашского народа и придерживаясь идеи преемственности наследия волжских болгар чувашами, ученый обозначил свою оппозиционность марксистско-ленинскому учению в формате его трактовки ортодоксальными советскими историками. Большим диссонансом с материалами уголовного дела являются личные материалы М.П.Петрова, характеризующие его как выдающегося деятеля науки и культуры, озабоченного судьбой чувашского народа и поисками его идентичности.

В деле представлены письма к Петрову различных деятелей науки с обсуждением насущных этнографических исследований. Имеются письма Н.Н. Поппе, известного лингвиста и этнографа (обмен мнениями о чувашско-венгерских национально-культурных связях) и венгерского тюрколога Дюлы Мессароша, автора книги «Памятники старой чувашской веры» и «Сборника чувашского фольклора» и др. По наблюдениям исследователя животноводства Я. И. Хавесона, высказанным в письме по ряду морфологических особенностей костного материала черепов аборигенных свиней Чувашии, а также по ряду важнейших их индексов, можно заключить, что они «весьма схожи с черепами диких кабанов Тянь-шаньского нагорья и Китайского Туркестана (например, с Хотан-дарьи и Ния-дарьи), а также напоминают черепа из Венгрии». Из этого он делает вывод о том, что предки чувашей – болгары «восходят к народу много веков обитавшему в обширной, но достаточно изолированной области между Куэнь-Лунем и Тянь-Шанем. Можно думать, что это был земле-

дельческий народ, ибо приручением кабанов кочевники не занимались»¹.

В 1924 г. была опубликована статья Н.Н.Поппе «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам». Она была представлена и рецензирована академиком С.Ф.Ольденбургем на заседании отделения Исторических Наук и Филологии. Статья была выдержана в духе «сравнительного анализа». Она склонялась по своему версионному наполнению к теории Ашмарина. Н.Н.Поппе анализирует болгарский язык по текстам надгробных надписей XIV в. славяно-болгарского именника². Вывод о близости чувашского языка с болгарским на основании анализа надгробных надписей был одобрен Н.И.Ильминским³. Выводы Ашмарина были приняты и известным востоковедом В.В.Радловым.

Таким образом, версия Ашмарина позволяет утверждать, что ранняя болгарская эпиграфика имеет корни чувашского языка. В дальнейшем она нашла поддержку таких видных ученых как Радлов, Петров-Тинехли и др. В данной теории прослеживается взаимодействие двух культур: ранне-болгарской и арабской.

С.В. Постников

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА
НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ**

Русский язык в XX веке в СССР был поистине языком межнационального общения. Народы всех 15-и национальных республик, составляющих его, могли на нем изъясняться, общаться на нем между собой. Мало того, большинство народов Советского Союза постепенно переводили на кириллическую основу родной письменный язык. Это значительно упрощало не только межъязыковые отношения, но и ощутимо влияло на интеграцию экономик, культур, отношений в политико-правовой и моральной сферах. Одним из языков, получивших новую грамматику в советский период, был узбекский язык.

¹ <http://www.gia.archives21.ru>

² Березин И. Болгар на Волге. СПб., 1852. С.36.

³ Ильминский Н.И. О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками // Известия Русского археологического общества. Т.V. Вып.2. СПб., 1865. С. 80.

Еще задолго до экспансии арабской культуры в Средней Азии существовала своя развитая письменность, в частности, хорезмийская и согдийская. Вместе с исламом, арабы, пришедшие на Средний Восток, стали внедрять и свой алфавит. Местные письменности постепенно вытеснялись. Официальным книжным языком постепенно стал арабский. Число букв в нем было 32.

Ослабление арабского политического влияния положило начало многочисленным реформам литературного староузбекского языка. В реформировании языка принимали участие виднейшие мыслители, ученые Средней Азии. Среди них великий поэт Алишер Навои (1441–1501) и знаменитый писатель и военачальник Захиреддин Мухаммед Бабур (1483–1530). Однако череда политических деформаций не позволила им закончить начатые реформы.

Уже во 2-й половине XIX в. предпринимались попытки коренным образом реформировать арабскую письменность во всех тюркоязычных областях Российской империи. Одним из виднейших реформаторов в этой области был азербайджанский мыслитель и писатель Мирза-Фатали Ахундов (1812–1878).

Ведя свою реформаторскую работу в области письменности, под влиянием нарождающегося джадидского движения, М.-Ф. Ахундов скоро пришел к мысли о необходимости полностью заменить арабский алфавит. В 1871 г. в своем письме к другому реформатору арабского алфавита – Мальком-хану он писал: «Если весь мир вооружится против перемены мусульманского алфавита на новый и будет действовать против этой перемены, я буду еще настойчивее действовать и доказывать необходимость перемены алфавита, ибо вопрос о перемене – истина»¹. Ахундов предложил новый, своеобразный алфавит на базе русского и латинского. В основу он положил русский алфавит, пополнив его некоторыми знаками латинского.

В Узбекистане с начала XX в., усилиями джадидов (Фитрат, Ниязи и др.) создается литературный язык на основе ферганского диалекта. После Октябрьской революции в России и образования Узбекской ССР проблема реформирования узбекского алфавита поднималась несколько раз.

В соответствии с ленинской национальной политикой работы по созданию новых систем письма народов СССР были начаты уже с

¹ Кары-Ниязов Т. Н. Размышления о пройденном пути. М., 1970. С. 178.

20-х гг., т. е. почти сразу уже после окончания гражданской войны. «Новые системы письма создавались для всех народов СССР, совсем не имевших письменности или же имевших письменность, построенную на чуждой их языкам арабской основе»¹. В первую очередь следовало разобраться, какой из диалектов следовало принять как основной, а от какого отказаться вовсе: до 1921 г. «узбекский» и «сартский» языки рассматривались как два диалекта одного языка. В основу орфографии обоих диалектов был положен принцип сингармонизма (соблюдение в основах и суффиксах чередования твердых и мягких гласных).

После 1921 г. советская власть закрепила само понятие «сарты» как уничижительное. Было декретивно объявлено, что отныне всё население Туркестана должно именоваться «узбеками». Тем не менее, в 1924 г. стандартной литературной нормой был избран именно сартский иранизированный диалект.

Что касается проблемы написания нового узбекского языка, то обосновывалась идея перехода на латинизированный алфавит. В 1926 г. IV сессия ЦИК Советов Узбекской ССР приняла решение образовать Центральный комитет нового узбекского алфавита. Работой этого Комитета руководил председатель ЦИК Советов УзССР Ю. Ахунбабаев. Одновременно такие же комитеты были созданы при местных исполкомах. В 1927 г. эта работа приняла государственное значение: был организован Всесоюзный центральный комитет нового алфавита.

В 1928 г. ЦИК Узбекской ССР постановил: «1) Окончательным сроком перехода в пределах УзССР узбекской письменности с арабского на новый латинизированный алфавит установить 7 ноября 1930 г.; 2) Делопроизводство узбекской части во всех центральных и окружных советских учреждениях и общественных организациях перевести на новый латинизированный алфавит с 1 декабря 1929 г.»² В дальнейших постановлениях давались конкретные указания, обеспечивающие полный переход к новой письменности.

¹ Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху // Вопросы языкознания. 1957. № 5.

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-дехканского правительства УзССР. Ташкент, 1928. С. 1151.

Латинизированный узбекский алфавит имел девять букв для обозначения гласных звуков.

По ряду объективных причин латинизированный алфавит не удовлетворял ни требованиям советского государства, ни запросам узбекского народа. Среди этих причин можно назвать:

1. ускоренное развитие национальной культуры и развернувшееся культурное строительство в СССР,
2. влияние русской культуры на развитие культур народов СССР, их взаимообогащение,
3. постоянное общение этих народов с русским народом,
4. требования в области делопроизводства и т. д.

В конце 30-х гг. в ряде национальных республик, в том числе в Узбекистане, началось широкое движение по переходу с латинизированного на русский алфавит. Разработкой вопросов узбекской письменности и орфографии занимался будущий академик АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов. Объясняя свое участие в этом деле он пишет: «Дело в том, что, во-первых, вопрос о замене узбекской письменности новой, удовлетворяющей запросам культурной революции, я считал настолько важным, что никак не мог стоять в стороне, когда началось его обсуждение; во-вторых, выступая по этому вопросу на страницах печати, а также с серией докладов перед интеллигенцией, я так увлекся, что не мог остановить себя, пока вопрос не получил надлежащего разрешения»¹.

Среди главных недостатков алфавита на латинице, реформаторами 30-х гг. приводится целый ряд причин, доказывающих его несовершенство. В частности, вспоминал о своей работе академик Т. Н. Кары-Ниязов, «фонемы *a* и *o* являются основными в узбекском языке, а в латинизированном узбекском алфавите этот факт игнорируется. Одна и та же буква *a* без всяких правил произносилась и как *a* и как *o*. Например, в слове *дона* (штука), которое писалось как *dana*, первая гласная произносилась близко к русскому *o*, а вторая – примерно как русское *a*, между тем обе эти гласные обозначались через *a*. Слово *доно* (мудрый) также писалось *dana*, и, следовательно, обе буквы *a* в нем произносились уже одинаково (близко к русскому *o*). Слово *сабаб* (причина) писалось *sabab*, т. е. в этом случае обе буквы *a* произносились примерно как русское *a*. Напротив, в слове *озод* (сво-

¹ Кары-Ниязов Т. Н. Размышления о пройденном пути. С. 175.

бодный), которое писалось *azad*, обе буквы *a* произносились близко к русскому *о* и т. д. Буква *о* в новом алфавите служила также для передачи фонемы *ö*. Например, *boldi, oldi, ot* и т. д.»¹

Таким образом, чтобы правильно прочитать нужное слово, необходимо было без всякого правила знать, как оно произносится. В тех же случаях, когда слово содержало в себе две буквы *a* или более, число догадок удваивалось. Это вносило большую путаницу и значительно затрудняло изучение узбекского языка, в особенности лицами неузбекской национальности, в том числе славянами.

Отмечался и тот факт, что «...латинский алфавит беднее русского по звуковому составу. Латинский алфавит состоит из 26 букв, многие из которых в западноевропейских системах письма часто дублируют друг друга. Русский алфавит включает 33 буквы, т. е. на 25 % больше латинского, причем ни одна из букв не дублирует другую»².

Указывалось также, что после Октябрьской революции узбекский язык впитал в себя много политических терминов (конституция, партия, революция, конференция, конгресс, кооперация, митинг и т. п.), не требующих перевода. Новые слова обогатили узбекский язык не только в лексическом, но и в фонетическом отношении. Обогащение узбекской лексики словами советского происхождения сопровождается новыми словообразованиями, появлением новых морфологических форм узбекского языка. Эти явления рассмотрены А. А. Боровковым в его работе «Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики)»³. Например, при помощи суффиксов *ci* (*чи*), *ca* (*ча*), *lik* (*лик*), *las* (*лас*) получают такие новообразования, как *kolhoz – kolhozci* (колхозник); *pulemet – pulemetci* (пулеметчик); *bolsevik – bolshevikca* (по-большевистски); *aktiv – aktivlik* (активность); *agent – agentlik* (агентство); *differensial – differensiallas* (дифференцирование); *integral – integrallas* (интегрирование) и т. д.

В дальнейшем в советском языкознании неоднократно подчеркивались эти особенности тюркских языков. «Можно отметить и из-

¹ Там же. С. 181.

² См.: Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки / отв. ред Л. П. Жуковская. М., 1988. С. 179.

³ См.: Боровков А. К. Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики) // Известия УзФАН СССР. Ташкент, 1940. № 7.

вестный ряд постоянных признаков – признаков литературных языков современной эпохи у нерусских народностей Союза. К ним будут относиться:

2. Стремление приблизить новый литературный язык к образцам массовой разговорной речи, т. е. ввести разговорную речь в литературный обиход – в противовес тому искусственному характеру письменного языка, который воспитывался литературной традицией и таит в себе зачастую наследие иной, отличной от современных народных масс диалектической среды (так, в письменном языке и у узбеков, и у туркмен, и у казахов наблюдались черты, вполне чуждые их живой речи и являющиеся наследием старого литературного языка – чжагатайского)»¹.

«В литературных языках народов Средней Азии значительное количество новых научных и общественно-политических терминов заимствовано из русского языка и через его посредство – из других языков. Узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы и другие тюркские народы усвоили ряд русских звуков, ранее отсутствовавших в их языках, что свидетельствует о глубоких процессах воздействия русского языка на эти языки. В тюркских языках народов Средней Азии с проникновением русских и советско-интернациональных слов появились новые типы слогов, изменяется природа ударения (наряду с фиксированным ударением на последнем слоге появилось разноместное ударение); расширились словообразовательные возможности и появились новые словообразовательные модели, ранее отсутствовавшие в этих национальных языках. В них изменились типы синтаксических конструкций в сторону развития сложных конструкций, характерных для русского литературного языка. Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Все это свидетельствует о сложных процессах взаимодействия языков народов СССР и особой роли русского языка в этих процессах»², – отмечали специалисты.

¹ Поливанов Е. Д. Революция и литературные языки Союза ССР // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / сост. Ф. М. Березин: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М., 1988. – С. 139.

² Виноградов В. В., Дешериев Ю. Д., Решетов В. В., Серебренников Б. А. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР // Там же. С. 502.

Позднее, уже создав один из первых «Узбекско-русских словарей» на основе кириллицы, его авторы отмечали: «После перевода узбекской письменности на новый алфавит, построенный на основе русской графики, отпала необходимость в включении в словарь большого количества слов, общих для русского и узбекского языков и понятных всем и каждому (*телефон, совет, большевик, радио, трактор* и т. п.) Из таких слов в словарь включены только производные (*большевистик, радиолаштирмақ, тракторчи* и т. п.) и отличающиеся по форме или смысловому значению от соответствующих русских слов (*патнис, самовар* и т. д.)»¹

Неопределенность с орфографией, созданной предыдущим алфавитом во многом была разрешена. «В данном словаре слова, имеющие различные диалектологические варианты (напр., *супурмоқ, шупурмоқ, сипирмоқ, шипирмоқ*) и включавшиеся ранее в словари во всех вариантах как равноправные, даны по возможности только в одном варианте, а именно в том, который указан в существующих официальных орфографических словарях как обязательный для узбекского литературного языка (напр., *супурмоқ*)»².

Следовательно, интеграция языков на тот момент была неизбежна. Становилось проще подвести под существующее написание русских слов их новых форм, чем придумывать и обосновывать звучание в незнакомом варианте.

В «Новом проекте единой орфографии узбекского литературного языка» уже констатировалась тенденция «развития узбекского языка в сторону изживания сингармонизма, а также то обстоятельство, что этот процесс изживания сингармонизма играет прогрессивную роль»³. Это было подчеркнуто и в резолюции состоявшегося в 1934 г. 1-го научного съезда по вопросу орфографии узбекского языка. Съезд внес некоторые коррективы и в алфавит, а именно: было решено

¹ Ўзбекча-русча луғат/Проф. Т.Н. Қори-Ниёзи ва проф. А.К. Боровковнинг ушумий тахрири остида / Узбекско-русский словарь / под ред. проф. Т.Н. Кары-Ниязова и проф. А.К. Боровкова. Ташкент, 1941. С.V–VI.

² Там же. С. VI.

³ Новый проект единой орфографии узбекского литературного языка. Ташкент, 1933.

уменьшить число гласных с девяти до шести, но и это полностью не решало проблемы приближения орфографии к произношению.

В мае 1940 г. III сессия Верховного Совета Узбекской ССР первого созыва приняла закон о новом узбекском алфавите. «С принятием этого закона, — пишет Т. Н. Кары-Ниязов, — узбекская письменность вступила в новую, высшую стадию своего развития, отвечающую вопросам социалистической культуры узбекского народа на данном историческом этапе»¹.

Русский алфавит был использован по максимуму: кроме букв *и* и *ы* все его буквы были сохранены в том виде и в том порядке, в каком они в нем существуют. Новый узбекский алфавит состоял из 35 букв. Для обозначения специфических звуков узбекского литературного языка были введены 4 дополнительных знака: *ў* (по звучанию между *о* и *у*), *қ* (твердое *к*), *ғ* (между *г* и *х*), *ҳ* (твердое *х*), определено, что звучание буквы *ж* должно быть двойным *дж*, дополнительную твердость звуков (как согласных, так и гласных) создавало применение буквы *ъ* и т. д. Примером специфичности звучания могут являться слова:

- *ўзбек, ўн, ўнг, бўлак, мўрча, сўм;*
- *қабул, қайси, ёқ, оёқ, озмоқ, сўқмоқ;*
- *ғайрат, ғарб, ғаяр, бағи, сўғон, сиги;*
- *ҳозир, ҳайвон, ҳаром, тарҳ, оҳор, илоҳий;*
- *жуда, жадал, жин, мажнун, ожизлик;*
- *аъло, бемаъни, жамъи, меъёрлаштирилган.*

Сбором материалов для первых словарей их проверкой и обработкой, редактированием занималась группа крупнейших филологов Узбекистана: А. Г. Иванов, Б. А. Ильязов, Ш. И. Иногамов, Б. Каримов, Х. Каюмов, И. А. Киссен, К. С. Коблов, З. Магруфов, В. К. Мединский, С. Мирзаев, А. Муталибов, Э. Наджип, С. Е. Паластров, М. Пирмухамедов, В. В. Решетов, К. Салихов, М. Сиддиков, Л. Е. Соцердотова, Н. Е. Шатого и др. Их усилиями еще в 1941 г. в Институте языка, литературы и истории Узбекстанского филиала АН СССР создается первая картотека не только слов узбекского языка на основе русской графики, но и вообще картотека первого большого узбекского словаря. Она состояла из 60 000 слов².

¹ Кары-Ниязов Т. Н. Размышления о пройденном пути. С. 185.

² Ўзбекча-русча луғат. С. V.

Споры о правильном звучании букв и отдельных слогов велись вплоть до середины 50-х гг. XX в. В мае 1952 г. для размежевания спорных вопросов в Ташкенте состоялась конференция, посвященная вопросам дальнейшего развития узбекского языкознания. Она во многом расставила точки в этой дискуссии¹. В работе конференции приняли участие педагоги, языковеды, переводчики, издатели, выступили ведущие специалисты в области узбекского языкознания: А. К. Боровков (доклад «Очередные задачи узбекского языкознания в свете трудов И. В. Сталина»), Ф. К. Камалов («Проект новой орфографии узбекского языка»), Х. К. Камилова и М. А. Аскарлова («Объем и содержание вузовского курса современного узбекского языка»), И. Р. Расулов («Некоторые вопросы развития узбекской научно-технической терминологии»), В. В. Решетов («Состояние и задачи узбекской диалектологии»), Г. Д. Санжеев («Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка»), Р. С. Сахибаев («Произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и вопросы социально-политической терминологии узбекского языка»), Б. А. Серебренников («Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи языковедов Узбекистана») и др.

Новый алфавит вполне оправдал себя на практике и сделался достоянием узбекского народа. На нем издавались книги, словари, учебники и учебные пособия. Для поддержки нового алфавита и изменившегося узбекского литературного языка издается целый ряд словарей. Среди них «Узбекско-русский словарь» под ред. проф. Т. Н. Кары-Ниязова и проф. А. К. Боровкова (Ташкент, 1941), «Русско-узбекский словарь» под ред. проф. Т. Н. Кары-Ниязова и проф. А. К. Боровкова (Ташкент, 1942), 5-томный «Русско-узбекский словарь» (Ташкент, 1950–1955), созданный в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, и однотомный «Русско-узбекский словарь» (М., 1954), созданный совместными усилиями лексикографов Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР и Государственного издательства иностранных и национальных словарей.

Для педагогов поступает огромное количество учебников и учебных пособий с использованием новой грамматики. Так, в 40–50-

¹ См., подр.: Сепортян Э. В. Языкознание в Узбекистане // Вопросы языкознания. 1952. № 5. С. 116–121.

е гг. студенты пединститутов Узбекистана изучают русский язык по учебнику, составленному профессором А. В. Миртовым. Большое признание получает и выпущенная им в 1938 г. «Методика русского языка в узбекской школе», которая в переработанном виде снова издается в 1962 г.¹

Еще в 40-е гг. начинается массовое издание художественных произведений на основе нового узбекского алфавита: образцы народного творчества «Ботирлар», «Гўрўғли», книги Х. Алимджана, М. Шейхзаде, Г. Гуляма, Зульфийи, Уйгуна, А. Умари и др. Все это в значительной мере обогатило узбекскую национальную культуру.

17 марта 1952 г. Бюро КЦ КП Узбекистана принимает развернутое постановление об организации дальнейшей работы языковедов республики. Итогом чему стало включение в узбекский алфавит еще двух букв *и* и *ы*. Впрочем, следует отметить, что еще в 1940 г. одним из авторов нового алфавита предполагались такие перспективы: «Весьма вероятно, что знаки *и* и *ы* со временем будут введены в узбекский алфавит»².

В середине 50-х гг. еще более активизировалась работа узбекских языковедов. В частности, были проведены исследования А. К. Боровкова и З. М. Магрупова в области грамматики узбекского языка, В. В. Решетова по диалектологии, Ф. К. Камалова по истории становления и развития узбекского языка, Р. Н. Джуманиязова, А. Азизова, Х. К. Камилова, Ш. Шаабдурахманова по орфографии, И. А. Киссена по сравнительной фонетике и т. д.³

Переход узбекского языка на кириллическую основу стал толчком и для развития книгоиздательской деятельности. Так как шрифты, кегли, стили, гарнитура в целом теперь стали схожими с русским алфавитом, то в Узбекистане появилась возможность, используя опыт типографов РСФСР, увеличить тиражи, скорость издания книг.

¹ См.: Русский язык за рубежом. Вып. 4. М., 1975. С. 61.

² Кары-Ниязов Т. Н. Вопросы старой и новой узбекской письменности. Ташкент, 1940. С. 23.

³ См. Кары-Ниязов Т. Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. М., 1955. С. 283; Боровков А. К. Развитие узбекского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке // Известия АН УзССР. 1951. № 4; Киссен И. А. Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка. Ташкент, 1952 и др.

Так, если в 1941–1945 гг. в республике существовало лишь одно издательство – Госиздат, то уже в 1950 г. было открыто еще одно – Учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз), в 1957 – Государственное издательство художественной литературы, в 1959 – Медицинское издательство, в 1960 – издательство детской и юношеской литературы «Ёш гвардия». Появилось издательство в Каракалпакии.

В 1950–1980-х гг. литература на узбекском языке с русской графикой стала выходить огромными тиражами. Были изданы произведения национальной художественной литературы: Собрание сочинений А. Навои в 15-и томах, книги Г. Гуляма, А. Каххара, К. Яшена, Айбека, Хамзы, Шейхзаде, Миртемира и др., а также произведения классиков русской и мировой литературы, научная, общественно-политическая, публицистическая, детская литература. В 1971–1981 гг. издается Узбекская универсальная энциклопедия в 14-и томах. К концу 80-х гг. XX в. в республике существовало несколько десятков издательств – «Узбекистан», «Укитувчи», Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, «Чулпан», «Ёзувчи», «Ёш гвардия», «Мехнат», «Фан», «Ибн Сина», «Шарк», Государственное научное издательство «Узбекистон миллий энциклопедияси», «Правда Востока» и др.

Узбекский алфавит на кириллической основе просуществовал вплоть до 1992 г., когда был вновь переведен на латиницу. Несмотря на проведенную реформу, в настоящее время фактически продолжается параллельное использование и кириллицы, и латиницы. Безусловно, узбекский язык на основе русского алфавита в XX в. сыграл немаловажную роль в развитии узбекской литературы, науки, культуры новейшего времени. Он был не только языком межнационального общения, как задумывался его создателями в 40-е гг., но и позволил более полувека сосуществовать народам, населявшим Советский Союз, развивать научные традиции, обмениваться духовными ценностями, взаимно обогащать язык, культуру, науку.

Г.Н. Сеидова

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ДЕРБЕНТ

Проблемы возрождения культуры в современной России в небольшой степени связаны с вопросами о роли историко-культурного наследия, нуждающегося в сохранении и преумножении. В последние

десятилетия международное сообщество ставит проблему сохранения нематериального наследия, оценивая его как важный фактор культурного разнообразия и устойчивого развития. В связи с этим ЮНЕСКО в 2003 г. была принята «Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия». Было предложено определение нематериального («non-material») наследия: «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, призванные сообществами... в качестве части их культурного наследия». В.В. Путин в декабре 2006 г. дал соответствующее поручение Правительству РФ по разработке концепции и программы сохранения нематериального культурного наследия страны. Ведь объекты данного вида наследия труднее сохранять, чем объекты материального наследия.

По мнению М.Е. Каулен, «одно из основных условий сохранения нематериального объекта – его постоянная актуализация. В отличие от артефакта, который может десятилетиями храниться в музейных запасниках или тысячелетиями лежать в земле, не теряя при этом подлинности, нематериальный объект, в случае нарушения механизма передачи традиции, утрачивается на протяжении жизни одного-двух поколений; в дальнейшем возможна только реконструкция утраченного объекта»¹. Однако характер жизнедеятельности современного социума приводит к уничтожению установок на сохранение традиции, что ведёт к утрате объектами нематериальной культуры способности к самовоспроизведению. Ведь культурная память – это определённый социальный феномен, без которого немислимо развитие общества. Механизмом обеспечения культурной преемственности выступает социализация, но трансляция выработанных обществом культурных образов от одного поколения к другому реализуется через образование и воспитание.

Археологические объекты продолжают существовать в качестве определённой социокультурной реалии во многих традиционных обществах, современной культуре, научном и музейном пространстве, участвуя в процессе интеграции и социокультурной адаптации как важный элемент действительности и сложившийся источник истори-

¹ Каулен М.Е. Проблемы актуализации нематериального наследия: формы и методы // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2008. С. 191.

ческой памяти. Привлечение к таким памятникам внимания широкой общественности, делая их доступными для осмотра и создавая предпосылки для активной эксплуатации, как туристического объекта, обеспечивает музеефикацию. Именно это мы наблюдаем на примере дагестанского города Дербент.

Не случайно В. Путин в своем выступлении во время визита в Кисловодск, в преддверии президентских выборов, говорил о необходимости празднования юбилея города. Исторические города- Дербент является одним из таковых-объединяют множество сооружений разных архитектурных форм, которые выступают в качестве подлинного документа, свидетельствующего о ходе историко-художественных процессов в них. Ведь именно культурное ядро города и определяет то неповторимое своеобразие, которое и позволяет отличать один город от другого. Дербент – город-музей, один из древнейших в мире, обладатель Почётного диплома ЮНЕСКО за распространение идей толерантности и ненасилия, включённый в список объектов мирового культурного наследия.¹ Этот город на стыке культур и цивилизаций, издревле был связующим мостом между Ближним Востоком, Передней Азией и Восточной Европой. Здесь всегда мирно сосуществовали представители разных этносов, конфессий, культур. Джума-мечеть Дербента (VIII в.) входит в первую пятерку самых древних мечетей мира и является старейшей на территории России.

Обращённость к историко-культурной, духовной среде российских городов, как связующего интеграционного звена компонента сохранения наследия России свидетельствует об оживлении интереса к своему прошлому, как гарантии будущего возрождения. Как нельзя более богатой и содержательной в этом плане является история Дербента, ставшего после распада Советского Союза самым южным городом России.² Географическое и стратегическое положение на пути великих миграций и переселений народов обусловило особую культурно-историческую судьбу этого города. С незапамятных времен через этот самый узкий проход между Каспийским морем и Кавказски-

¹ Дербентские новости. 2006. 5 декабря (№97).

² Сеидова Г.Н. Культурная среда самого южного города России // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. Омск, 2010. С. 121-125.

ми горами прошли десятки различных племён и народов, порою сметающая всё на своём пути, порою оседая, ассимилируясь, растворяясь в местной этнической среде. В VIII-X вв. Дербент был одним из самых значительных центров морской и сухопутной торговли на Каспии. Великий Волжско-Каспийский путь, многие столетия, связывая между собой народы Северной Европы, России, стран Востока, обеспечивал и организовывал интенсивные хозяйственные связи и обмены, международные контакты. На российских просторах в течение нескольких веков развивается уникальная евразийская цивилизация, в которой последователи разных вероисповеданий играют важную роль.

Вознесённый на холме над городом силуэт древней крепости, идущие от неё вниз, к морю, монументальные стены создают оболочку жизненного мира с огромным количеством культурных содержаний. Шедевры архитектуры древнего Дербента наиболее гармонично и целостно отражали свою эпоху, воплотили в своих образах мировоззрение народа, создавшего их, его представления о высших канонах гармонии и красоты. Дербент не случайно пользуется славой одного из крупнейших памятников в мировой фортификации и уникального историко-архитектурного заповедника. Здесь сохранились древние мечети и медресе, храмы и минареты, средневековые бани и караван-сарай, ёмкие водохранилища и древние фонтаны, ханский дворец и мавзолеи. Трудно найти другой такой город, который бы знал столько нашествий и ярких исторических событий, переживал такие мощные взлёты и падения. На владение им претендовали Рим и Парфия, Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, государство Сельджуков, держава Сефевидов и султанская Турция. Этот город сумел просуществовать до наших дней, в основном сохранив свой первоначальный облик и название.

Дербент, а, точнее, Дарбанд в переводе с персидского языка означает «узел, связь, запор ворот». На протяжении столетий он служил важнейшей пограничной крепостью государств Переднего и Среднего Востока, разделявшей мир кочевых и оседлых народов. Дербент воспел в бессмертном творении «Искандер-наме» великий азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви и побывавший здесь французский писатель Александр Дюма. Здесь творил и встретил свою любовь писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский. Дербент занимал особое место в планах Петра I, который прибыл сюда 23 августа 1722 г. и был дружественно принят депутацией города, вру-

чившей ему ключи от города и первую в Европе рукопись местной исторической хроники «Дербенд-наме».

Возникновение этого города в исторической литературе связывают с правлением сасанидского царя Хосрова I Ануширвана (531-579 гг.), но местные исторические хроники и сказания Востока отодвигают эту дату далеко вглубь веков. Исследования показали, что древнейшим ядром Дербента являлась цитадель, полностью господствовавшая над городом, и районы, примыкавшие к ней с востока. В культурных наслоениях, образовавшихся за тысячелетия существования и достигающих на вершине холма 10 м., представлены различные культуры, эпохи, стили и влияния. Большие надежды на сохранение исторического и культурного наследия нашего города связаны с включением в список объектов мирового культурного наследия Юнеско. Культура этносов, населяющих регион, включает в себя все ценные результаты духовного творчества народа, и это связывает ныне живущие поколения с культурой, отделённой от нас временем. Профессор Э.А. Шулепова полагает: «Необходимо при этом помнить, что вся история – культурна. Все её историко-культурные объекты имеют мемориальные основания. Культура, в свою очередь, вся проникнута историей, которая воспринимается человеком на основе собственного культурного опыта, во многом базирующегося на культурном наследии поколений... Чем богаче и разнообразней культурный опыт народа или этноса, реализуемый в образе жизни, сохранении традиций, поддержки культурно-исторической памяти, чем более полноценно воплощается он на практике, тем более комфортной для социума и каждого человека становится его культурная среда»¹.

Слова «наследие» и «наследство» близки по смыслу и характеризуют объект наследования – совокупность результатов прошлой деятельности человечества. Социокультурный подход фиксирует понимание культуры как широкого комплекса социальных явлений, представляющих собой результаты и средства общественного функционирования и развития. Отдельные исследователи акцент делают на том, что в современную эпоху именно культурные факторы в значи-

¹ Шулепова Э.А. Наследование как реальный процесс сохранения прошлого в культуре // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2008. С. 190

тельной мере определяют и экономический потенциал общества, и стабильность политической жизни¹.

Генеральная ассамблея ЮНЕСКО в Париже 20 октября 2005 г. приняла Конвенцию о защите и развитии многообразия форм культурного самовыражения. Информационная и культурная политика, проводимая государством, опирается не только на собственные культурные традиции, но и связана ценностями и проблемами современного мира. Именно такой подход должен стать характерным для современной России, стремящейся к сохранению и развитию отечественной государственности, опирающейся на формирование пространства культурно - идеологического взаимодействия для выработки курса ценностно-культурного самоопределения страны в условиях глобализации. Усиливающаяся глобализация вызывает к жизни противоположную ей тенденцию, - сохранение культурной самоидентификации, культурной самобытности. На огромных просторах России локализовано множество очагов традиционных самобытных культур, истоки которых в глубокой древности. Одним из таких уникальных очагов является Дагестан. Здесь народные традиции полнокровны, в полной мере жизнеспособны, позволяют следующим поколениям ощущать свою связь с родовой культурой, своими истоками. Дагестан называют «страной гор и горой языков».

Несмотря на частые нашествия иноземных завоевателей, дагестанцы сумели сохранить свои культурные достижения и донести их до нашего времени. Начиная с VII века и до вхождения в состав России, Дагестан находился в сфере политического и культурного влияния мусульманского Востока, что способствовало приобщению к богатой арабо-язычной культуре, а через неё – ко многим достижениям мировой культуры. Со второй половины XIX века начинается новый этап в развитии общественно-политической, философской и научной мысли народов Дагестана. В этот период на культуру региона начали оказывать влияние передовая русская культура и общественно-политическая мысль. Присоединение к России ликвидировало поли-

¹ Скульмовская Л.Г. Культура города: основные подходы и методы эмпирического исследования // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография материалы VIII Всерос. науч. симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. Омск, 2010. С. 65

тическую раздробленность, хозяйственную и культурную замкнутость Дагестана и создало условия для его развития. Растущая роль духовного фактора вызывает необходимость возвращения к своим истокам, исконным корням: истории, языку, религии, системе идеалов и ценностей, нормам быта и поведения.¹ Через межрелигиозный диалог удаётся внедрить сознание, что сущностью религии является служение Создателю и людям и оно может иметь различные формы в разных культурах.

Свобода совести и установка на межрелигиозный диалог и толерантность должны стать неотъемлемой чертой российской национальной культуры. Дагестан составляет часть того единого, несмотря на пестроту, культурного пространства, о цивилизации которого можно сказать: «Русская цивилизация принадлежит к числу тех синкретических цивилизаций, которые обобщили и синкретизировали существенные особенности и черты культур разных народов, явившись в истории человечества ярким примером возможности преодоления будто бы непроницаемых барьеров между расами, языками, религиями, духовными мирами»².

Для Дагестана ислам – часть истории, через который он общался к великой мусульманской культуре. Экс-руководитель культурного представительства при Посольстве ИРИ в России г-н Иманипур пишет: «После возникновения ислама и распространения этой монотеистической религии на обширных территориях от Испании до границ Китая, и от Африки до Поволжья Иран и Дагестан, принимая новую религию, навсегда стали неотъемлемой частью великой исламской цивилизации»; и далее, отмечая длительность созидательного диалога культур двух регионов: «...на наш взгляд этот диалог не только возможен, но и необходим».³ Таким образом, культурное взаимо-

¹ Сеидова Г.Н. Глобализация и традиционная мусульманская культура в Дагестане // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009» Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства. 20-23 мая 2009 г. М., 2009. С. 133-135.

² Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001. С. 43.

³ Иманипур М. Исторические связи Ирана и Дагестана и перспективы их развития // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. Сборник статей. Махачкала, 2006. С. 6.

действие приводит к обогащению национальных культур, не мешая при этом сохранению традиций и национальной самобытности. Именно Дербент являлся центром распространения персидского языка, литературы, культуры и искусства Ирана на Северном Кавказе. Историко-культурные и духовные связи Ирана и Дербента – одна из интереснейших для исследования проблем. В области культурных, духовных контактов для нашего исследования наиболее важна религиозная составляющая. Ведь Дербент оказался островком шиизма во всём регионе.

История и благодарная народная память сохранила имена многих уроженцев Дербента, чьё творчество было связано с великой иранской культурой. В этом ряду можно упомянуть Фазиля Дарбанди, - одного из блестящих знатоков риторики, философии, хадисоведения, фикха и иджитхада. Выдающийся поэт Мухаммад Таги Гумри Дарбанди долгие годы жил и творил в Иране. Купол над могилой великого сына Дербента был возведен при содействии культурного представительства при Посольстве ИРИ в Москве. Официальные лица из ИРИ неоднократно посещали Дагестан. Иранской стороной было высоко оценено состояние культурных взаимосвязей между Дагестаном и Ираном и высказано пожелание углубления всестороннего сотрудничества, основанного на давних исторических связях и общем культурном наследии наших республик. Подтверждением этому служит заключение договора о сотрудничестве между Дагестанским государственным университетом и культурным представительством при Посольстве ИРИ в России. Центр иранистики на факультете востоковедения обеспечивает активное участие дагестанских студентов на всероссийских олимпиадах по персидскому языку и литературе, выставок иранской миниатюры и каллиграфии в Махачкале и Дербенте и диалог научной общественности двух республик в рамках целого ряда международных научных конференций.

Опыт личного общения с учёными и общественностью Ирана и Азербайджана позволяет утверждать, что Дербент, издавна бывший частью их истории, и сейчас не воспринимается ими как чужой, принадлежащий другому государству. Безусловно, речь не идёт о каких-то территориальных притязаниях. Ведь даже название города

персидское.¹ Пожалуй, общую позицию выразил иранский учёный М.Б. Восоги: «...Дербент можно считать местом встречи разных культур, главными вратами между ними, ключом к диалогу цивилизаций в регионе».² Известный востоковед В.Ф. Минорский исследует прошлое Дербента в единстве с историей Ширвана.³ Казалось бы - это небольшой провинциальный город. Дело даже не в том, что, учитывая уникальную историко-культурную ценность комплексного памятника «Древний Дербент», в 2003 г. он включен в список объектов Всемирного культурного и природного наследия Юнеско. Это первый из российских городов, удостоенный Почётного диплома и премии Юнеско им. индийского писателя, Посла доброй воли ЮНЕСКО Мананджида Сингха за распространение идеалов толерантности и ненасилия.⁴ Вручение награды было приурочено к Международному дню толерантности, ежегодно отмечаемому 16 ноября. А 15 ноября 2006 г. в Постоянном представительстве РФ при Юнеско в Париже состоялась презентация «Кавказской сети организаций, работающих с женщинами и детьми по гражданскому образованию». Решение о её создании было принято на Международной конференции «Женщины Кавказа за становление ценностей мира, терпимости и ненасилия», прошедшей 1-3 июня 2004 года в Дербенте по инициативе Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Бюро ЮНЕСКО в Москве и Дербентского центра социально-психологической реабилитации и культуры мира. В рамках данной структуры объединены женские НПО ЮФО России, Азербайджана, Армении, Грузии.⁵

Весьма полезной для налаживания межрелигиозного диалога в регионе была работа в рамках реализации Проекта «Кешер» «Оста-

¹ Сеидова Г.Н. Культурные связи Ирана и Дагестана: история и современность // Материалы международной научной конференции «Кавказ сквозь призму истории». 20-21 октября 2009 г. Тавриз, 2009.

² Восоги Мухаммад Багир. Дербент – город 72 народов. Экскурс в историческую географию Дербента в первые века ислама // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. Махачкала, 2006. С. 40.

³ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963. С. 11.

⁴ Сеидова Г.Н. Дагестанский город Дербент – обладатель Почётного диплома Юнеско за распространение идей толерантности / Материалы международного научного симпозиума «Время культурологии», посвящённого 75-летию Российского института культурологии. 23-26 мая 2007 г. М, 2007.

⁵ Газета «Дербентские новости». № 97 за 5 декабря 2006 г. С. 1.

новим торговлю людьми – кампания, направленная на просвещение и построение коалиций в Южном регионе России» с сентября 2009 по июнь 2010 года. На торжественное открытие нового здания синагоги в городе Дербент 22 марта 2010 г. приехали Президент РД Магомедов М.М., министры РД, главный раввин России Б.Лазар, группа раввинов из Израиля, глава представительства РД в Азербайджане, руководство и общественность города. Впервые на Северном Кавказе именно в Дербенте Директорат Совета Европы по делам молодёжи и туризму в июне 2010 г. провёл тренинг-семинар для специалистов по работе с молодёжью органов государственной власти совместно с представителями ряда российских молодёжных общественных организаций, на котором не были обойдены вниманием и вопросы межрелигиозного согласия. Была сформулирована общая позиция, что именно общение на уровне земляков, соседей, сослуживцев обеспечивает эффективные практики каждодневного ведения многовекторного межрелигиозного диалога.

Самые любимые праздники дербентцев – Новруз-байрам, иудейская и православная пасха обязательно отмечаются в интернациональном кругу. Целям содействия миру в регионе было призвано способствовать и подписание «Меморандума о совместном противодействии насилию, экстремизму, межнациональной розни и поддержке миротворческого процесса на Кавказе», предложенного членом Общественной палаты РФ телеведущим М. Шевченко на встрече с общественностью Дербента, религиозными лидерами, студентами ДГУ 25 февраля 2010 г. Налаживанию диалога между авраамическими религиями -сламом, христианством и иудаизмом- в регионе на разных уровнях, от религиозных лидеров до контактов на низовом уровне, посвящена глава коллективной монографии ЮНЕСКО «Мировые религии в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания»¹.

¹ Сеидова Г.Н. Шиитская община Дагестана как пример позитивного мусульманско-христианского диалога. Мировые религии в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания. Христианство и ислам в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания в Российской Федерации и Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе / отв. ред. Д.Л. Спивак, С.Шенкман. – СПб., 2011. World Religions in the Context of the Contemporary Culture: New perspectives of

История Дербента свидетельствует о множестве случаев проявления подлинной толерантности и межконфессионального согласия. Показателем этого служит то, что на праздниках, регулярно проводимых шиитской общиной, посвящённых дням рождения пророка и членов его семейства, рода «Ахл-ал Бейт», непременно участвуют и представители суннитской мечети, и настоятель Покровской Церкви, и раввин синагоги. Через межрелигиозный диалог удаётся внедрить сознание, что сущностью религии является служение Создателю и людям и оно может иметь различные формы в разных культурах. Свобода совести и установка на межрелигиозный диалог и толерантность должны стать неотъемлемой чертой российской национальной культуры. Дагестан составляет часть того единого, несмотря на пестроту, культурного пространства о цивилизации которого совершенно обоснованно можно сказать: «Русская цивилизация принадлежит к числу тех синкретических цивилизаций, которые обобщили и синкретизировали сущностные особенности и черты культур разных народов, явившись в истории человечества ярким примером возможности преодоления будто бы непроницаемых барьеров между расами, языками, религиями, духовными мирами». ¹ Требуется осознание глубинной связи прошлого и настоящего, для того, чтобы наследие стало «живым».

Только при таком подходе, вероятно, можно будет рассматривать вопрос о реальных наследниках прошлого для современной культуры. Если полагать, что наследство – это предметы (в широком смысле), а наследие – связанные с ним смыслы культуры, можно одну из функций социальной (социокультурной, внешней, исторической памяти) определить как перевод «наследства» в «наследие». ² Человек,

Dialogue and Mutual Understanding in the Russian Federation and Eastern Europe, in Central Asia and the Caucasus / Eds. D. Spivak, S. Shankman. St.Petersburg: St.Petersburg Branch of the Russian Institute for Cultural Research / Russian Baltic Information Center «Blitz», 2011. С.183-189.

¹ Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001. С. 43

² Калита С.П. Культурное наследие и культурное наследование // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2008. С. 191

приходя в этот мир, поэтапно проходит процессы адаптации, социализации и интеграции в культуру. Поэтому, чтобы адекватно ощущать себя в нём, индивид неизбежно должен знакомиться с наследием прошлого. Культура этносов, населяющих регион, включает в себя все ценные результаты духовного творчества народа, и это связывает ныне живущие поколения с культурой, отделённой от нас временем. Не случайно выдающийся отечественный историк, географ и этнолог Л.Н. Гумилёв полагает, что против утрат в эпохах, против гибели выступает Память; а коллективная память этносов – это и есть история культуры¹.

Т.А. Титова, Г.Б. Сайфутдинова, А.И. Хамидуллина
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И
РОДИТЕЛЬСТВА В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ*

Основой эффективной социальной политики государства является, в частности, решение проблем народонаселения и, как следствие, влияние на репродуктивные показатели экономических, политических и субкультурных факторов. Рассматривая демографическую ситуацию в Республике Татарстан, отметим, что она является типичной для страны в целом. Несмотря на позитивные изменения последних лет, продолжается процесс депопуляции, «старения» населения, нарастающие диспропорции в численном составе поколений, мужчин и женщин, городских и сельских жителей.

Особенно остро демографическая проблема стояла в постперестроечные 1990-е гг. По данным Национального Архива РТ с 1988 по 1991 гг. рождаемость в Республике Татарстан резко сократилась. Из аналитического доклада Госкомстата РТ мы видим, что число родившихся на 1000 человек уменьшилось на 2,9%². В течение последующих лет демографическая ситуация стала близка к катастрофической поскольку падение рождаемости было очень резким. Так, например, по г. Казани показатели были следующие: на 1992 г. общее количество детей в возрасте от 0-2 лет было – 29947 человек, на следующий

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2011.С.379.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 12-11-16002

² НА РТ, ф. 1296, оп. 18, ед.хр. 1315, л. 26.

1993 г. эта цифра уже – 9439 человек¹. Минимум рождаемости пришелся на 2000 год, когда в Казани на свет появилось всего 8 849 детей. И только с 2009 года рождаемость в столице Татарстана снова стала превышать смертность².

Удручающей выглядит ситуация и с ростом числа разводов. Общеизвестно, что в России за последние десятилетия значительно выросло количество разводов. Россия лидирует в списке стран с самым высоким процентом разводов. Об этом свидетельствуют данные Росстата. Так с 1996 года в стране в 2,3 раза возросло число семей только с одним родителем. Если в 1996 году доля таких семей составляла 13 процентов, то сейчас их 30 процентов. Таким образом, только с одним родителем сейчас живут 6,2 миллиона детных семей. При этом в каждой десятой такой семье один родитель – это отец (634,5 тысячи семей), в 90 процентах случаев – мать (5,6 миллиона семей)³. Учитывая актуальность затронутой проблематики, Научно-исследовательский центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан совместно с Управлением ЗАГСа провели исследование с целью выявления наиболее типичных причин разводов. Исследователи сделали вывод, что: «основными проблемами функционирования современной татарстанской семьи являются вопросы межличностных отношений супругов и материального обеспечения семьи. Распад семьи – это не только проблема социализации детей, психологической травмы, но и рост числа одиноких людей, сокращение уровня рождаемости»⁴.

Эти сложности проявились, прежде всего, под влиянием социально-экономических и политических преобразований в стране, что повлекло изменения и в семейно-брачном поведении.

¹ НА РТ, ф. 1296, оп.18, ед.хр. 1394, л. 449.

² Из доклада начальника Управления ЗАГС А.Р. Шавалеевой «О демографической ситуации в Казане». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.zags.tatarstan.ru>, свободный. – Проверено 2.08.12

³ Дети в России. 2009: Стат. сб./ЮНИСФЕР, РОССТАТ. М.: ИИЦ «Статистика России». 2009. -121 с.

⁴ Зарипова Э.А. Разводы в Татарстане / Э.А. Зарипова, Ф.А. Ильдарханова, Ч.И. Ильдарханова, А.Н.Нурутдинова // Социологические исследования. – 2011. - №3. - С. 95-102 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/articles/j16075282/y2011/page11.html>, свободный. – Проверено 22.08.12

В наше время материнство и отцовство потеряли престиж в глазах подрастающего поколения, семейность и многодетность перестала быть «модной», молодые люди чаще стараются реализоваться через профессиональную деятельность, а не брак и семью. Для поддержания статуса семьи и родительства необходимы меры государственного масштаба. Именно социальная поддержка семей является поощрением реализации репродуктивных функций современной молодежи. Положительным примером является комплекс мероприятий, реализуемых в Российской Федерации, как национальные проекты «Здоровье», «Доступное жилье», федеральная программа «Дети России», а также укоренилась практика получения сертификатов на материнский (семейный) капитал. Важными также является пропаганда и популяризация семейного статуса и родительства (например, награждение медалями «лучшая мать» и «лучший отец»; 2008 год был объявлен годом семьи и детства; учрежден праздник «Семьи, любви и верности», который отмечается 8 июля и приурочен ко дню памяти Петра и Февроньи – христианских покровителей семьи и семейных ценностей, и т.п.). Эти меры государственной поддержки улучшают положение родителя. Принятие социальных мер направленных на улучшение демографической ситуации имеют положительные результаты. По итогам 2010 года в республике число регистраций рождений (49512) приблизилось к уровню 1991 года (51068). При этом отмечается и рост рождения второго, третьего ребенка в общем количестве детей. Из материалов центра семьи и демографии РТ: «Исследование показали, что в первые годы к материнскому капиталу доверия не было, а вот последние три года люди поверили и стали программировать беременность. Молодежь сейчас прагматичная и это неплохо. Мы изучили этот вопрос - половины из родившихся детей не было бы».¹ Общий коэффициент рождаемости в период с 2005 по 2011 г. имеет в целом положительную динамику, которая обусловлена, в том числе и

¹ Из интервью директора Центра семьи и демографии Флюры Ильдархановой «Первый ребенок в семье – это основной резерв демографического развития Татарстана» [Электронный ресурс] от 26.07.2012. – Режим доступа: <http://www.tatcenter.ru/article/105718/> свободный. – Проверено 2.08.12

преобладанием числа женщин активного репродуктивного возраста (20–29 лет)¹.

В Татарстане, как и в России в целом, благодаря сложившейся системе мер государственной поддержки семьи, направленной на сохранение и реализацию потенциала семьи, укрепление ее основ, улучшение жизнедеятельности, третий год подряд наблюдается уменьшение числа разводов. За 2010 год зарегистрировано 13960 актов о расторжении брака, что на 709 случаев меньше, чем в 2009 году. Это самый низкий показатель, начиная с 2005 года.² В рамках государственных гарантий поддержки детной семьи необходимо обеспечить систему пособий и льгот; бесплатные и качественные услуги в сфере охраны здоровья матери и ребенка; доступность детских дошкольных и школьных учреждений и др. Такая система гарантий позволит значительной части молодых семей принимать более свободные и ответственные решения о рождении детей. Государственная поддержка, направленная на улучшение демографической ситуации в стране дает надежду на позитивные изменения в данном вопросе.

А.Н.Фролова, К.Руденко, П.Баканов
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Современный этап развития среднего профессионального образования, обусловленный, прежде всего, несоответствием традиционных методов преподавания в существующих социально-экономических условиях развития общества, инновационными процессами, протекающими в системе, характеризуется интенсивным поиском новых путей развития теории и практики подготовки современных специалистов. Дискретно организованная система образования уже не отвечает требованиям времени, потому что она отличается ограниченностью диффузного продвижения по ней личности, не имеет системно воплощенного коммулятивного характера с развитым обра-

¹ Из доклада начальника Управления ЗАГС А.Р. Шавалеевой «О демографической ситуации в Казане» [Электронный ресурс] от 25.12.2012. – Режим доступа: <http://www.zags.tatarstan.ru>, свободный. – Проверено 2.08.12

² Данные Управления ЗАГС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.zags.tatarstan.ru>, свободный. – Проверено 22.11.11

зовательным правом, обеспечивающего последовательное и индивидуально-приемлемое по формам и темпам накопления личностью своего образовательного капитала¹. Изменился и социальный заказ общества на личность, владеющую практикоориентированными компетенциями.

Одним из важных механизмов реализации стратегии развития непрерывного профессионального образования является широкое внедрение форм самостоятельной работы, привлечение студентов к продуктивной деятельности в качестве членов проблемных групп Студенческого бюро, основная цель которого – развитие у учащихся исследовательской компетентности и предпрофессиональных навыков как основы профильного обучения². Ведущей темой научно-исследовательских работ Архитектурной группы Студенческого бюро Колледжа архитектуры и строительства №7 с 2010 г. является «Использование цвета в памятниках архитектуры, находящихся под охраной ЮНЕСКО», Новационной группы – «Инновационные возможности электроизмерительной лаборатории», Экологической группы – «Концепция Экоофиса» и т.д. В частности, следует отметить, что основную роль в экологическом воспитании и образовании любого учебного заведения играет дополнительное образование, позволяющее представителей молодого поколения привлечь к анализу и возможным путям решения проблем окружающей среды, развитию экологической культуры современного общества. Наблюдающееся в настоящее время нарушение равновесия между человеком и природой требует решения экологических проблем с целью обеспечения здоровья нации. Экология сейчас определена в качестве одного из приоритетов развития страны.

Экологическое образование обеспечивает не только естественнонаучный фундамент понимания экологических проблем, но и сохраняет приоритет в становлении экологической культуры в обществе. Только путем постоянного экологического просвещения возможно формирование у населения обеспокоенности проблемами экологии и

¹ О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. Приказ Министерства образования Российской Федерации № 393 от 11.02.2002.

² Невмержицкая Е.В. Студенческое бюро колледжа // Профессиональное образование. Столица. 2010. № 11. С.25-26.

охраны окружающей среды. В государственном масштабе важным является не только внедрение ресурсосберегающих технологий в производствах, но и воспитание молодежи в духе бережного отношения к природе, важная роль в котором принадлежит педагогу. При решении вопросов экологического воспитания педагог должен найти такой подход, при котором студент осмысливает свое бытие, миропонимание, потребности, смысл жизни¹.

Сегодня вряд ли найдется человек, будь то инженер или служащий, высокопоставленный чиновник или представитель законодательской власти, который выступит против необходимости формирования экологической культуры человека и общества в целом. И, тем не менее, в системе российского образования, в отличие от зарубежного опыта, данное направление остается второстепенным. Однако формирование экологической культуры целесообразно рассматривать не как самоцель, хотя и эта цель имеет чрезвычайно важное воспитательное и развивающее значение, а как механизм социализации молодых людей, перспективное и эффективное средство вхождения нынешних студентов в современное информационное гражданское общество².

Экологической группой Студенческого бюро ГБОУ СПО Колледжа архитектуры и строительства №7 г. Москвы проводятся исследования по изучению существующих энергетических технологий и выявлению экологических чистых, гарантирующих сохранение биосферы (это особенно касается энергетики, основанной на сжигании природных запасов угля, нефти, газа, урана), экологические праздники и акции, посвященные памятным экологическим датам: День Земли, Всемирный День окружающей среды, День памяти жертв радиационных аварий и катастроф, День борьбы с табаком, которые являются эффективным средством привлечения внимания студентов к экологическим проблемам.

¹ Состояние, перспективы и пути развития экологического образования в странах Центральной Азии <http://www.ca-econet.info/rec/09.htm>

² Nevmerzhitskaya E. V. Didactic trend of the direct instruction method // Материалы III дистанционной научной конференции с международным участием по теме «Современные достижения науки» (28–30 октября 2011 г.). Баку, 2011. С. 58–64.

В 1972 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия (вступила в силу в 1975 г.). СССР ратифицировал Конвенцию 9 марта 1988 г. К апрелю 2010 г. ратифицировали конвенцию 187 стран-участниц, в их числе – Россия.

Почти ежегодно Комитет всемирного наследия проводит сессии, на которых присуждается «статус объекта Всемирного наследия».

«Статус объекта Всемирного наследия» даёт следующие преимущества (для объектов природного наследия):

- является дополнительной гарантией сохранности и целостности уникальных природных комплексов,
- повышает престиж территорий и управляющих ими учреждений,
- способствует популяризации включённых в Список объектов и развитию альтернативных видов природопользования (в первую очередь, экологического туризма),
- обеспечивает приоритетность в привлечении финансовых средств для поддержки объектов всемирного культурного и природного наследия, в первую очередь, из Фонда всемирного наследия,
- способствует организации мониторинга и контроля за состоянием сохранности природных объектов.

Государства, на территории которых расположены объекты Всемирного наследия, берут на себя обязательства по их сохранению¹. Главная цель списка Всемирного наследия – сделать известными и защитить объекты, которые являются уникальными в своём роде.

В списке Всемирного наследия ЮНЕСКО в Российской Федерации значатся 24 наименования (на 2011 г.), это составляет 2,6 % от общего числа (936 на 2011 г.). 15 объектов включены в список по культурным критериям, причём 6 из них признаны шедевром человеческого гения (критерий i) и 9 объектов включены по природным критериям, причем 4 из них признаны природными феноменами исключительной красоты и эстетической важности (критерий vii). Кроме этого, по состоянию на 2011 год, 27 объектов на территории России

¹ Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения / под ред. В.М. Захарова. — М., 2008.

находятся в числе кандидатов на включение в список Всемирного наследия¹.

На территории г. Москвы и Московской области находятся 4 объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО: Московский Кремль и Красная площадь, Церковь Вознесения в Коломенском, Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры, Ансамбль Новодевичьего монастыря. Еще 3 объекта предложены правительством России в качестве кандидатов на занесение в список Всемирного наследия: архитектурно-исторический комплекс «Странноприимный дом» графа Шереметьева, Храм Христа Спасителя, Архитектурно-парковый ансамбль Измайлово.

Участниками двух проблемных групп Студенческого бюро разработана концепция, предложенная на Городском конкурсе «Лучший предпринимательский проект учащейся и студенческой молодежи города Москвы» 2012 г. и базирующаяся на идее создания пазлов, выполненных из дерева и оформленных в коробке из деревянных отходов из природных, экологически чистых материалов (дерево) с изображением объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО Российской Федерации.

Пазлы изготавливают студенты, обучающиеся по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» (представители Экологической группы Студенческого бюро колледжа), из натуральных пород дерева и обучающиеся по профессии «Столяр строительный» (члены проблемной группы Рабочие кадры Студенческого бюро колледжа). Комплектующие и детали вытачиваются на современных деревообрабатывающих станках Столярной мастерской Территориально-структурного подразделения №3 ГБОУ СПО КАС №7. Зачистка, наклейка изображения, лакировка производятся вручную.

Пазлы с изображениями объектов ЮНЕСКО в аспекте развития и формирования экологической культуры у подрастающего поколения представляют собой актуальное методическое пособие для мно-

¹ Десятилетие образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций. Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/events/prizes-and-celebrations/celebrations/international-decades/>

гих предметов школьной и дошкольной программ (например, «Мировая художественная культура», «История России», «География», «Иностранный язык» и др.).

Степень успешности проекта «Двое из ларца» была оценена жюри как высокая, и проект получил 1-е место, а участники Студенческого бюро – приглашение на XVI Всероссийский Бизнес-фестиваль имени В.В. Быкова в город Анапу, куда ежегодно приезжают финалисты конкурса «Лучший предпринимательский проект учащейся и студенческой молодежи города Москвы» и аналогичных конкурсов, проводимых в разных регионах России.

Е.В. Фролова

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГРУПП ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ Г. КАЗАНИ)**

В условиях крупного полиэтничного города этническая специфика концентрируется главным образом в сфере духовной жизни. Поэтому познание хода и внутренней логики процессов, происходящих в группах этнических меньшинств в крупном полиэтничном городе, невозможно без анализа состояния их духовной культуры. Объектом настоящего исследования послужили представители украинского, немецкого, чувашского и армянского населения г. Казани.

Исследование духовной культуры групп этнических меньшинств было построено на рассмотрении их национально-культурных ориентаций, на выявлении уровня компетенции в сфере этнической культуры, на характеристике системы обрядов и обычаев и ее роли в трансмиссии этнической культуры в исследуемом нами массиве.

Для большинства респондентов источником этнокультурной информации является семья. Наиболее высокий уровень родственных контактов в г. Казани зафиксирован в среде опрошенных армян (62,8%). Так же ответили более половины (57,3%) опрошенных украинцев. Среди чувашей и немцев процент респондентов, выбравших эту позицию, оказался ниже - 34,6% и 26,1% соответственно. Исследование показало, что у респондентов, являющихся выходцами из гетерогенных семей, либо состоящих в этнически-смешанных браках ориентация на формы своей национальной культуры и потребность в ней заметно ниже.

Как показывают данные исследования, наиболее высокая степень распространенности этнически-смешанных браков характерна для немцев и украинцев, что является подтверждением ярко выраженных ассимиляционных тенденций в среде этих групп этнических меньшинств. В наименьшей степени демонстрируют готовность к вступлению в этнически-смешанный брак армяне (см. табл.1). Армяне демонстрируют и более выраженную ориентацию на образцы этнической культуры, а также наиболее высокий, по сравнению с другими изучаемыми группами, уровень групповой сплоченности и позитивного образа «Мы». Более половины опрошенных респондентов-армян выражают согласие с тезисом, что «межнациональные браки размывают народ».

Таблица 1. Распространенность национально-смешанных браков, в % к итогу

Из числа респондентов, состоящих в браке	Этнические группы			
	Украинцы Казань	Чуваши Казань	Немцы Казань	Армяне Казань
Состоят в этнически-смешанном браке	56,7	34,7	79	20
Состоят в этнически-однородном браке	14,4	38,6	8	40

Высокая степень приверженности к этнокультурным ценностям, но при более низком уровне ингруппового фаворитизма, зафиксирована среди чувашей, что отразилось на достаточно высоком уровне распространенности этнически-смешанных браков. Следует отметить, что в г. Казани, среди этнически-смешанных браков представителей всех национальностей преобладают браки с русскими.

Судя по всему, у таких респондентов в процессе внутрисемейного общения происходит нивелировка национально-культурных ори-

ентаций, в результате чего они тяготеют к «интернациональным» формам культуры. Процесс ассимиляции украинцев идет еще более интенсивно вследствие исконной языковой и культурной близости украинцев и русских.

Одной из важных сфер духовной культуры этноса является семейная обрядность. Для исследования роли обрядов и обычаев в трансмиссии этнической культуры нами был в числе прочих использован вопрос: «Соблюдаются ли в Вашей семье национальные обычаи, обряды и традиции?». В результате были получены следующие данные (см. табл.2):

Таблица 2. Частота распространения традиционных семейных обрядов

	Рождение ребенка	Свадьба	Похороны
<i>Чувашки (Казань)</i>			
Соблюдают полностью	41,6%	45,5%	50,5%
Соблюдают частично	29,7	28,7	24,8
Не соблюдают	28,7	25,7	24,8
<i>Украинцы (Казань)</i>			
Соблюдают полностью	18%	17,1%	21,6%
Соблюдают частично	28,8%	33,3%	23,4%
Не соблюдают	53,2%	49,5%	55%
<i>Армяне (Казань)</i>			
Соблюдают полностью	48%	57%	64%
Соблюдают частично	33%	27%	19%
Не соблюдают	19%	16%	17%

<i>Немцы (Казань)</i>			
Соблюдают полностью	14%	11%	19%
Соблюдают частично	23%	26%	20%
Не соблюдают	63%	63%	61%

Таким образом, среди армян более половины респондентов полностью соблюдает традиционные семейные обряды, среди чувашей – около 50%, среди немцев и украинцев – около 20% опрошенных.

Анализ знания национальных обычаев и обрядов у представителей различных национальных групп показывает, что наибольшей компетентностью в этой сфере обладают представители этнической группы армян (примерно две трети опрошенных). Среди украинцев и чувашей положительно ответили на вопрос около половины опрошенных, наименьший же уровень знаний в этой области зафиксирован в среде немецкого этноса (примерно одна треть опрошенных).

Среди известных обрядов и обычаев наиболее часто наши респонденты называли: религиозные обряды (пасхальные, рождественские (в частности, гадание, масленичные); свадебные обряды, а также обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка и с похоронами. В то же время в среднем 11% украинцев, 21% немцев и 30% чувашей в г. Казань выразили желание полностью соблюдать обычаи, обряды и традиции своего народа. Наиболее высоко число таких респондентов среди армян – 45% опрошенных. Еще около 38% украинцев, 24% армян, 30% чувашей и 25% немцев выразили желание частично соблюдать национальные обычаи, обряды и традиции. Отрицательно высказались по этому поводу (то есть не высказали желания соблюдать национальные обычаи, обряды и традиции) 21,6% украинцев, 9% армян, 18,8% чувашей и 16% немцев г. Казани.

Таким образом, желание полностью или частично соблюдать народные обычаи, обряды и традиции высказывают около 70% армян, 60% чувашей, 50% украинцев и 45% немцев, опрошенных в г. Казань. Наибольшее количество сторонников полного соблюдения национальных обычаев, обрядов и традиций зафиксировано среди опрошен-

ных армян. Большое значение для сохранности элементов традиционной культуры имеет влияние внешнего иноэтнического окружения и частота контактов с представителями своей этнической группы. Частые контакты с представителями своей группы способствуют большей сохранности традиционных черт культуры.

Достаточно отчетливо прослеживаются особенности культурных ориентаций в различных возрастных группах. Для всех изучаемых групп характерно возрастание интереса к собственной национальной культуре по мере увеличения возраста. Членами национально-культурных организаций являются в основном люди старшего и пожилого возраста. Полученные материалы показали, что культурные ориентации респондентов неодинаковы в различных социально-демографических группах. Женщины в целом чаще, чем мужчины ориентированы на собственную национальную культуру. С переходом в старшую возрастную группу эта особенность у женщин проявляется также несколько сильнее, чем у мужчин.

Наиболее высокая ориентация на инациональные формы культуры и широкий диапазон культурных интересов во всех изучаемых группах зафиксирован у работников интеллектуального труда; у работников квалифицированного физического труда и служащих с образованием выше среднего ориентация на инациональные формы культуры ниже, чем у интеллигенции, но выше, чем у работников неквалифицированного труда. Роль семьи в этнических процессах определяется тем, в какой степени происходит приобщение младшего поколения к культуре своих родителей. Следует отметить низкий уровень ориентации респондентов всех исследуемых групп на передачу своим детям различных форм национальной духовной культуры.

Большой интерес в контексте рассматриваемых сюжетов вызывают вопросы, касающиеся определения респондентами собственных национальных праздников и соблюдения национально-религиозных обычаев и традиций. В рамках исследования респондентам задавался вопрос: «Какие праздники Вы считаете своими народными?». В целом респонденты высоко оценивают уровень компетенции в этом вопросе. Треть опрошенных во всех изучаемых группах не смогли вспомнить ни одного народного праздника.

Наибольшее количество народных праздников в г. Казани называли армяне (75% опрошенных). Количество положительно ответивших на вопрос среди украинцев составило 68,5% (и еще 9% украинцев

сказали, что знают о народных праздниках, но конкретно вспомнить не смогли ни одного) и 68% немцев. Наименьшее количество положительных ответов получено среди респондентов-чуваши – 54,5% (и еще 13,9% не смогли назвать ни одного конкретного праздника).

Характерно, что значительное количество респондентов во всех этнических группах при определении народных праздников смешивает все традиции, в том числе традиции других народов, а также общегосударственные и общереспубликанские. Эти респонденты идентифицируют в качестве «народных» те праздники, которые, по сути, являются интернациональными, в частности, Новый год, а также религиозные праздники – в основном Рождество и Пасху. При этом анализ конкретных ответов показывает, что среди украинской и немецкой этнических групп подобные ответы встречаются чаще.

Исследование показало, что в сознании большинства респондентов религиозные праздники заменили собой традиционные праздники. В настоящее время в связи со слабым проявлением иных этнических определителей, этномаркирующие функции берет на себя религия. Но не как таковая, а лишь ее внешняя форма. Этот тезис подтверждается, в частности, структурой наиболее известных респондентам праздников – это Пасха, Троица и Рождество, имеющие привлекательное оформление.

Очевидно, что праздничная обрядность выполняет более широкие функции, чем индикация собственной этничности. По мнению Г.В. Старовойтовой, для современного городского населения традиционные праздники выполняют в первую очередь этнопсихологическую и коммуникативную функцию¹. Именно поэтому ответ «отмечаем все праздники, какие есть» часто встречается во всех изучаемых группах. Празднование «чужих» праздников – это возможность разнообразить обыденность рабочего распорядка жизни. Факт смешения в сознании респондентов разных праздников – религиозных, народных, «интернациональных», которые воспринимаются многими как «национальные» является подтверждением того, что приверженность к национально-религиозным традициям является во многом «культурной инсценировкой»².

¹ Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987. С.122.

² Ионин А.Г. Социология культуры. М., 2001. 194.

**Таблица 3. Уровень религиозности этнических меньшинств,
(в % от общего числа опрошенных)**

Считают себя верующим	Армяне	Немцы	Украинцы	Чуваши
Да	63	61	46,8	64,4
Нет	21	23	23,4	17,8
Колеблющийся	8	20	21,6	13,9
Затруднились ответить	8	6	8,1	4

По мнению ряда авторов, религия как часть духовной культуры часто играет особую роль для этнических групп, и в этом качестве она может способствовать интеграции либо дезинтеграции этнических общностей¹. В качестве основных индикаторов религиозности приняты показатели религиозного сознания и религиозного поведения. По данным нашего исследования более половины участников опроса отнесли себя к верующим (см. таблицу 3). Данная тенденция характерна и для этнического большинства республики.

Конфессиональные ориентации обследуемых групп, чаще совпадают с традиционными для того или иного этноса конфессиями: 57% армян, 46,8% украинцев, 62,4% чуваш отнесли себя к православным. Среди немцев преобладают католики: каждый четвертый опрошенный в г. Казани в меньшей степени православные (22%). На вопрос: «Насколько для Вас значима Ваша религиозная принадлежность?» были получены следующие ответы (см. табл. 4).

Другим критериям религиозности является религиозное поведение. В каждой религии существуют свои обязательные предписания, в том числе посещение храмов (церквей, мечетей). По отчетам наших респондентов в среднем около трети не посещают церковь (мечеть): 40% армян, 31% немцев, 23,8% чуваш г. Казани. Во всех группах основная масса респондентов посещает храмы от случая к случаю, либо по религиозным праздникам. Более часто посещают храм (раз в месяц, в неделю, каждый день) немцы и армяне (см. таблицу 5).

¹ Старовойтова Г.В. Указ.соч. С.123.

**Таблица 4.Значимость религиозной принадлежности
(в % от общего числа опрошенных)**

	Украинцы	Чуваши	Армяне	Немцы
Очень значи- ма	6,3	17,8	26,0	10,0
Зна- чима	32,4	39,6	33,0	33,0
Мало значи- ма	4,5	-	-	5,0
Со- всем не значи- ма	-	1,0	-	1,0

**Таблица 5.Частота посещения церкви,
(в % от общего числа опрошенных)**

	Украинцы	Чуваши	Армяне	Немцы
Каждый день	-	-	-	2,9
Раз в не- делю	1,8	3,0	6,6	31,9
Раз в ме- сяц	5,4	6,9	18,3	7,8
По праздни- кам	16,2	26,7	28,3	27,5
От случая к случаю	42,3	37,6	46,7	30,4

Таким образом, изучение состояния духовной культуры в группах этнических меньшинств полиэтнического города на наш взгляд показывает, что, несмотря на довольно высокую оценку респондента-

ми своей этнокультурной компетенции, демонстрируемая ими приверженность национально-культурным традициям носит во многом инсценировочный характер, а элементы культуры используются респондентами как средства персональной и групповой идентификации.

Основываясь на приведенных материалах, нам представляется правоммерным сделать следующие выводы:

1. В духовной культуре изучаемых групп этнических меньшинств главным направлением развития является нивелирование в ней этноспецифических черт и замена традиционных элементов культуры на элементы культуры этнического большинства, а также доминирование общегородской культуры. Однако этот процесс имеет разные темпы в изучаемых этнических группах. Наиболее выраженный характер ориентация на образцы этнической культуры имеет среди респондентов - армян, которые одновременно демонстрируют и наиболее высокий, по сравнению с другими изучаемыми группами, уровень групповой сплоченности и позитивного образа «Мы».

2. Уровень религиозности этнического меньшинства республики можно считать достаточно высоким. Самые высокие показатели по степени религиозности в исследуемых группах имеют немцы и армяне. На наш взгляд, религиозная активность представителей изучаемых групп выступает в роли интегрирующего фактора и используется их представителями как средство поддержания этнической идентичности¹.

Р.Б. Хаплекхамитов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

В переживаемый ныне Российской Федерацией период проблемы, связанные с формированием исторической памяти, поиском коллективной идентичности, актуализируются, вызывая постоянные,

¹ Помимо отсылок, обозначенных в сносках статьи, использованы: Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981; Методические указания и программа по изучению малых этнических групп в городах Татарстана / Сост. Т.А. Титова. Казань, 2002; Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.

не лишённые болезненности, дискуссии. Это можно объяснить тем, что в переломные моменты развития государств появляется необходимость обращения к историческому опыту с целью формирования новой идентичности, поиска выхода из кризиса духовно-нравственной сферы. В такие периоды важная роль принадлежит исторической памяти и научной интеллигенции, которая оказывает решающее влияние на формирование исторической памяти.

Обратимся к проблеме определения исторической памяти. Историческая память – это форма коллективного сознания, обращенная в прошлое, формирующая идентичность, определяющая значимые события прошлого, усвоение которого в массовом сознании основано на эмоциональном отношении, оценочных суждений и систематизации в личностной иерархии ценностей.

С развитием демократических ценностей и плюралистичности общества появилось масса изданий – как художественной, так и квазиисторической литературы. Следует отметить, что квазиисторическая литература широким слоям населения более доступна, так как тиражируется через средства массовой коммуникации. На формирование исторических представлений в коллективном сознании воздействует печать, издательская деятельность, широкий доступ в Интернет. Появилось много публикаций и инсталляций, извращающих исторические факты. Достаточно назвать кинофильм «Сволочи», который большинством интеллектуального сообщества был осужден и подвергнут критике. В результате историческая память, которая находится в динамическом движении, в настоящее время в массовом сознании носит мозаичный и фрагментарный характер, что объясняется резкой сменой идеологических установок, разнообразием мнений, даже в научной среде.

Данная ситуация замедляет становление коллективной идентичности в современных условиях и опасна тем, что может привести к расколу общества. Следует учитывать, что это происходит на фоне трансформации исторической науки и поиска новых методологических подходов, т.е. историческое сообщество не всегда своевременно может реагировать на факты фальсификации исторических событий и интерпретаций в определенных политических целях.

В данных условиях многим показалось, что исчезновение интеллигенции – свершившийся факт. Тем не менее, важная роль формирования содержания исторической памяти принадлежит именно

интеллигенции –научной, художественной, творческой. Пример – создание мемуаров. Мемуары – это уходящая память, и хорошо, когда есть свидетели. Персональные воспоминания привносят в историю личные переживания и отношения. Сопоставление личных воспоминаний определенного исторического периода позволяют выявить противоречия и неточности, оживить изучаемый исследователями период. Как правило, личные воспоминания пишут представители интеллигенции - военной, технической, государственные деятели. В данном случае диапазон расширяется.

Важным механизмом формирования исторической памяти является историческая политика как целенаправленные действия политиков по формированию образов прошлого. В любой исторический период политики уделяют данному вопросу пристальное внимание. Это наглядно демонстрирует советский опыт, когда профессия историка считалась идеологической. Современные политики влияют на данный процесс через формирование содержания образования, выделение значимых и знаковых памятных дат и составление их календаря (исторических событий, побед и личностей). Но некоторые даты не воспринимаются массовым сознанием, к примеру, образы Столыпина, Александра I и др. Политики с привлечением потенциала знаний научной интеллигенции участвуют в исторических программах на телевидении. Это один из механизмов формирования исторической памяти и образов прошлого. Если говорить о формировании исторической памяти в российском обществе, то базисом в настоящее время остается Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Память о войне является важным объединительным элементом народов страны в переживаемый период. Следует сказать, что историческая память формируется монументальным искусством. Современный период ознаменовался переименованием названий улиц, постановкой новых монументов. Из СМИ видно, какую живейшую дискуссию данный вопрос вызывает в обществе, какая происходит ожесточенная борьба.

Немалая роль принадлежит музеям. Ностальгия по советскому прошлому вызвала к жизни музеи социалистического быта, музеи социализма. И в этом первичная инициатива принадлежит творческой интеллигенции. Следует особо сказать о специфике литературного творчества в современный период. Литература не всегда соответствует историко-документальному пути. Историческая наука располагает в настоящее время новыми возможностями и новыми методологиче-

скими подходами. Но от художественного произведения не всегда требуется точность воспроизведения исторических событий, хотя к этому стремиться следует, ибо воздействие таких произведений на историческую память колоссально. Ответственность писателя велика. Достаточно назвать рассказ В.Шаламова «Перчатка», в котором автор рассуждает о связи памяти и забвения...

Одной из проблем историзма и исторической памяти является ее перенесенность в повседневность, и поэтому следует «уменьшать ров», разделяющий Большую историю и малую повседневность. Мы не можем закрыть его совсем и обеспечить прозрачность исторического процесса для обыденного сознания. В то же время экономический и социально-психологический сдвиг требует новой основы социальной практики, способной вызвать активизацию когнитивных презумпций, связанных с коллективной идентичностью.

Все вышесказанное позволяет говорить о козволюции человека (личности), исторической памяти и культуры, и «если гены навязывают человеку континуально размытое восприятие мира, а образ жизни диктует ему линейно-дискретное видение. То верх над генетическими предпосылками одерживает культура». Таким образом, следует сказать, что интеллигенция своей публичной деятельностью (монографии и исследования, музеи и монументальное искусство, выступления в СМИ, педагогическая деятельность) может и вносит важный вклад в формирование исторической памяти, являющейся базовой основой единства общества.

Переживаемый период, несмотря на линии разрыва в обществе, позволяет приблизиться к искомому единству по основным проблемам исторического прошлого страны и формирования социальной устойчивости.

Е.А. Черёмушникова

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В социологии культуры историческая память определяется как «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии характерном, как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносо-

циальных групп, а также отдельных людей»¹. Она представляет собой такой феномен, который отвечает за сохранение и трансляцию культурного наследия, и, одновременно за разумное сочетание традиций и новаций, позволяющее любому обществу интегрироваться в новые социокультурные реалии, отвечать на вызовы глобализующегося пространства.

Создание механизма сбалансированного сочетания традиций и новаций, позволяющего сохранять собственную культурную идентичность, актуально для любого общества, поскольку сегодня процесс взаимопроникновения культур стал неотъемлемой частью повседневности и подчас выглядит как процесс управляемый, зачастую агрессивный и угрожающий сохранению культурного разнообразия. Без ясного осознания того, каким образом осуществляется сохранение культурной идентичности и каковы возможности и перспективы культурного строительства в общемировом пространстве невозможно социокультурное проектирование и прогнозирование.

Общества и культуры пребывают сегодня в состоянии интенсивного поиска путей сохранения собственной культурной идентичности при одновременном поиске возможностей интеграции в мировое культурное пространство. Исследователи неоднозначно высказываются о сути самого процесса глобализации, о возможных позитивных и негативных последствиях. Глобализация выглядит как борьба двух разнонаправленных процессов в культурном взаимодействии: с одной стороны мы наблюдаем унификацию культурных ценностей, появление открытого пространства для беспрепятственного культурного обмена и взаимопроникновения культур, а с другой стороны – тенденцию, направленную на сохранение уникальности каждой из культур, их локализацию и закрытость. Многие ученые склонны отождествлять понятие глобализации и вестернизации. В противовес этой позиции выступает стремительное обособление европейской цивилизации, столкнувшейся сегодня с крахом политики мультикультурализма. Сейчас мы можем наблюдать всевозможные варианты того, как различные культуры и общества, отвечая на вызовы глобализации, создают свои специфические стратегии поведения. Особый интерес пред-

¹ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и Новейшая история. 2000. № 4.

ставляют собой модели, создаваемые наиболее «крупными игроками» культурного пространства, такими как Китай, Россия и др.

Автору данной статьи представляется, что китайская культура демонстрирует сегодня миру одну из самых уникальных моделей вхождения в глобализационное пространство. Уникальность ее заключается в том, что она в отличие от многих других моделей выглядит управляемой, а не стихийной. Мы осмелимся предположить, что главной причиной возникновения такой управляемой модели является специфичный и сложный по своей структуре строй языка, который препятствует языковой интервенции и языковой ассимиляции, а значит, и сохранению ядра аксиосистемы.

Китайское общество, которое насчитывает более 5000 лет исторического, политического философского, художественного развития, относится к традиционному типу культуры, главным законом которого на протяжении долгого исторического периода являлось сохранение и воспроизводство традиции в неизменном виде. Вероятно, это один из немногих этносов, где физический тип населения не менялся в течение тысячелетий. Несмотря на то, что существующие внутри страны региональные различия создают ощущение разрозненности, именно общность языка, а так же религиозно-этических взглядов объединяют традиционную культуру Китая.

Естественно, в обществах подобного типа, где традиция становится основой воспроизводства социальных институтов, существует опасность того, что все аспекты жизни данного общества и порядок вещей могут буквально мумифицироваться. Характерной особенностью для них становится настороженное отношение к проникновению любых новшеств, особенно заимствований из «чужих культур», что впоследствии может привести к застойным явлениям. Общество, которое не способно проявлять гибкость в традициях, приспосабливаться к различным новшествам, самостоятельно запускает процесс саморазрушения.

Очевидно, что культуре Китая это не угрожает, потому что она демонстрирует миру превосходное умение сочетать традиции с новейшими достижениями постиндустриальной цивилизации¹. Благодаря этой политике, становится возможным процесс интеграции традиционного общества и его культуры с иными культурами и представле-

¹ Подробнее см.: Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 2003.

ниями, но при этом все основные ценности остаются нерушимыми. Эта стратегия китайского общества представляется достаточно конструктивной и логически выверенной.

Коллективная память народа продолжает функционировать как бастион идентичности. Идентичность представляет собой особую характеристику субъективности, состоящую в ощущении, переживании индивидом собственной принадлежности к определенной этнической группе, восприятия себя представителем конкретного народа. Речь идет о соотношении индивидом некоторых составляющих собственной определенности с особыми характеристиками группы (общности), к которой он себя причисляет. В этом смысле этническая идентичность на групповом уровне состоит в сохранении некоторого объема коллективных представлений о себе и мире, и одновременном эмблематическом использовании некоторых сторон культуры с тем, чтобы отличать себя от других групп.

Для того, чтобы культура сохранялась и воспроизводила сама себя необходимы, считает В. В. Красных, следующие механизмы: «1) межпоколенная трансляция культурных традиций и предпочтений; 2) социальное навязывание в качестве обязательных оценок и представлений, 3) идеологическое принуждение к принятию и соответствию моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых».¹ При этом в каждой этнической культуре обязательно закреплены механизмы обособления, благодаря которым на подсознательном уровне у единичного носителя культуры сохраняется способность идентифицировать компоненты культуры по признаку «свое» - «чужое».

Этническая идентичность является одним из наиболее стабильных и константных элементов, связанных с исторической памятью и мало зависит от изменения социальных ролей, статусов, видов деятельности, политических или иных ориентаций. Так, абсолютно все жители Китая ощущают свою общность через такое коллективное представление как «мы – жители Поднебесной». В иерархии ценностей семья и все, что с ней связано, продолжает оставаться на первом месте, несмотря на жесткие реформы в этой области.

¹Красных В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык: Исторические судьбы и современность. М., 2010. С.659.

Основными маркерами этнической принадлежности обычно выступают такие наблюдаемые и объективные факторы, как язык, территория проживания, религиозная принадлежность, пища, одежда и т.д. Каждый из них выполняет свою роль в поддержании исторической памяти и сохранении этнической идентичности. В совокупности они дают уникальный слой культурных ценностей, обладающих ярко выраженной этнической принадлежностью. Идентичность константна в том смысле, что без нее невозможно сохранение этнической общности, а, следовательно, и этнического сознания. Вместе с тем, сами признаки этого сходства видоизменяются. Абсолютно все эти факторы в современном культурном пространстве, за исключением, пожалуй, территории, подвергаются быстрому изменению в условиях общемировых интеграционных процессов, что нередко приводит к стремительной потере культурной идентичности.

Из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее отчетливо выраженными этническими функциями и представляет собой один из основных элементов внешней и внутренней самоидентификации. Не случайно в научной литературе при определении основных признаков этнических образований язык выдвигают на первое место. Особое значение языка для нации отмечалось уже Жан-Жаком Руссо и Дж.С. Миллем¹, и для этого есть достаточные основания. По мнению И.А. Ильина, именно язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. ...² Анализ этничности невозможен без изучения ее языковых форм и процессов, идущих в языке. Изучение и рассмотрение языка как элемента традиционного самосознания в совокупности с изучением традиционной культуры дает возможность получения знаний не только о языковых процессах, протекающих в обществе, но и об этнокультурной ориентации народа, степени его языковой и культурной интеграции с другими культурами. Именно поэтому мы и выделяем китайский язык как предмет специального рассмотрения. Изучение и анализ лингвокультурных процессов дает информацию о структурных изменениях, происходящих в

¹ Руссо Жан-Жак. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Избр. соч. М., 1961. Т. 1. С. 221; Миль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863. С. 302.

² Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.237.

культуре того или иного этноса, степени его трансформации под натиском глобализации.

По нашему мнению ситуация, когда сильному воздействию инокультурных влияний подвергается язык, представляет особую опасность для идентичности. Именно язык, будучи живой, постоянно видоизменяющейся структурой, зачастую становится одним из главных агентов агрессивного и незаметного проникновения иной культуры. Рассмотрев языковые примеры, позаимствованные у других авторов и почерпнутые из собственных наблюдений, мы предположили, что одной из главных причин успешного сохранения неповторимости и воспроизводства китайской культуры является сложность языка данного этноса для освоения представителями других культур. Однако эта устойчивость является результатом не только сложности языкового строя. Нужно иметь в виду и такую особенность китайского языка, как умение вводить в него новые лексические единицы, не разрушая при этом целостности языка и культуры.

Обычно вводимые в язык новые лексические единицы воспринимаются как «чужие» в период некоторого непродолжительного периода. Ныне этот период становится все более кратким. Следующее поколение носителей языка уже воспринимает новое слово как вполне «свое» и также привычно начинает воспринимать ментефакты (термин В. В. Красных), связанные с этими словами. Процесс изменения и даже разрушения языка и культуры при этом становится практически неощутимым для рядового носителя данной культуры. Как только слово перестает восприниматься как «чужое», прекращается критическое восприятие связанного с ним предмета или явления. И в этом кроется определенная опасность.

В китайском языке этот процесс выглядит несколько иначе. В качестве примеров, подтверждающих осторожное новаторство языка, приведем ряд заимствований и новообразованных единиц, прочно вошедших в современный китайский язык, но продолжающих существовать несколько обособленно, поскольку они «культурно маркированы». Именно это позволяет одновременно и сохранять язык, и вырабатывать особое отношение к заимствованным словам со стороны рядовых носителей языка и культуры.

Китайский язык подвергался изменениям в соответствии с происходящими в обществе и в мире процессами еще со времен Чжан

Цяна (II век до н.э.)¹. Было решено все товары иностранного происхождения обозначать иероглифом 胡 (hu), так появились слова 胡桃 (грецкий орех), 胡葱 (лук-шалот), 胡麻 (кунжут), 胡豆 (конский боб), 胡琴 (скрипка), 胡瓜 (огурец огородный), 胡荽 (кориандр) и многое другое. В последующем добавилось еще несколько иероглифов, определяющих иностранное происхождение того или иного объекта – это иероглифы 西, 番 и 洋.

Такие слова, как 西红柿 (помидор), 西瓜 (арбуз), 番薯 (сладкий картофель), 洋火 (спичка), 洋油 (керосин), 洋烟卷 (сигареты), 荷兰豆 (овощной горох) также появились в Китае благодаря культурному и товарному обмену. Но, несмотря на проникновение в язык, данные языковые единицы имеют своеобразную маркировку, указывающую на чужеродное происхождение этих слов².

Несмотря на традиционность и устойчивость китайских традиций, процесс глобализации оставил свой значимый отпечаток на «свитках» древнего китайского письма. Этот процесс можно легко отследить, если обратиться к заимствованиям, которые появились в китайском языке в результате культурного обмена:

- 坦克(tǎnkè) + 车 = танк;
- 巧克力 + 糖(táng) = шоколад;
- 沙丁(shādīng) + 鱼 = сардины;
- 高尔夫 (gāoěrfū) + 球 = гольф;
- 芭蕾(bālái) + 舞 = балет;
- 吉普(jípǔ) + 车 = джип;
- 香槟(xiāngbīn) + 酒 = шампанское.

Существует также ряд заимствований, образованных путем транслитерации. Они сложнее усваиваются, т.к. имеют трудное написание и произношение, не имея при этом ничего общего с традицион-

¹ Кагарлицкий Б. После глобализации // Режим доступа: [http // offline.line.computerra.ru / offline/ 2003/ 494/ 27214/](http://offline.line.computerra.ru/offline/2003/494/27214/)

² Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М., 2000. С. 277.

ными способами словообразования, что также указывает рядовому носителю языка на то, что слово «чужое». Тем не менее, некоторые заимствования, образованные способом транслитерации, используются и в современном китайском языке.

Например:

1. 沙发 (диван) – произносится как shafa, образованно от английского sofa;
2. 咖啡 (кофе) – kafei;
3. 扑克 (Покер) – puke;
4. 幽默 (юмор) – youmo;
5. 三明治 (сэндвич) – sanmingzhi;
6. 麦克风 (микрофон) – maikefeng;
7. 逻辑 (логика) – luoji и т.д. ¹[Заимствованные слова и культурный обмен, www].

Сегодня все чаще можно услышать, что «как ни старалась культура на всех предыдущих этапах сохранить равновесие между традициями и новациями с помощью выстраивания и поддержания иерархий, сегодня она тщетно пытается сохранить свой «кокон»². Однако к китайскому обществу это не относится. Используя политический и экономический опыт других стран, Китай демонстрирует устойчивое культурное равновесие, и не последнюю роль в этой устойчивости играет его способность создать механизм, позволяющий сохранять идентичность, историческое сознание, коллективную память. Китай, несмотря на традиционность своей культуры, становится все более открытым для проникновения в нее новейших достижений мировой цивилизации. Несмотря на плюрализм и пестроту возникающих культурных форм, про китайское общество можно сказать, что оно остается обществом с развитым чувством культурной ответственности.

¹ Заимствованные слова и культурный обмен // Современное искусство Китая и стран СНГ, 2010: [Электронный ресурс]. URL: <http://arts.imextrade.ru/review/kaleidoscope-of-culture/loanwords-and-cultural-exchanges/> (дата обращения: 14.11.2010)

² Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. СПб., 2008. С. 198.

Вполне очевидно, что основной стратегией китайской культуры в условиях глобализации является не противостояние иной культуре, и не полная закрытость, а очень аккуратное принятие новизны и постепенное контролируемое введение новых культурных и языковых форм, которые обогащают китайское общество, не разрушая ядро его аксиосистемы. Эта стратегия, как и все «китайское», является адекватной вызовам глобализации.

С.Г. Ширханян

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Диалог культур – это общение, взаимодействие культур, их взаимовлияние и взаимообогащение, взаимопонимание и взаимоуважение ценностей друг друга, это средство снятия политической напряженности между государствами и народами посредством межкультурного сближения. Именно понятие культура имеет ключевое значение во всяком диалогическом процессе, ибо всякий человек, как субъект диалога, является носителем определенных ценностей, смыслов, идеалов, которые всегда воплощены в культуре того или иного народа, нации, этноса или более мелкого сообщества.

В свою очередь, базовым и сущностным в содержании всякой культуры является то, что принято называть исторической памятью. Под последним понятием следует понимать не просто набор передаваемых из поколения в поколение определенных идеалов, мифов, ценностных ориентаций, эмоциональных реакций на то или иное историческое событие, которое сыграло ключевое значение (отрицательное или положительное) для той или иной единицы человеческого общежития (нация, этнос и т.д.), но и совокупность субъективно преломленных рефлексий на эти события и явления.

В данной статье мы попытаемся основной акцент сделать не на саму проблему взаимоотношения, взаимосвязи, или взаимовлияния исторической памяти и процесса культурного диалога, а на вопрос о том, как именно проистекает процесс диалога в современном мире, какие проблемы выявляются в условиях глобализационной специфики и какое место во всем этом занимает феномен исторической памяти. Ответы на вышеуказанные вопросы и проделанный анализ будут основываться на преимущественно политологическом понятийно-категориальном аппарате и методологической базе.

Проблема диалога всегда была актуальна, однако в последнее время внимание к данному феномену особенно заострено, само понятие чрезмерно популяризировано и зачастую встречается в преимущественно ангажированной форме, что в свою очередь обусловлено политической реальностью и тем пакетом «правил игры», которые сегодня бытуют в мире политическом. Сегодня целенаправленным образом игнорируется подлинная суть диалога и происходит очевидная подмена тезиса, ибо подлинный диалог в своей природной, «чистой» форме представляет собой двусторонний процесс, он предполагает равные позиции обоих субъектов в ходе взаимообмена, общения, взаимодействия. Иными словами, истинный диалог предполагает такое состояние дел в обмене (именно в обмене, но не в навязывании) теми или иными смыслами, где не преобладает исключительное влияние какого-либо одного субъекта, одной стороны этого диалога и процесс влияния или освоения идей или ценностей не имеет исключительно одностороннего характера.

Если следовать этой логике и взглянуть на факты истории в контексте понятия исторической памяти, станет очевидным, что наблюдаемые сегодня процессы глобализации (а глобализационный процесс всегда предполагает также и культурную глобализацию) и диалога культур просто-напросто противоречат друг другу. Однако последний факт сегодня преподносится совершенно по-иному: основные «игроки» теории глобализма утверждают, что диалог в условиях глобализации, наоборот, более вероятен, чем в условиях иных геополитических процессов. С этим можно согласиться, но с одной, в корне меняющей дело оговоркой: если речь идет о современном «псевдо-диалоге», который зачастую представляет из себя одностороннюю прививку или навязывание ценностей и смыслов исключительно западной культуры, т.е. под диалогом имеется в виду культурная экспансия (что просто абсурдно по своей сути), то апологеты глобализма совершенно правы. Другое дело, что этот «диалог» они представляют как самый настоящий, подлинный процесс взаимообмена, хотя практические наблюдения этих процессов не фиксируют реального взаимообмена и констатируют исключительно односторонний поток влияния, тенденцию нивелирования всяких культурных особенностей и специфик, их гомогенизацию в единую парадигму.

В научной литературе часто исследуются формы взаимодействия высокой культуры с менее развитой, когда последняя, не без уси-

лий первой, усваивает ее ценности. Называется это «диалогом культур». Более того, утверждается, что это двусторонний процесс взаимодействия. Однако на самом деле это лишь маска, под которой кроится политическая экспансия относительно сильной нации над слабой, что происходит, как можно заметить, посредством именно культурной экспансии, как мощного идеологического орудия, которое можно использовать в том числе и прежде всего в осуществлении политических целей нации. Взаимодействие культур и воспроизводимая форма их общения значительным образом зависят от степени «культурной зрелости» наций, идентичности и систематизированности культуры, значимости последней в духовной жизни данного народа, а также духовного потенциала нации.

Конечно, культуры не всегда взаимодействуют без компонента враждебности, и чаще всего происходит не диалог, а столкновение культур. Но если сравнить столкновение и современный «диалог» как формы взаимоотношения, то, как бы это парадоксально ни прозвучало, столкновение – это вполне нормальное явление: мир не гомогенен, культуры и цивилизации также, следовательно, вполне естественно, что между ними может быть наблюдаться столкновение, противостояние или, по крайней мере, несогласие. Это, кстати, предполагает диалектическая философия, которой придерживались и придерживаются многие выдающиеся мыслители (греческий мыслитель Гераклит Эфесский, немецкий философ Г. Гегель и др.). Что же касается современного диалога, то на самом деле это «квазидиалог», имеющий искусственный характер, манипулирующий сущностью вещей и не соответствующий естеству «природного» диалога. Явления, однако, нужно называть своими именами.

Диалог культур в условиях современных процессов глобализации невозможен и наглядным свидетельством тому является тенденция к уничтожению культурного разнообразия, что автоматически снимает проблему диалога. Единственным же мощным фактором, который противодействует этому глобальному процессу, выступает историческая память — своеобразный пантеон национальной идентичности, воспроизводящий социо-культурную непрерывность и преемственность. «Память — преодоление времени, преодоление пространства. Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство», -

писал известный советский академик Д. С. Лихачев¹. Память как «бес-телесная духовная субстанция» становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний, выпадающих на долю людей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, а это обусловлено прежде всего исторической памятью.

Апологеты современного глобализма хорошо сознают исключительное значение феномена исторической памяти, поэтому не случайно, что сегодня это понятие чуть ли не забыто, тогда как диалог (в современном, искаженном понимании) присутствует чуть ли не в каждом тексте, и любой контент-анализ официальных заявлений или речей политических деятелей подтвердит данное суждение. Вместе с тем, в корне всякого диалога находится именно историческая память, от которой и зависит форма культурного общения, возможность диалога вообще и, наконец, ее подлинные, истинные проявления, лишенные политико-идеологических инсинуаций.

Таким образом, вырисовывается строгая логическая цепочка современных, преимущественно политических процессов: диалог в условиях глобализации невозможен, и поэтому «нужно» упразднить все, между чем и должен, собственно, происходить диалог (культурный), а это, в свою очередь, невозможно без нанесения мощных «ударов» по исторической памяти, что и в настоящее время наблюдается во всех сферах жизнедеятельности людей. Фактически внедряется новая философия - «живи сегодняшним днем». Ее реализация грозит настоящей духовной катастрофой для всего человечества. И просто аморально рассматривать историю как некий старый чемодан, который нужно закрыть, отправить на чердак и забыть про него. История имеет свойство повторяться, ибо прошлое – это лишь одна часть той текучей «реки», которую вместе с настоящим и будущим философы склонны называть «бытие».

Но природа создала нас разными, своеобразными, различными языки, культуры, нации, каждая из которых имеют свою миссию. Искусственное стремление упразднить это естественное культурное разнообразие, равно как и смена пола, цвета кожи и прочих ненормаль-

¹ См.: Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивилизации // <http://www.lihachev.ru/chten/2006god/dokladi/seksiya3/ikonnikova/>

ных явлений, наблюдаемых на том же Западе, означает противление природе и естественному закону, а последний, в свою очередь представляет из себя слово Бога (божественный логос), воплощенное в природе. Естественный закон также является тем критерием, из которого должен исходить человеческий, т.н. позитивный закон. Следовательно, противление естественному закону имеет не только антиобщественный и антиестественный, но и антибожественный характер. Иными словами, мы имеем дело с кощунством в самом прямом смысле этого слова, и оно не просто существует, но и пытается навязаться на шею всего человечества.

За будущее мира ответственны не только руководящие круги, но и каждый из нас. Тот или иной ход событий зависит от усилий каждого человека. Легко разрушить то, что создавалось в течение десятков миллионов лет, тогда как очень трудно сохранить и тем более создать или воссоздать эстетические, духовные и культурные сокровища, которыми мы обязаны лучшим умам человечества, творившим на протяжении тысячелетий. И нет миссии благороднее той, что представляет собой заботу о сохранении и преумножении этого богатства, открывая новые горизонты для сотрудничества и взаимодействия, основанных на обоюдном доверии и уважении, на подлинной и искренней идее диалога.

А.А. Шульмин

**ТРАДИЦИИ И ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТИИ)**

Патриотизм - это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения. На макроуровне патриотизм представляет собой значимую часть общественного сознания, проявляющуюся в коллективных настроениях, чувствах, оценках, в отношении к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству, системе основополагающих ценностей.

Патриотизм проявляется в поступках и в деятельности человека. Зарождаясь из любви к своей малой Родине, патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству.

Патриотизм всегда конкретен, направлен на реальные объекты. Деятельная сторона патриотизма является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в конкретные для Отечества и государства дела и поступки? Патриотизм всегда направлен и осуществляется конкретными акторами. Однако, в российском законодательстве такой конкретики нет. Не указано, к чему конкретно применим патриотизм, в чём он выражается. Либо это Россия, либо субъект федерации, либо конкретный район, местность? Наконец, не указан носитель патриотического начала. Либо это организация, либо народ? Если народ, то какой? В любом деле должен быть ответственный за поставленные задачи. В концепции эти вопросы не раскрыты.

Не удивительно, что определений патриотизма существует великое множество. И каждое претендует на истину. В результате проблема патриотизма является очень дискуссионной. И это спор не только в рамках научного сообщества. Сейчас уже многие представители политических и предпринимательских кругов ощутили, что патриотизм становится актуальным в условиях современного мира. Патриотизм является защитой и ответом на вызовы окружающего мира, такие как глобализация, этническая оргпреступность, терроризм, религиозный экстримизм и др. Исходя из этого, рождается понятие того, что принципы патриотизма не будут существовать сами по себе, а лягут в основу государственной политики, определяют национальную идею, а значит, и курс развития России и её народа.

Вот почему проблема патриотизма системный характер. А.Медведев, бывший тогда Президентом России, высказал верное суждение. «Вопросы патриотического воспитания должны оставаться в центре внимания нашей государственной деятельности. Причем эта работа должна вестись, что называется, с пониманием ответственности задачи, она не должна быть шаблонной, она должна доходить до сердца. Вопрос патриотического воспитания не может быть формальным, он должен именно соотносываться с личными представлениями каждого человека о его месте, с его восприятием страны, Родины.

Поэтому, конечно, этим нужно заниматься, заниматься и в школе, и в студенческих коллективах, но заниматься так, чтобы это создавало соответствующее желание у наших молодых людей, школьников и студентов изучать историю страны, создавало ощущение причастности к сегодняшнему дню и гордости, конечно, за те события, которые были в прежний период»¹.

В дореволюционной России существовали учреждения, готовившие для России специалистов как военного дела, так и гражданско-государственной службы. Речь идет о системе кадетского образования и императорских лицеев. За пределы образованных слоёв населения идеи патриотизма не выходили.

В Удмуртии примером такого положения дел служит судьба дворянки Надежды Дуровой, участвовавшей в войне против наполеоновской Франции². Естественно, что народные массы также проникались идеями защиты своей земли, но происходило это стихийно и, как правило, в кризисные моменты русской истории.

Государство не проводило сколько-нибудь постоянной политики в области патриотического воспитания. Однако на некоторые категории населения элементы патриотического воспитания осуществлялись. Многочисленная прослойка квалифицированных рабочих, особенно оружейников, всегда была в обойме политики. И потому поддерживалась государством материально. До сих пор в городе Ижевске сохранились двухэтажные каменные дома ижевских рабочих - оружейников, или «крокодилов», получивших своё прозвание за наградные зелёные кафтаны. Неудивительно, что в период гражданской войны ижевские рабочие, особенно русские, а они составляли среди рабочих всех уровней большинство (и это не только в Удмуртии), массово поддерживали белое движение. Из числа ижевских рабочих была создана знаменитая Ижевская дивизия, хорошо показавшую себя в боях с Красной армией³.

В советское время централизованная система патриотического воспитания тесно перекликалась с идеологической составляющей политического режима, а также имела ряд отличий от царской системы.

¹ Медведев Д.А. Из видеоконференции в приемной Президента России, 9 апреля 2009 г.

² http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/23928/Дурова).

³ <http://izhzavod18.narod.ru/sennikov.htm> Статьи Б. Сенникова

В целом можно выделить следующие системообразующие элементы:

1. Воспитание в рамках октябрьского – пионерского – комсомольского движений;
2. ДОСААФ СССР;
3. Суворовские и Нахимовские военные училища;
4. молодежные военно-патриотические объединения и клубы.

Пионерская организация в СССР была образована решением Всероссийской конференции комсомола 19 мая 1922 года. Формально приём осуществлялся на добровольной основе. В пионеры, как правило, принимались дети начиная с 9-летнего возраста (обычно в 3-4 классах советской средней школы) и состояли в ней до 13-14 летнего возраста, когда начинался приём в комсомол. Среди пионеров проводились различные организационные мероприятия: смотры, концерты, спортивные соревнования, походы. Большую популярность приобрела военизированная детская игра «Зарница».

8 ноября 1942 г. на Всесоюзный воскресник «Пионер – фронту» вышли отряды по всей стране. Ребята пилили дрова, убирали палаты в военных госпиталях, собирали металлолом, помогали семьям фронтовиков убирать квартиры, готовиться к зиме. Пионеры собирали деньги в фонд обороны. Первый пионерский танк, громивший врага, назывался «Горьковский пионер». В Удмуртии 950 тимуровских команд шефствовали над семьями красноармейцев. Юными патриотами было дано более 5 тысяч концертов в госпиталях, собрано для раненых десятки тысяч книг, сотни килограммов лекарственных растений¹.

Из обращения пионеров и школьников Кулигинской средней школы ко всем пионерам и школьникам республики с призывом организовать сбор лекарственных растений от 11 сентября 1942 года: «...Сейчас стране как никогда раньше нужны лекарства для того, чтобы раненые бойцы быстрее выходили из госпиталей. Поможем нашим бойцам, чтобы их раны быстрее вылечивались. Организуем сбор дикорастущих лекарственных растений»².

Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодёжи

¹ Демонстрационный материал в Центрального Государственного архива УР.

² Удмуртия в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Ижевск, 1995. С.118.

(ВЛКСМ), также известный как Комсомол (Коммунистический союз молодежи) — политическая молодёжная организация, созданная 29 октября 1918 года и работавшая под руководством Коммунистической партии. Через шестьдесят лет после основания организации, к 1977 году, в комсомоле состояло свыше 36 миллионов граждан СССР в возрасте 14-28 лет. Первоначально в ВЛКСМ принимались в основном дети рабочих и беднейших крестьян. В дальнейшем социальная база ВЛКСМ постепенно расширялась, и в 60-х-80-х года XX века в ВЛКСМ принимались практически все учащиеся общеобразовательных школ. Членство в ВЛКСМ фактически являлось необходимым атрибутом для успешной карьеры молодого гражданина СССР, и являлась своего рода системой подготовки молодых кадров.

Такой подход в воспитании молодёжи помог в годы Великой Отечественной Войны. Когда рабочие заводов СССР обеспечивали страну продукцией, необходимой фронту, им приходилось выдерживать напряжённейший график работы. Мотивировать их помогали идеи патриотизма, привитые со школьной скамьи.

Велик вклад в дело Победы над фашистской Германией и Удмуртии. Удмуртия отправила на фронт 400 тысяч своих сынов и дочерей, воспитала 101 Героя Советского Союза и 20 полных кавалеров ордена Славы. Более 145 тысяч наших земляков отдали жизнь за свободу и независимость Родины. Ижевск за годы войны дал фронту более 11 миллионов единиц стрелкового оружия. Это почти столько же, сколько вся промышленность США, в 2 раза больше, чем Великобритания, и на 2 миллиона больше, чем все заводы Германии. Каждая десятая пушка, бившая по врагу, была произведена на Воткинском заводе.

В 1945 году производство оружия выросло почти в три раза по сравнению с 1941-м. В 1945 г. Ижевский машиностроительный выпускал 20 видов военной техники. Всего за годы войны здесь было произведено более 11 миллионов винтовок и карабинов, более 15 тысяч авиационных пушек, более 130 тысяч противотанковых ружей. За годы Великой Отечественной войны металлурги освоили 75 новых марок стали на электропечах и мартеновских агрегатах.

Коллектив металлургов завода «Ижсталь» внес на танковую колонну «Ижевский рабочий» 3 миллиона 389 тысяч рублей. В войну металлурги построили 8 жилых домов, 18 бараков и общежитий, в которых поселились рабочие, пришедшие из деревень, и эвакуирован-

ные с мест военных действий.

«Воткинский завод» в 1941- 1945 гг. изготовил более 52 тысяч пушек различного калибра, более 3 миллионов корпусов к снарядам и авиабомбам. Каждая десятая советская пушка, бившая врага, была пушкой воткинского производства. Осенью 1942 г. сформировал, вооружил пушками собственного производства и отправил на фронт 174-й отдельный истребительный противотанковый дивизион имени Комсомола Удмуртии.

«Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг» (с 1941 по 1946 гг. - завод №524 Наркомата вооружения СССР) в первые месяцы войны завод продолжал выпуск мотоциклов «Иж-9». Эта продукция была нужна фронту, и люди трудились самоотверженно. В начале войны на заводе производились детали для снарядов реактивной установки «Катюша».

К концу 1941 г. разработана техническая документация и организовано массовое производство пулемётов «Максим». Принять первую партию пулемётов в марте 1942 г. на завод прибыл Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Всего мотозаводцы выпустили 82250 пулемётов (вместе с опытными экземплярами), что составляет 90% всех изготовленных в стране «Максимов» с 1941 по 1945 годы.

«Сарапульский электрогенераторный завод» - Завод № 284 начинает производства самолетных генераторов и регуляторных коробок. В августе 1942 года была организована и функционировала полноценная производственная инфраструктура и отправлена первая партия генераторов для пикирующего бомбардировщика Пе-2, первого советского самолета, который практически полностью управлялся с помощью электромеханизмов

На производство пришли старики и женщины, к станкам и верстакам встали подростки, наскоро обученные ученики ФЗО. Работали, проявляя чудеса трудового энтузиазма.

1944 год стал для предприятия временем освоения и перекрытия проектной мощности. По сравнению с 1942 г. объемы производства выросли в 1943 г. на 100 процентов, в 1944 - на 383, 6%, в 1945 - на 530,5%. Изделиями предприятия было оснащено более 10,5 тысяч пикирующих бомбардировщиков Пе-2, знаменитых «пешек», наводивших страх на гитлеровцев. Заводчане внесли в фонд обороны 2739000 рублей. И таких примеров великое множество. Феномен такой самоотверженной работы объясняется не только воспитательной работе

коммунистической партии, а тем, что простые граждане осознали необходимость победы над врагом. Заслуга же партийных органов заключалась в умении организовать население СССР на борьбу с противником. Этот опыт патриотической работы, озвучивание (хотя бы озвучивание) является «хранилищем» исторической памяти...

В СССР расцвет деятельности молодежных военно-патриотических клубов пришелся на вторую половину 1980-х годов. Тогда из Афганистана стали возвращаться офицеры и солдаты, обладающие уникальным опытом ведения современной войны. Ветераны-афганцы без каких-либо указаний сверху, повинаясь своему чувству долга, не имея никаких особых взаимных договоренностей, создали уникальную систему военно-патриотического воспитания, в основу которой легли любовь к Родине, Армии и своим детям, лучшие армейские методики и боевой опыт войны в Афганистане.

Большое значение придавалось патриотическому воспитанию, что в условиях слабеющего советского государства и его идеологии имело огромное значение. Таким образом, военно-патриотический клуб смог соединить в себе спортивную секцию, лучшие формы армейской подготовки и идейно-патриотическое воспитание. Все это объединялось высокой идеей воинского служения своему народу и стране, что, в конечном итоге, рождало в молодом человеке чувство жертвенной любви к Родине. С развалом СССР рухнула и система патриотического воспитания.

Как реликт этой системы, сейчас в некоторых регионах страны функционируют клубы поисковиков, но у них нет общероссийской структуры и единого финансирования.

В настоящий момент в Российской Федерации действует около 2000 организаций, которые имеют непосредственное отношение к делу военно-патриотического воспитания молодежи. Эти организации насчитывают более 100 тысяч юношей и девушек. В различной форме сохранились все способы военно-патриотического воспитания, существовавшие с советских времен, — такие как Суворовские и Нахимовские военные училища, ДОСААФ, военно-патриотические клубы, — а также появилось множество новых

Структурой, призванной решать организационные, методические и информационные задачи в системе патриотического воспитания граждан, является государственное учреждение Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве

Российской Федерации («Росвоенцентр»).

С 2001 г. основным направлением деятельности данной государственной структуры становится обеспечение реализации принятой в РФ Государственной программы патриотического воспитания граждан, а впоследствии – и разработка концептуальных основ следующей, рассчитанной на 2011-2015 годы.

Основные структуры, целью которых является патриотическое воспитание, на сегодняшний день, можно разделить на три группы: государственные, общественно-государственные, и общественные. Примерами первых являются Суворовские и Нахимовские военные училища и кадетские корпуса, вторых — ДОСААФ как общественно-государственная организация, третьих — различные военно-патриотические, поисковые, военно-спортивные ассоциации и клубы, военно-патриотические клубы при РПЦ.

Вся существующая структура патриотического воспитания аморфна и стихийна. Отсутствует чёткая система руководства, нет общего финансирования и оно носит непрозрачный характер. Общий объем финансирования Программы в 2011–2015 годах составит 777,2 млн. рублей, в том числе 596,75 млн. рублей за счет средств федерального бюджета и 180,45 млн. рублей за счет средств внебюджетных источников, выделяемых из фондов творческих союзов, организаций культуры, спортивных и других организаций, участвующих в патриотическом воспитании, а также средств юридических и физических лиц, поступающих в порядке безвозмездной помощи, шефства и спонсорства. Естественно, что если соотнести эти средства с количеством субъектов федерации, то эта малая сумма будет вообще мизерной. Малого того, отсутствие единого центра, отвечающего за развитие патриотизма, может привести к различного рода злоупотреблениям и этими малыми средствами. Как контролировать расход денежных средств, если часть из них отдана в Минобрнауки России, часть - в Росархив, часть в Минобороны России? И эти ведомства не единственные.

«Каждый поисковый клуб или молодёжное движение осуществляют свои методики воспитания молодёжи, сами изыскивают денежные средства. Единой системы воспитания на данный момент в России не существует. Сегодня в России существуют сотни военно-патриотических клубов и объединений, в которых занимаются парни и девушки, искренне любящие свою Родину. В каждом клубе есть

свои традиции, свои наработки и методики, свои знаки отличия. К сожалению, связи между военно-патриотическими объединениями, даже в рамках одного края или города, очень слабые».

Проблемы в Удмуртской Республике в области патриотического воспитания отражают проблемы общероссийские. На сегодняшний день патриотическое воспитание в данном субъекте Федерации выражается в акциях разового характера: конкурс между музеями «Наша общая Победа», Мультимедийная презентация о поисково-собирательской деятельности активистов музеев, Конкурс исследовательских работ по краеведению «Моя Удмуртия». Патриотическая работа со стороны политических партий также непостоянна и одно-моментна, носит, как правило, лозунговый характер.

В 2011 г. Министерством по делам молодёжи Удмуртской Республики были предусмотрены курсы повышения квалификации для работников патриотических клубов и кадетских классов. Однако финансировались они лишь частично.

Характерна для Удмуртии и проблема износа материальной части спортивных организаций, РОСТО, патриотических клубов. Связано это не только слабостью финансирования из государственного бюджета, но и банкротством крупных промышленных предприятий, которые помогали материально различным патриотическим организациям.

К сильным сторонам сегодняшнего положения в патриотическом воспитании является широкая свобода действий. Однако, это сопряжено и с риском для участников патриотического движения войти в конфликт с законом или попасть под влияние различных структур. Стихийность, если не считать советский период, и аморфность являются главнейшими проблемами патриотического воспитания в России.

Очевидно, что в рамках Удмуртской Республики или иного субъекта России, проблему патриотического воспитания не решить. Благотворительность и самоотверженность в деле патриотического воспитания будут присутствовать всегда, но ключевые вопросы должно решать государство. Иной оборот событий опасен стихийным характером развития патриотического движения, что опасно своей неконтролируемостью и конфронтацией различных категорий граждан. И историческая память, преподнесенная не только в цифрах и достигнутых невероятными усилиями трудовых достижений периодов чрез-

вычайных для страны, служит источником, «оптикой» видения современных задач воспитания.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдонина Наталья Сергеевна	аспирант, факультет журналистики Высшей школы журналистики и мас- совых коммуникаций СПбГУ E-mail: natochka1987@mail.ru
Абилова Рамина Олеговна	студент Института истории К(П)ФУ E-mail: ramina.abilova@gmail.com
Авшалумова Л.Х.	ФГБОУ ВПО Дагестанский государ- ственный университет, г. Махачкала
Адамов Михаил Алексеевич	К.и.н, преподаватель церковно- исторических дисциплин, Курская православная духовная семинария
Аденины А	Студент КНИТУ E-mail: neyuadebayo@gmail.com
Алексеев Виктор Владимирович	Доцент, кандидат ист. наук, кафедра истории института переподготовки и повышении квалификации преподава- телей гуманитарных и социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова E-mail: morehod800@rambler.ru
Андреев Андрей Аникин Д.А.	Студент КНИТУ Саратовский Государственный Уни- верситет им. Н.Г. Чернышевского E-mail: dandee@list.ru
Ануфриева Анастасия Владимировна	Аспирант кафедры искусствоведения, Национальный Исследовательский Иркутский государственный техниче- ский университет. E-mail: anastasia2503@rambler.ru
Байкин Станислав Анатолевич	Аспирант кафедры социологии, Са- ратовский государственный универ- ситет им.Н.Г.Чернышевского E-mail: fama@nm.ru
Баканов Павел Павлович	Студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования го- рода Москвы Колледж архитектуры и строительства №7
Беглиев Энвер Беляева	Студент КНИТУ, Туркмения к. пед. н., доцент, кафедры истории и

**Мария
Алексеевна**

социальной работы, Уральский государственный педагогический университет, Институт социального образования, г. Екатеринбург

E-mail: marysia@mail.ru

**Блохин
Виктор
Николаевич**

аспирант, магистр исторических наук, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, кафедра педагогики, психологии и социологии

E-mail: vik-1987@bk.ru

**Болдырев
Роман
Владимирович**

Студент, исторический факультет, кафедра истории и юриспруденции, Липецкий Государственный педагогический университет, г. Липецк

E-mail: skull-ucoz@yandex.ru

**Бочарова
И. А.
Буреева
Елена
Викторовна**

ФГБОУ ВПО Дагестанский государственный университет, г. Махачкала кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и культурологии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет. **E-mail:** bureeva79@mail.ru

**Виленский Антон
Габдрахманова
Елена
Владимировна**

Студент КНИТУ

Старший преподаватель, кафедра изобразительного искусства и дизайна, КФУ Институт филологии и искусств

E-mail: akyla66@inbox.ru

**Гайденко
Павел Иванович
Галедек Михал**

Д.и.н., доцент КГАСУ

E-mail: paul03kaz@rambler.ru

**Галимов
Тэймур
Рустэмович
Гарцев
Андрей
Сергеевич**

Гданьский университет, Польша

Аспирант, Казанский государственный архитектурно-строительный университет. **E-mail:** galimov_t_r@mail.ru

Студент Нижегородского государственного педагогического университета им. Кузьмы Минина

**Гатаулина
Гузель
Шариповна
Гедзь**

студент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет

Аспирант, кафедра социальной фило-

**Кирилл
Николаевич**

софии, философский факультет, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

E-mail: gedz_kirill@mail.ru

Гезалова

К.и.н., с.н.с., Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана. **E-mail:** ygezalova@gmail.ru

Егяна

Хафизовна

профессор, к.и.н., Казанский государственный энергетический университет. **E-mail:** rezedagibadulina@mail.ru

Гибадуллина

Резеда

к. филос. н., доцент кафедры «Философия», Ульяновский государственный технический университет

Наилевна

E-mail: savvo4@rambler.ru

Голдобина

Лидия

Аспирант кафедры Истории Отечества (Ульяновский ГУ)

Анатолевна

Голотин

Александр

Валерьевич

Горелова

Соискатель кафедры философии Курского государственного медицинского университета. **E-mail:** igor@r46.ru

Ирина

К.и.н, ст. препод. каф. Истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета

Анатолевна

Гринченко

Яна Сергеевна

Гущина

Ст. хранитель фондов Этнографического музея Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

Елена

главный ассистент и д-р филологии

Геннадьевна

Исторического факультета Софийского университета "Св. Климент Охридски", Болгария. **E-mail:** zzaf@abv.bg

Гъркова

Студент, КФУ Институт филологии и искусств, кафедра изобразительного искусства и дизайна

Веселка

Кандидат культурологии, доцент, Вятский Государственный Университет, г. Киров

Василева

E-mail: olgadesatkova@yandex.ru

Даутова

К.и.н., доцент, Петрозаводский государственный университет

Динара

E-mail: Elena-dianova@yandex.ru

Фирдинантовна

Десяткова Ольга

Владимировна

Дианова Елена

Васильевна

Дурновцев Валерий Иванович	Д.и.н., профессор Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин РГГУ, Москва
Ершова Гузель Николаевна	Аспирант кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: ershova104@mail.ru
Ершова Юлия Николаевна	Асп., ст. препод. ЗИМИТ, КНИТУ им. Туполева E-mail: ershova1985@mail.ru
Закиев Мирфатых Закиевич	д. филолог. Наук., Академик Академии Наук Республики Татарстан
Захарченко Ольга Николаевна	Магистрант, Северо - Кавказский федеральный университет E-mail: okabyaka@mail.ru
Иванов Антон Юрьевич	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин. E-mail: kgd2006@list.ru
Иванов Андрей Валерьевич	К.и.н., доцент, Казанский юридический институт МВД РФ
Ильязова Рената Витальевна	Студент, Ульяновский государственный педагогический университет E-mail: rena.ilyazova@mail.ru
Исаева Камила Махмуджоновна	Студент, Философский факультет, отделение психологии, Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан. E-mail: ftetalika@mail.ru
Калинин Владимир Сергеевич	Курсант, кафедра гуманитарных дисциплин, Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru
Каркина Светлана Владимировна	Ст. препод. Кафедры музыкального искусства, институт филологии и искусств E-mail: s.karkina@mail.ru
Карпов Алексей Валентинович	к. и.н., доцент кафедры архивоведения и документоведения, историко-географический факультет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
Квасны Михал (Kwaśny Michał)	Гданьский университет, Польша

Козлов Вадим Евгеньевич	к.и.н., доцент, кафедры археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: vadim.kozlov@list.ru
Кончакова Елизавета Михайловна	Студент, исторический факультет, кафедра истории и теории культуры, Липецкий Государственный педагогический университет, г. Липецк E-mail: kowkaforever@yandex.ru
Коршунова Ольга Николаевна Кравцова Елена Сергеевна	Зав. Кафедрой, д.и.н., профессор, КНИТУ, кафедра гуманитарных дисциплин E-mail: kgd2006@list.ru Д.и.н., доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета E-mail: elenakravcova@yandex.ru
Крайсман Наталья Владимировна Красильникова Екатерина Ивановна	К.и.н., доцент ИЯПК КНИТУ E-mail: n_kraysman@mail.ru К.и.н., доцент кафедры Истории и политологии, Новосибирский государственный университет E-mail: katrina97@yandex.ru
Кузьмина Виолетта Михайловна	Доцент кафедры психологии и педагогики, канд. ист. наук, Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета E-mail: Kuzmina-violetta@yandex.ru
Кукарцева Марина Алексеевна Кураков Дмитрий Владимирович	Д. филос. н., проф. кафедры Политологии и политической философии, Дипломатическая Академия МИД РФ студент, Исторический факультет, Нижегородский государственный педагогический университет
Лазновская Галина Юрьевна	К.и.н, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, НОУ ВПО филиал Института профессиональных инноваций, г. Волгоград E-mail: blonka@yandex.ru
Ланской	Д.и.н., профессор, РГГУ, Москва

Григорий Николаевич Лашевская Анжелика Дмитриевна	аспирант кафедры Теоретической и прикладной социологии, Уральский Государственный Педагогический Университет E-mail: a.lashevskaya@gmail.com
Лейбова Екатерина Константиновна	Доцент, кандидат педагогических наук, кафедра отечественной истории, Новосибирский государственный педагогический университет E-mail: memorika@rambler.ru
Леонов Михаил Иванович Люсый Александр Павлович	д.и.н., проф. Самарского государственного университета Старший научный сотрудник, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева и Российский институт культурологии E-mail: allyus1@gmail.ru
Макаров Виктор Александрович	К.и.н., с.н.с. Российской Национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург E-mail: vickt.mackarov2014@yandex.ru
Мамедова Назиля Беюк-Агаевна	научный сотрудник Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана E-mail: ygezalova@gmail.ru
Масалимов Ряз	К.и.н., доцент Социально-гуманитарный институт Бирской академии БашГУ E-mail: riazmass@yahoo.com
Масалова Ольга Алексеевна	Директор Этнографического музея Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань
Матюшин Петр Николаевич	К.и.н., доцент кафедры архивоведения и документоведения, историко-географический факультет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова E-mail: pet316@yandex.ru
Махмутова М. М.	Казанский (Приволжский) федеральный университет

	Е-mail: madinakazan@mail.ru
Мегилл Аллан	Профессор университета штата Вирджиния, США
Михалак Марцин	Гданьский университет, Польша
Мингазов Ильдар Эльбрусович	Студент, КФУ Институт филологии и искусств, кафедра изобразительного искусства и дизайна
Мир-Багаридзе Фарида Алтай кызы	С. н. с. отдела «Теоретические и прикладные проблемы эстетики», доцент, Институт Философии, Социологии и Права Национальной Академии наук Азербайджана
	Е-mail: samiramb777@mail.ru
Мир-Багирзаде Самира Алтай кызы	кандидат филологических наук, доцент, с.н.с. отдела «Проблемы религиоведения и философии культуры, Институт Философии, Социологии и Права Национальной Академии наук Азербайджана.
	Е-mail: samiramb777@mail.ru
Миронов Григорий Юрьевич	Аспирант, Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону), кафедра исторической политологии,
	Е-mail: grigmironov@yandex.ru
Москвитин И.	Студент КНИТУ
Музафаров Ильдар Ильфикович	Студент, Казанский юридический институт МВД РФ.
Мусина Карина Ирековна	Доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна; заслуженный архитектор РТ, Институт филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Мусина Лиана Александровна	Студент, Институт Истории, ФГАО-УВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
	Е-mail: pusechka1993@mail.ru
Мустафаева Лейлихан Бабаевна	Студентка, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Дербент
	Е-mail: GSEIDOVA@RAMBLER.RU

Мухамадеева Айгуль Альбертовна	Соискатель кафедры Отечественной и зарубежной истории, Казанский государственный университет культуры и искусств
Набиев Ринат Ахметгалиевич	Д.и.н., проф. Зав. каф. политической истории Казанский (Приволжский) федеральный университет
Нагодкина Светлана Андреевна	аспирант кафедры истории нового и новейшего времени, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru
Надеева Диана Борисовна	Студент КНИТУ
Надеева Марина Иосифовна	Д. пед. н., проф. КНИТУ E-mail: marina_nadeeva@bk.ru
Назарова Марина Григорьевна	К. филос. н., кафедра гуманитарных дисциплин, Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru
Насибуллина Эльвира Маратовна	студент, Социально-гуманитарный институт Бирской академии БашГУ E-mail: istfak10@mail.ru
Несмелов Олег Владимирович	Д. и. н., Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru
Никифоров Александр Леонидович	Д. филос. н., проф., Институт философии РАН
Нцуму Рют Шельтон Овчинников Александр Викторович	Студент КНИТУ, Конго-Браззавиль
Орлов Андрей Сергеевич	к.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru соискатель кафедры религиоведения и теологии, Философский факультет, Орловский Государственный Университет. E-mail: orlov-orl@mail.ru

Пазин Роман Викторович	Аспирант кафедры Российской истории, Самарский Государственный Университет E-mail: PazinRV@gmail.com
Пичугин Андрей Борисович	Соискатель кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ. E-mail: kgd2006@list.ru
Погосян Арсен Арменович	Студент кафедры Теории и истории культуры (Хабаровский государственный институт искусств и культуры)
Поддубная Александра Антоновна Поливанов Ярослав Мстиславич	Магистрант кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет, Екатеринбург К.и.н., доцент гуманитарных дисциплин КНИТУ. E-mail: kgd2006@list.ru
Постников Сергей Васильевич	К. п. н., доцент, ВА материально-технического обеспечения Минобороны России, г. Вольск
Проценко Юлия Александровна	Студент кафедры Теории и истории искусств (Белгородский государственный институт искусств и культуры), г. Белгород
Разуваева Юлия Сергеевна	Студент КНИТУ E-mail: julianner@mail.ru
Рева Екатерина Константиновна	К. филол. н., доцент кафедры журналистики, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского E-mail: ekaterina.re@rambler.ru
Руденко Кристина Петровна	Студент, Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7
Сайфутдинова Гузель Борисовна	К. и. н., кафедра истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Салимгареев Максим	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ

Владимирович	E-mail: kgd2006@list.ru
Салмина Дарья Сергеевна	студент кафедры истории и архивного дела, Казанский государственный энергетический университет
Сергеева Зульфия Харисовна	к. социол. н., доцент, кафедра ГМУС КНИТУ E-mail: sasergeev1@rambler.ru
Сергеев Сергей Алексеевич	д. полит. н., проф., кафедра СПК, КНИТУ E-mail: sasergeev1@rambler.ru
Страхов Леонид Витальевич	Студент, Воронежский государственный университет, исторический факультет, кафедра истории России
Стрекалов Илья Николаевич	Студент, МГУ им. М.В. Ломоносова E-mail: strek93@mail.ru
Синицина Наталья Алексеевна	Кандидат социологических наук, доцент, НОУ ВПО «Северо- Кавказский социальный институт», юридический факультет, кафедра истории и государственного права E-mail: sinicina3112@mail.ru
Сеидова Гюльчохра Надировна	Доцент, кандидат философских наук, Заслуженный учитель РД, ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», филиал в г. Дербент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин E-mail: GSEIDOVA@RAMBLER.RU
Суслов Алексей Юрьевич	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Суслова Раиса Анваровна	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru
Тарабрина Ольга Александровна	К.и.н., профессор Академии военных наук
Титова Татьяна Алексеевна	д.и.н., проф., кафедра археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет E-mail: tatiana.titova@rambler.ru
Трегубенко Илья	Аспирант, РГПУ им. А. И. Герцена

Александрович Freeman Harold S. Фриман Гарольд . Фролова Елена Валерьевна	E-mail: ia1223@yandex.ru Проф. университета штата Северная Каролина, США К.и.н., доцент кафедры социально- политических дисциплин, Институт экономики, управления и права, г. Казань. E-mail: frolova@ieml.ru
Фролова Анна Николаевна	Старший лаборант, Государственное бюджетное образовательное учреж- дение среднего профессионального образования города Москвы Колледж архитектуры и строительства №7 E-mail: fagot_stuff@mail.ru
Хамидуллина Аделя Ильмировна	К.и.н., Казанский (Приволжский) фе- деральный университет, институт истории, кафедра археологии и этно- логии
Хамматов Шамиль Сабитуллаевич Хаплекхамитов Рафаил Бикбулатович Хуторова Людмила Михайловна	К.и.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ E-mail: kgd2006@list.ru к. и. н., Институт педагогики и психо- логии РАО E-mail: kpj07@mail.ru
Черёмушникова Евгения Андреевна	К. и. н., доцент кафедры истории и архивного дела, Казанский государст- венный энергетический университет E-mail: hutorovalyd@mail.ru аспирант, ФГОУ ВПО Волгоградский государственный социально- педагогический университет, Инсти- тут Конфуция E-mail: calipso.89@mail.ru
Черёмушникова Ирина Кабдрахимовна	Д.филос. н., доцент кафедры истории и культурологии, ГБОУ ВПО Волго- градский Государственный медицин- ский университет, E-mail: inhaabitus@mail.ru
Черепанов Михаил Валерьевич	Заведующий Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны 1941- 1945гг. в Казанском Кремле, член- корреспондент Академии Военно-

**Чернов
Олег
Александрович**

исторических наук, лауреат Государственной премии РТ

E-mail: echovoyni@ya.ru

К.и.н., доцент кафедры Отечественной истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

**Чикишева
Анна
Сергеевна**

аспирант, научный сотрудник, Российский институт культурологии, сектор исследований медиакультуры

E-mail: anna.chikisheva@gmail.com

**Швайко
Наталя
Алексеевна
Ширханян
Саргис Сербович**

Аспирант кафедры Теории и истории культуры, Хабаровский государственный институт искусств и культуры

Магистрант, бакалавр политических наук, Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван. Институт политики и права.

E-mail: saqshir@gmail.com

Шпайер М.

Гданьский университет, Польша

E-mail: maikszpajer@wp.pl

**Шульмин
Алексей
Александрович
Яковлева
Елена
Людвиговна**

Аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, КНИТУ

E-mail: kgd2006@list.ru

кандидат культурологии, доцент кафедры философии, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: mifoigra@mail.ru

**Яковлев
Константин
Алексеевич**

Студент КНИТУ

SUMMARY

Collected articles contains the articles of International Youth Scientific School «Historical Memory and Dialogue of Cultures» which took place at Kazan National Research Technological University (Russia) 22 May 2012 – 19 September 2012. Texts of reports and articles were received from the representatives of 12 states. Complex problems of the formation and the content of historical memory, the correlation of historical myths and reality, dialogue of cultures at the time of globalization are in the focus of author's attention. Majority of participants of Scientific School are the young people up to 35 years old.

Plenary report and article of professor V.I. Durnovtsev (Moscow) are focusing on representation of historical memory and historical consciousness in the theoretical, methodological and historiographical practices. Polish scientists M. Michalak and M. Galedek have devoted their researches to the interaction of cultures on materials of Danzig. Allan Megill, professor at University of Virginia, USA has given the fundamental analysis of history, memory and identity correlations in his article.

The memory about the Great Patriotic War stands as an independent subject of collected articles materials and reports on the Conference. It is the problem of mythologize and adulteration of the war image, formation of historical memory about it in Germany and Russia.

In the section “*Content of historical memory*”, the report about electoral statistics as the source of historical memory reflection of modern Russian elector, about the fortune of historical sites and forms of historical memory preservation in the country was presented alongside with the reports on the problems about cultural and historical preservation heritage and historical sites. These topics are combined with genealogical respective of study and preservation of historical memory, with reports about the role of museums in the images of the past translation, about the family photograph as the source of historical memory.

In the section “*Ethnic memory and dialogue of cultures at the era of globalization*” not only the theoretical component of dialogue of cultures and historical memory in modern age has received a very detailed reflection, but also the collision of cultures' interaction in the conditions of intensive migration, problems of ethnic minorities in the polyethnic city, national and cultural self-definition in modern Russia etc. Discourse of constructivism and primordialism was presented in the debate on the topic of ethnic memory.

As the great Russian historian V.O. Klyutchevskiy wrote: «if the history is capable to teach something, first of all, it is our consciousness, clear look at the present». We hope that the proposed collected articles will be the step forward in this direction.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 3. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	3
Абилова Р.О. Семейная фотография как источник по истории семьи и рода	3
Ануфриева А.В. Постмодернистское искусство как опыт освоения иноземных культурных традиций	11
Беглиев Э.Р. Туркмения и ее культура: прошлое и настоящее (Чарджобуская область)	18
Беляева М.А. Диалог культур в прокреационной сфере российского общества	21
Блохин В.Н. Взаимодействие культур в Республике Беларусь в контексте проблем миграции	28
Буреева Е.В. Декада национальной культуры: советский опыт межкультурной коммуникации	33
Голотин А.В. Национальная политика в Симбирском крае в 20-е гг. XX века (на примере татар)	41
Гринченко Я.С. Старообрядческая культура в условиях глобализации (на материалах Нижнего Поволжья)	51
Гъркова В.В. Мифология происхождения франков и ее историческая рефлексия	58
Исаева К.М. Празднование Навруза в Средней Азии как сохранение важной традиции.	70
Каркина С.В. Диалог культур как метод эстетического воспитания в процессе изучения образцов музыкального воплощения поэтического наследия	72
Козлов В.Е., Титова Т.А. Этнокультурные потребности современного русского населения Республики Татарстан (по материалам этносоциологического исследования)	81
Коршунова О.Н., Андреев А. Историческая память и диалог культур в эру информационной революции	97
Махмутова М.М. Энкультурация в татарской диаспоре Финляндии в контексте культурного наследия татар Поволжья конца XIX начала XX в.в.	102
Мир-Багирзаде С.А. Многообразие культуры Азербайджана	109
Миронов Г.Ю. Влияние исторической памяти на развитие русино-украинского этнополитического конфликта	118
Мусина К.И. Усадьбы Казани и Заказанья	122
Мухамадеева А.А. Культура мира в контексте коллективной памяти	128

Пичугин А.Б. Волжская булгария: этногенез народов и культурные взаимодействия	134
Постников С.В. Функционирование узбекского языка на основе русской лексики	142
Сеидова Г.Н. Диалог культур и сохранение культурного наследия на примере города Дербент.	152
Титова Т.А., Сайфутдинова Г.Б., Хамидуллина А.И. Некоторые аспекты демографического поведения и родительства в постсоветском Татарстане	163
Фролова А.Н., Руденко К.П., Баканов П.П. Сохранение культурного наследия и экологическая культура	166
Фролова Е. В. Диалог культур в полиэтничном обществе: национальные особенности и исторические традиции (на примере групп этнических меньшинств г. Казани)	171
Хаплекхамитов Р.Б. Интеллигенция и историческая память	179
Черёмушникова Е.А. Китайская модель сохранения культурной идентичности в условиях глобализации	182
Ширханян С.Г. Историческая память и диалог культур в условиях глобализации	190
Шульмин А.А. Исторические традиции и задачи патриотизма и историческая память	194
Сведения об авторах	204
SUMMARY	216

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Том 3

Ответственный за выпуск проф. О.Н. Коршунова

Обложка: Васильев К.А. «Струна» (1963 г.)

Лицензия № 020404 от 6.03.97 г.

Подписано в печать 13.02.13

Формат 60×84/16

Бумага офсетная

Печать Riso

12,79 усл. печ. л.

13,75 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз.

Заказ

«С» 10

Издательство Казанского национального исследовательского
технологического университета

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

420015, Казань, К.Маркса, 68